

Л-ДАВЫДЫЧЕВ

РУКИ ВВЕРХ!

ВРАГ № ИЛИ

000 XIX

УКИ

В

В

У

А

БРАТЦЫ

У

Р

Л

К

ЕН, А

П

ерпов

40000

О

Я

№

**ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

**Эта книга о том как шпионы реш
или уничтожить всех мальчиш
еки девчонок потому что не на в
идят их больше всего на свете**

Давыденко —

РАТЦЫ

враг
человека

РУКИ
ВВЕРХ

ТУНЕЯДЦЫ

КАНУ

ГЛАВА-И

ОД-ОД-ОД

ПРОЛОГОМ

КЕЯК!

Л. Давыдычев

РУКИ ВВЕРХ ! 1

ВРАГ **ИЛИ** **ВРАГ**

р о м а н

ЧУТЬ-ЧУТЬ ДЕТЕКТИВНЫЙ, ДА ЕЩЕ С НАУЧНО-МЕДИЦИНСКИМ УКЛОНОМ, ДА ЕЩЕ С ПРОЛОГОМ, НО ЗАТО БЕЗ КОНЦА; В ДЕСЯТИ ЧАСТЯХ, НАПИСАННЫХ ЛИЧНО АВТОРОМ, И ОДИНАДЦАТОЙ ЧАСТЮ, КОТОРУЮ ОН ПРЕДЛАГАЕТ НАПИСАТЬ САМИМ ЧИТАТЕЛЯМ; СРЕДИ НИХ АВТОР НАДЕЕТСЯ УВИДЕТЬ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК, КОТОРЫЕ ХОТЯТ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПО-ВЗРОСЛЕТЬ, И ВЗРОСЛЫХ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫЛИ СВОЕГО ДЕТСТВА

Художник Р. Багаутдинов

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Лев Давыдычев родился в 1927 году в городе Соликамске Пермской области. Окончил нефтяной техникум, затем историко-филологический факультет Пермского университета. Работал техником-оператором, сотрудничал в областных газетах. Первая книга Льва Давыдычева — «Волшебник дачного поселка» — была адресована детям, затем одна за другой вышли повести для взрослых «Бутылочка нефти», «Горячие сердца», «Трудная любовь». Вскоре Давыдычев стал известен как интересный рассказчик, дебютировал как драматург. Но в 1954 году родилась его новая книжка для детей — сказка «Как медведь кашу ел», следом появился цикл рассказов о мальчике Леньке в сборнике «Почему плакала девочка».

С этих книг начался веселый детский писатель Лев Давыдычев, автор смешных повестей для ребят.

«Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника» и «Лелишна из третьего подъезда» — книги, знакомые многим ребя-

там, они большими тиражами выходили в Пермском и столичных издательствах.

В своих юмористических повестях Лев Давыдычев говорит о вещах самых серьезных: о том, как важно и как непросто хорошо учиться в школе, уметь всякое дело делать самому, быть честным и справедливым. Оставаясь от первой до последней страницы безудержно смешными, эти повести учат ребят бесстрашию и доброте.

«Руки вверх! или Враг № 1» — книга новая и для читателя и для самого писателя. Здесь все острее и сложнее, чем в предыдущих повестях. Да и не повесть это уже, а многоплановый роман — роман-пародия, в котором рядом с озорством и безобидным юмором появляется сатирический гротеск, рядом с дружеским шаржем — откровенная карикатура, в котором разговор о привычной мальчишеской игре искусно маскирует искреннюю тревогу автора, желание снова и снова утверждать пользу действия, необходимость труда и умения победить «врага № 1» — собственную лень.

Роман непривычен, во многом экспериментален. Он адресован и маленьким и большим одновременно. Он ждет от маленьких читателей соучастия, от больших — раздумья.

П Р О Л О Г

ШПИОНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ „ТИГРЫ-ВЫДРЫ“ ТЕРПИТ

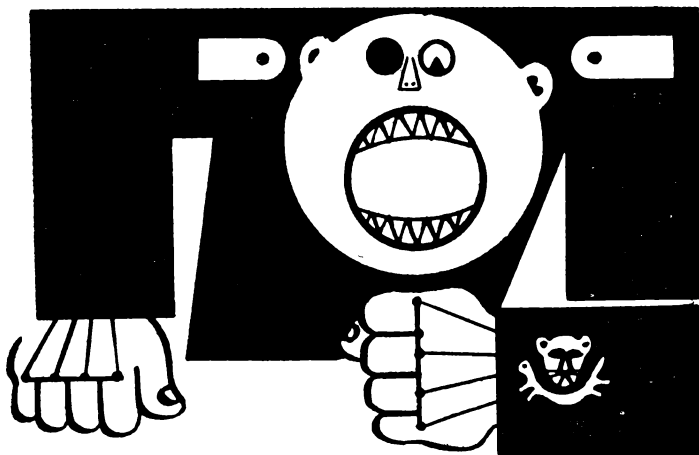
ПОЧТИ ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ ИЗ-ЗА ТРЕТЬЕКЛАССНИКА ТОЛИ-

КА ПРУТИКОВА

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛКОВНИ-

КА ШИТО-КРЫТО И ЕГО СОКРОВЕННОЙ МЕЧТЫ

**В САМОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ
ОТДЕЛЕ ШПИОНСКОЙ ОР
ГАНИЗАЦИИ «ТИГРЫ-ВЫД
РЫ» ЦАРИЛА НЕВЕРОЯТ
НЕЙШАЯ ПАНИКА!**

Начальник отдела грозный полковник Шито-Крыто, зеленый от злобы, вот уже тринадцать с половиной минут стучал правым кулаком по столу.

Когда правый кулак заболел, полковник Шито-Крыто побагровел от дикой злобы и заработал по столу левым кулаком. На столе лежало

Донесение первое

Сегодня агентом маленького роста типа школьника задержан БХ-000. Подозреваю, что БХ-000 — предатель. Тогда нам всем кеяк.

БУГЕМОТ.

— Убью! — закричал полковник Шито-Крыто и в несусветной ярости затопал ногами.— Расстреляю всех из пушки!.. А что такое кеяк! — Пяткам стало больно, и он замолотил по столу кулаками, обоими сразу. — Что такое кеяк!

И тут на стол перед ним положили

Донесение второе

Боюсь, что мы погорели. Надо бы убежать, но я бежать не могу, так как имею ужасное расстройство желудка на нервной почве. БХ-000 куда-то исчез. Мяу молчит. А всем нам какой-то кеяк, кеюк или каёк. Жду срочных указаний. Погибать неохота. Ведь я так еще молод.

КАНАРЕЕЧКА.

Двадцать три часа восемь минут шестнадцать секунд кричал, стучал кулаками и топал ногами, бился о стену своей огромной, без единого волоска головой начальник Самого Центрального Отдела полковник Шито-Крыто, багровея, бледнея, синея, зеленея, коричневея от дикой злобы и несусветной ярости.

**Сотрудники отдела застыли в гробовом молчании...
Полковник Шито-Крыто умолк и замер, выпучив глаза, лишь тогда, когда на стол перед ним положили**

Донесение третье

Бугемот и Канареечка арестованы. ЫХ-000 взята гентом маленького роста, типа школьника. Вторые сутки сижу в парке на дереве. Очень хочу есть. Не знаю, что и делать. Всем нам какой-то кеяк, кеюк или каёк.

МЯУ.

Полковник Шито-Крыто оцепенел. Он сидел, выпучив глаза, потеряв дыхание, и его огромная, без единого волоска голова почернела от дикой злобы и необъятного горя. И вдруг он начал стучать этой головой по столу и кричать во всю глотку:

— Какой кеяк! Какой кеюк! Какой каёк!! Всех подвешу к потолку за левую ногу! Кеяк! Кеюк! Каёк! Сафронигу ту балд! (известное шпионское ругательство).

И в это время на стол перед ним положили

Донесение четвертое, самое важное

Надоело шпионить. Хватит. Почти добровольно сдался третьекласснику Толику Прутикову. Выдал я всех приятелей-предателей. Выдал всю нашу диверсионную группу „Фрукты-овощи“ и организацию „Тигры-выдры“. Чтоб всем нам был каюк. Чтоб полковник Шито-Крыто лопнул от дикой злобы.

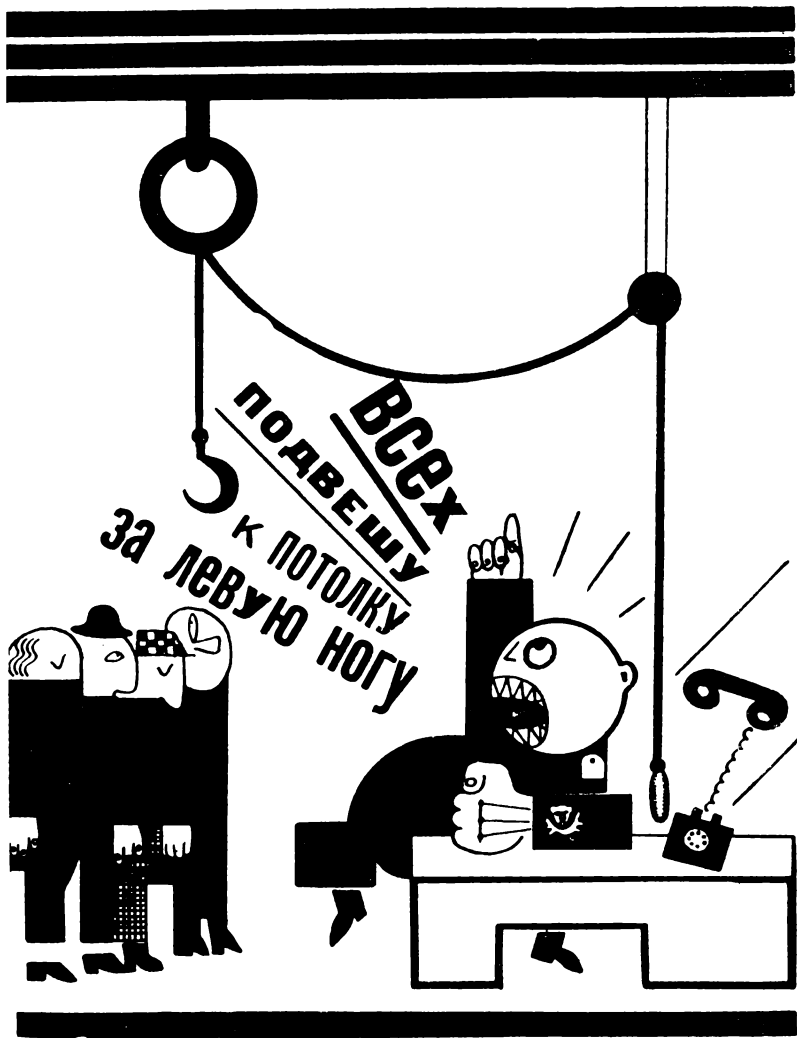
**БЫВШИЙ АГЕНТ ЫХ-000, А СЕЙЧАС
ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ФОНДИ-
МОНДИ-ДУНДИ-ПЭК**

Но, получив это ужасное известие, полковник Шито-Крыто не лопнул от дикой злобы. Он постучал по столу кулаками, потопал по полу ногами, три раза ударился с разбегу огромной, без единого волоска головой о стену и приказал:

— Всех шпионов ко мне! Срочно!

Ровно через одиннадцать с половиной секунд все шпионы стояли навтыжку в огромном кабинете своего грозного начальника, а грозный начальник орал:

— Мы оказались в дураках! Нас предали! Проклинаю агента ЫХ-три нуля! Найду его живого или мертвого и подвешу к потолку за левую ногу! Проклинаю третье-

классника Толика Прутикова! Уничтожу его во что бы то ни стало! Погибла вся диверсионная группа «Фрукты-овощи»! Рыдайте, шпионы! У нас необъятное горе! Рвите на себе волосы! Беда тому, кто зарыдает негромко!

И каждый шпион зарыдал во весь свой шпионский голос. И каждый шпион вырвал из своей шпионской головы хотя бы один шпионский волосок.

— А теперь в память о погибших — раз, два! — взвыли!

Шпионы взвыли с таким отчаянием, словно каждому из них грозила немедленная гибель.

Сам грозный полковник Шито-Крыто выл громче всех, потому что был здесь самым главным, самым злобным, самым подлым, самым жестоким, самым хитрым.

— Приказываю, — сквозь зубы хрипло процедил он, — всем быть на своих местах и без моего особого распоряжения ни есть, ни пить, ни спать! Только думать! Думать так, чтобы я слышал, как скрипят у вас мозги! Учтите, что провалилась не только диверсионная группа «Фрукты-овощи», но и шпионская организация «Тигры-выдры» в целом! Это не только позор, но и ужас! Чтобы реабилитировать, то есть оправдать себя в глазах начальства и потомства, мы должны выработать план новой операции. Невиданной операции! Такой жестокой и подлой, чтобы мы сами сначала испугались своего собственного замысла! Мы должны натворить что-то такое невообразимое, чего не вытворяла ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества. Итак, идите, садитесь и скрипите мозгами. Горе тому, за левую ногу того к потолку, скрипа чьих мозгов я не услышу! Быстро по местам — вон! Стриптиро стрито! [малоизвестное шпионское ругательство].

Шпионы быстро бросились вон по своим местам, чтобы вплоть до особого распоряжения ни есть, ни пить,

ни спать, а громко скрипеть мозгами — придумывать операцию, какой не вытворяла еще ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества.

Громче всех скрипел мозгами сам полковник Шито-Крыто. Он думал и одновременно вспоминал свою трудную и подлую жизнь. А жизнь свою он вспоминал потому, что в ней наступал тот долгожданнейший момент, когда полковник Шито-Крыто получил реальнейшую возможность проскочить в генералы. А проскочить в генералы ему было необходимо, чтобы исполнить заветнейшую, многолетнюю мечту всей своей жизни.

Вот вам вкратце его жизнь, и вот вам вкратце его мечта.

Были когда-то у грозного полковника Шито-Крыто и фамилия, и имя. Но прозвище Шито-Крыто он получил еще в школе и сейчас уже сам не помнил, какое же у него было имя и какая же у него была фамилия.

Ловкий, хитрый, жестокий и коварный, Шито-Крыто начал учиться шпионить лет с пяти. Сначала он подглядывал за младшим братом, затем он подглядывал за старшей сестрой, потом — за бабушкой и дедушкой и, наконец, стал подглядывать за родителями. Вся семья боялась его и ненавидела.

А тут он еще приспособился следить за соседями. Тогда его стали бояться и ненавидеть еще и соседи.

Поэтому, когда Шито-Крыто пошел в школу, им был уже накоплен порядочный опыт подслушивания, подглядывания, слежки, нашептывания и всего вроде этого.

В классе, где учился Шито-Крыто, все боялись друг друга, ябедничали, клеветали, сплетничали, пакостили самыми разнообразными способами, и никто не мог догадаться, кто же их довел до жизни такой.

У Шито-Крыто все всегда было шито-крыто!

И если через месяц-полтора после начала учебного года класс, где он учился, не распускали, то к середине учебного года приходилось расформировывать всю школу.

С тринадцати лет Шито-Крыто уже подрабатывал на службе в полиции, и его ставили в пример взрослым сыщикам.

Больше всего любил Шито-Крыто предавать. У него на это был редкий, особый талант. Вступал он, например, в шайку воров, спокойненько складывал денежки в карман, очень спокойненько выдавал воров полиции, очень спокойненько получал за это денежки и, сами понимаете, совершенно спокойно складывал денежки в тот же карман.

Со временем Шито-Крыто сообразил, что нет смысла рисковать, связываясь с преступниками, и стал предавать просто честных людей.

Подлости Шито-Крыто поражались самые подлые подлецы. Он до того наловчился и привык выслеживать и доносить, что однажды донес на свою родную маму.

Вот тут-то его и вызвали в шпионскую организацию «Тигры-выдры».

Начальник Самого Центрального Отдела полковник Батон сказал:

— Такого негодяя, как вы, мне еще не приходилось видеть! — Он крепко пожал ему руку. — По-моему, вы один из самых подлых людей на всем земном шаре.

— Стараюсь, шеф, — скромно ответил Шито-Крыто.

— Предать свою родную маму! Это же замечательно!

— Это для меня ерунда, господин полковник. Просто, как говорится, под рукой, никого, кроме мамыши, не было. Повторяю: предать свою родную маму — для меня пустяк. Я мечтаю предать всех матерей! Всех отцов!

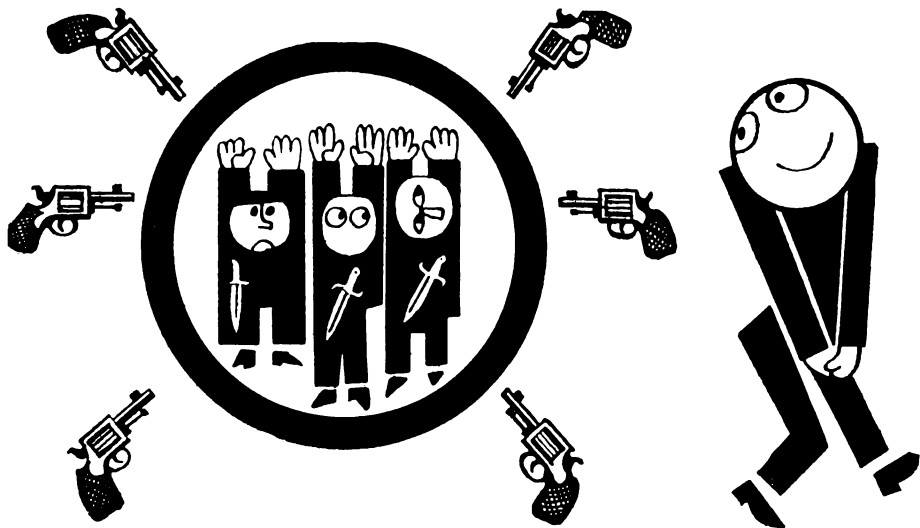
Всех детей! Всех людей — предать! Вот мечта моей жизни.

Полковник Батон так и сел, так и сказал:

— О'кейно! Впервые я встретился с воистину великим подлецом. Предать всех! Вот это мечта! Но подождите! Значит, вы можете предать и меня!

— При первом удобном случае, шеф.

Полковник Батон схватился за пистолет, очень тяжело задышал, взял пресс-папье, промакнул им на лбу очень крупные капли очень холодного пота и пробормотал:

— Вы далеко пойдете. У вас блестящее будущее. В принципе я с вами согласен. Но вы избрали довольно трудный путь. А почему бы вам не стать бандитом хорошей квалификации, крупным политическим деятелем или просто оборотистым дельцом?

— Для меня все это мелко. — Шито-Крыто брезгливо поморщился. — Что может сделать бандит? Ну, убить несколько человек, ограбить несколько банков. И все. Политика — дело трудоемкое. А быть просто дельцом — для меня просто неинтересно. Зато сердце сжимается от счастья, когда я вспоминаю о своей великой мечте — предать всех!

— Но как вы это осуществите!

— Пока не знаю, шеф. Но ведь я почти не сплю, очень мало времени трачу на принятие пищи, я, не переставая, думаю, размышляю, рассчитываю, прикидываю, взвешиваю, изучаю, сравниваю, делаю выводы... И когда-нибудь я обязательно найду способ, при помощи которого мне удастся предать всех матерей, всех отцов, всех детей, всех людей — предать!

— Зачисляю вас в штат доблестной организации «Тигры-выдры», — сказал полковник Батон. — Здесь у вас будут все условия, чтобы осуществить свою великую мечту.

Вскоре Шито-Крыто стал одним из ведущих агентов «Тигров-выдров». Ему поручали самые опасные задания. Соперничать с ним мог только агент ЫХ-000, известнейший шпион Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Надо ли говорить о том, что они были закадычными врагами?

Но если ЫХ-000 был просто шпионом, то Шито-Крыто еще и при каждом удобном случае продвигался вверх по служебной лестнице, дослужился до звания полковника, стал начальником Самого Центрального Отдела и командовал Фонди-Монди-Дунди-Пэком.

И вот закадычный враг, опынейший шпион БХ-000 незадолго до выхода в отставку вдруг предал родную шпионскую организацию!

...Полковник Шито-Крыто перестал скрипеть мозгами, перестал вспоминать свою жизнь и заскрипел зубами. Ничего, ничего, он отомстит и БХ-000, и Толику Прутикову! Он сполна отомстит им за гибель диверсионной группы «Фрукты-овощи!» Кока-кука! (очень распространенное шпионское ругательство).

Он прислушался к доносящемуся со всех сторон скрипу мозгов и зло рявкнул: в скрипе шпионских мозгов явственно слышался скрип стула! Кто же это пытается обмануть начальника Самого Центрального Отдела!! Кому это лень скрипеть мозгами, и он скрипит стулом!! Лайермайер! (мало распространенное шпионское ругательство).

Шито-Крыто топнул левой ногой, ударил правой рукой по столу, вызвал к себе шпионов и ехидно спросил:

— Ну, что интересного придумали ваши умные головы!

Ничего интересного, а тем более умного, шпионские головы не придумали.

— Иного я от вас и не ожидал, — удовлетворенно сказал полковник Шито-Крыто. — А кто из вас, голубчиков, вместо мозгов скрипел стулом!

— Я, шеф, — признался офицер Лахит. — Как я мог позволить соревноваться моим мозгам с вашими? Вы же умнее меня в шестнадцать тысяч раз!

Полковник Шито-Крыто довольно хмыкнул, крикнул и сказал:

— Ты неглуп, хитер и нагл. Скоро вы, безобразники вы этикие, узнаете о том, что придумала моя огромная, без единого волоска голова. Вы вздрогнете от страха и удовольствия! А теперь вы — отдыхать!

Ни разу не видели шпионы своего начальника таким веселым и добрым. К чему бы? Почему бы? Отчего бы? Операция «Фрукты-овощи» провалилась, его за милую душу могут выставить на все четыре стороны, а у него прекрасное настроение!

«Поживем — увидим», — решили шпионы и отправились вон — отдыхать.

А полковник Шито-Крыто сел и стал думать, размышлять, рассчитывать, прикидывать, взвешивать, изучать, сравнивать, делать выводы...

К О Н Е Ц П Р О Л О Г А

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

под названием

**„у каждого
своя
печаль,
у каждого
своя
мечта“**

Г Л А В А № 1

НОЧНЫЕ КРИКИ ТОЛИКА ПРУТИКОВА И ИХ ПРИЧИНА

**БЫЛА У ТОЛИКА ПРУТИКО
ВА МЕЧТА. ЭХ, КАКАЯ ЭТО
БЫЛА МЕЧТА! ПАЛЬЧИКИ
ОБЛИЖЕШЬ! ВОЛОСЫ ДЫ
БОМ ВСТАНУТ! МОРОЗ**

по коже! Вот какая мечта! Не то что у некоторых!

Проснется ночью Толик, трясется от радости, кричит на всю квартиру:

— Поймал, поймал! Честное слово, поймал!

— Ну и хорошо, — сквозь сон отвечает бабушка Александра Петровна. — Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясется и ничегошеньки не соображает. Сидит Толик, сидит, трясется Толик, трясется и понемножку начинает соображать.

Соображает он, соображает, да и баиньки, сначала сидя баиньки, а потом лежа.

Пройдет какое-то время, и снова на всю квартиру радостные вопли:

— Поймал, поймал! Честное слово, опять поймал!
И опять сквозь сон бабушка Александра Петровна говорит:

— Ну и хорошо. Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясется от радости и ничегошеньки не соображает. Такое у него впечатление, будто бы он крепко-накрепко спал, а кто-то вдруг заорал на всю квартиру, и он от этого крика проснулся.

Сидит Толик, сидит, трясется Толик, трясется и понемножку начинает соображать. Начинает он понимать, что кричал это он сам. И лишь поймет — сразу уснет, сначала сидя, а потом лежа.

И вот так каждую ночь по несколько раз. Бабушка все это терпела, как бабушке и положено, а родители не выдержали и однажды ночью вызвали «скорую помощь».

Врач по фамилии Аборкин выслушал рассказ о странном поведении Толика, скорбно покачал головой и проговорил горестно:

— К сожалению, в данном случае медицина бессильна. Нет еще у нас аппарата для промывания мозгов.

— А обязательно это надо! — обеспокоенно и недоверчиво спросила бабушка Александра Петровна. — Может, укол какой сделать или еще лучше — порошок бы или таблеточку...

— Не реагируют они на лекарства, — ответил врач Аборкин, — когда в шпионов играют. В это время они неменяемы. Наблюдаются даже нарушения психики.

— Почему же медицина вплотную не займется этим вопросом! — недоуменно спросил папа Юрий Анатольевич. — Если требуется промывание мозгов, значит, они не в порядке! Значит, их надо лечить немедленно! И мозги, и детей!

— Мозги-то у них, может быть, и в порядке, — все

так же горестно ответил врач Аборкин. — Но они у них, как и у вашего сына, за-би-ты.

— Чем за-би-ты! — возмущенно и испуганно спросила бабушка.

— Ерундой. Шпионами. Вы даже представить себе не можете, до чего ребенка этот самый шпионизм довести может... Вот послушайте. — И врач Аборкин рассказал в высшей степени поучительную и грустную историю, ко-

ТОРАЯ ИЗЛАГАЕТСЯ НИЖЕ.

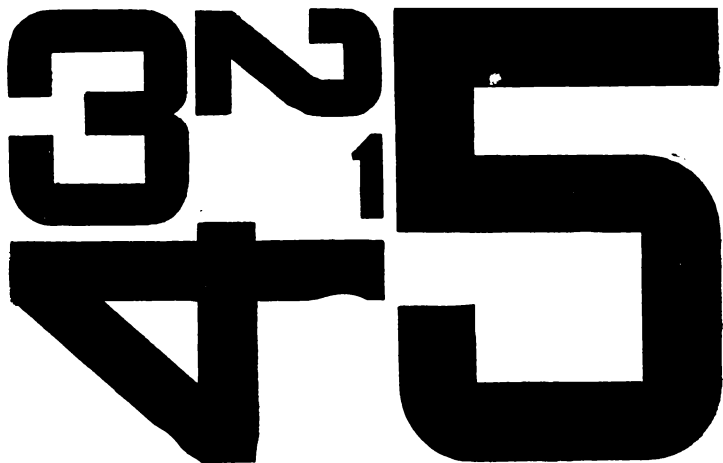
Г Л А В А № 2

РАЗИТЕЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ (ПРЕВРАЩЕНИЯ) РЕБЕНКА-

ЭТАЛОНА ВЛАСА АБОРКИНА И ИЗВЕСТНОГО ДВОЕЧНИКА

ПЕТРА ПУЗЫРЬКОВА

**ЕСТЬ У МЕНЯ СЫН ВЛАС.
ТОЖЕ ТРЕТЬЕКЛАССНИК.
РЕБЕНОК БЫЛ—ЧУДО. ОБ
РАЗНО ВЫРАЖАЯСЬ, ЭТА
ЛОН РЕБЕНКА, ОБРАЗЕЦ,**

или, коротко, ребенок-эталон. Учился только на пятерки. Собирал металлолом, макулатуру. Развивал мускулатуру, то есть занимался спортом. Помогал маме и бабушке по домашнему хозяйству, предварительно выполнив домашние задания. Мыл посуду, полы. Сам себе гладил рубашки и с особенным удовольствием — брюки. Любил я любоваться своим ребенком.

Приду в школу на родительское собрание, сию и слушаю следующее:

— Ах, какой у вас замечательный Влас!

Или:

— Ах, какой у нас показательный Влас!

Иногда утверждалось и такое:

— Ах, если бы все дети у нас были, как Влас!

Но однажды на одном из собраний встает без разрешения и приглашения один товарищ родитель, отец известного двоечника Петра Пузырькова, и говорит:

— Я лично в вашего Власа не верю, не верил и верить не собираюсь. Таких детей не бывает и быть не может. Получается, что ваш Влас лучше всех наших детей!

Тут встал я и тоже заговорил:

— Как же так — нашего Власа быть не может! Он уже есть. Он ест, спит, живет, одним словом, существует. Учится только на пятерки. Собирает металлолом, макулатуру, развивает мускулатуру. Помогает маме и бабушке...

— Это мы слышали! — перебивает мое выступление товарищ родитель, отец известного двоечника Петра Пузырькова. — Это мы слышали одну тысячу раз, какой у вас замечательный Влас. Но мы вам не верим!

— Хорошо, — говорю я, хотя в тот момент мне было очень плохо. — Мне вы не верите. А учительнице! Нашей глубокоуважаемой Зинаиде Петровне! Тоже не верите!

И этот гражданин родитель ответил:

— Тоже не верю. Даже очень.

Тут была вынуждена заговорить учительница, наша глубокоуважаемая Зинаида Петровна. Заговорила она следующим образом:

— Товарищ родитель Пузырьков, если ваш сын растет ленивым тунеядцем, то это не дает вам морального права полагать, что дети других родителей не могут расти замечательными. Правда, такое бывает крайне редко, лишь в исключительных случаях, но бывает! Великолепный пример у нас — Аборкин Влас. Обратите внимание на вот этот плакат, так любовно выполненный первоклассниками.

И все посмотрели на огромный красочный плакат, висевший под портретом Власа:

ВЛАС

АБОРКИН

гордость нашей школы

Он самый круглый отличник!

ВЛАС У НАС ВОТ ТАКОЙ:

а) ТРУДОЛЮБИВЫЙ

б) ВЕЖЛИВЫЙ

в) ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫЙ

г) ВСЕГДА ОПРЯТНЫЙ

д) УВАЖАЮЩИЙ СТАРШИХ

е) НЕ ОБИЖАЮЩИЙ МЛАДШИХ

ж) УСТУПАЮЩИЙ МЕСТО ПОЖИЛЫМ

ТРАМВАЕ

В АВТОБУСЕ

ТРОЛЛЕБУЙСЕ

Возьмем пример с Власа!

Будем гордостью школы и класса!

Зинаида Петровна вслух и с выражением прочитала текст плаката, а отец Петра Пузырькова не постеснялся стукнуть, извините, кулаком по ученической парте и крикнул:

— Не верю! И плакату не верю! Сочинили вы Власа! Придумали! Из головы выдумали! Людей вы своим Вла-сом пугаете!

Наступила тишина, такая тишина наступила, что слышно было, как текли слезы обиды и возмущения по щекам нашей глубокоуважаемой учительницы Зинаиды Петровны.

А мы, родители, все, кроме отца Петра Пузырькова, сидели неподвижно, скорбно опустив головы, в которых было много тяжелых мыслей.

— Вы просто завидуете мне, — вынужден был я сказать правду прямо в глаза этому родителю известного двоечника. — Но теперь всем, по крайней мере, стало ясно, почему у вас растет такой сын.

— Какой это такой!

— Ленивый тунеядец.

— Согласен. С этим мы боремся. По мере сил, конечно. Но предупреждаю от всей моей души: подведет вас Влас. Опозорит. Скандал устроит. Осрамит вас показательный Влас.

Тут зашумели все родители.

Мы гневно спросили отца Петра Пузырькова:

— На каком таком основании вы обидели учительницу наших детей, нашу глубокоуважаемую Зинаиду Петровну! Раз. На каком таком основании вы не просто обидели, а даже оскорбили Власа и его родителей! Два. Как вы смеете не верить плакату! Три. И четвертое: что вы намерены предпринять, чтобы из вашего ленивого тунеядца-двоечника сделать хотя бы нормального троечника!

Родитель долго молчал, видимо, думал, и ответил:

— Троечника мы из него когда-нибудь да соорудим. Мы на него рационом кормления воздействуем. Он у нас без соленых огурцов жить не может. Так вот, даю собранию слово, что Петр ни одного соленого огурца не получит, пока в нормального, как тут правильно заметили, троечника не превратится. Перед вами и глубокоуважаемой Зинаидой Петровной я извиняюсь, если требуется. С плакатом я оплошку дал. Плакат — дело серьезное, а я как-то не продумал. Теперь опять о Власе. От всей моей души глубоко сочувствую его несчастным родителям и даже родственникам. Как они, бедные, не мо-

гут понять, что не способен ребенок длительное время быть замечательным! Сил у него на это не хватит. Надорвется. Здоровье не позволит. Нервы сдадут. Вот увидите! Ведь растет у них не ребенок, а попка. То есть попугай. Или мартышка. Делает только то, что ему взрослые и плакаты советуют. А где же самостоятельность! Где активность! Инициативность где, в конце концов! Вот мой Петр вчера что отчебучил! Компот вилкой ел! Надо же было самостоятельно до такого додуматься! Всей семьей хохотали. А вашему Власу скоро надоест попкой или мартышкой жить. Попадет он обязательно под дурное влияние. И не узнаете вы своего Власа. Станет он хуже моего лоботряса.

И, представьте себе, именно так оно и случилось. Произошла с Власом метаморфоза, то есть превращение. Увлёкся он этим самым шпионизмом. Вместо школы — кино про шпионов. Вместо домашних заданий — книжки про шпионов. Вместо сбора металлолома, макулатуры и развития мускулатуры — сплошное беганье с выпученными глазами. Разговаривает на непонятных языках. И совершенно невозможно определить: то ли он кого-то ловит, то ли его кто-то догоняет! Среди ночи, как ваш, вскакивает — и на бабушку с пистолетом. Правда, с деревянным.

Петр же Пузырьков за это время тоже пережил метаморфозу: в троечника ~~выдвинулся~~. А мой в двоечники скатился.

Явлюсь в школу на родительское собрание, сижу и слушаю следующее:

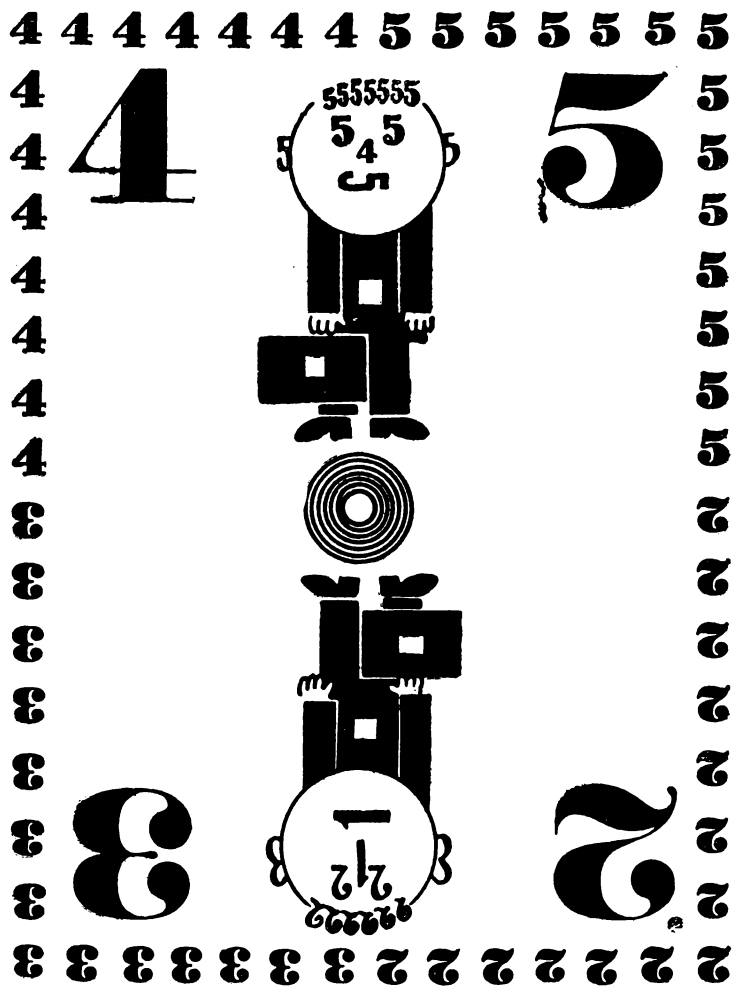
— Ах, какой у вас отвратительный Влас!

Или:

— Ах, какой у вас отрицательный Влас!

Иногда утверждалось и такое:

— Ах, как хорошо, что дети у нас не такие, как Влас!

Плакат и портрет со стены сняли и на склад сдали.
Увы, все это было лишь началом!

Однажды Влас закрыл бабушку в чулане. Да, да, свою родную бабушку, мою тещу Валентину Ивановну, закрыл в чулане, куда она ушла за вареньем для него же, и спрашивал:

— Какое получили задание! Квадрат приземления! Явки! Быстро!

Я стою в дверях, от изумления и внутреннего негодования шевельнуться не могу, а бабушка из чулана отвечает:

— Задание я получила такое. Как приземлюсь в квадрате, так кормить тебя перестану.

А Влас размахивает пистолетом и несет уж совсем что-то несусветное:

— Поймите, запыраться не имеет никакого смысла. Мы только зря потратим время. Вы же опытная разведчица и должны понимать, что нечего играть в прятки с нами. Ведь мы же встречались с вами в Париже осенью...

— Вла-а-а-ас! — испуганно позвал я. — Опомнись! Это же твоя родная бабушка, мать твоей родной мамы! Какой Париж!! Она же дальше Голованова никогда никуда не ездила!

— Руки вверх! — крикнул он мне, родному отцу. — Ни с места! Одно движение — и пуля в лоб! Я стреляю без промаха и без предупреждения!

Поднял я руки вверх, в одной — тяжелый портфель.

— Учтите, я даю вам семь минут на размышление! — продолжал Влас. — Дальше пеняйте на себя!

— Выпусти бабушку, — попросил я.

— Кругом! — заорал и на меня сын. — К стене! Стреляю без предупреждения и без промаха!

— Да он сумасшедший! — из-за дверей крикнула бабушка. — Мясо в духовке вот-вот сгорит.

«Если он сумасшедший, — подумал я, — то мне нужно вести себя предельно разумно».

— Я скажу все, — сказал я. — В Париже осенью вы встречались со мной, только я был переодет женщиной. Дайте мне стакан воды. Я очень устал, пока приземлялся в квадрат.

Хитрость моя удалась. Влас приказал мне не двигаться, ушел на кухню, а я выпустил тещу из чулана, и когда сын вернулся, я довольно ловко втолкнул его в чулан, вспомнив, что Влас боится темноты.

Как врач, я хорошо знаю, что самые горькие лекарства часто бывают наиболее действенными. Я с трудом гасил в себе жалость, но бабушка Валентина Ивановна удовлетворенно приговаривала:

— Так ему! Так его! Так ему! Так его! Не выпускать его оттуда до тех пор, пока не поумнеет!

— Ни слова не скажу! Ни слова не скажу! — иступленно повторял Влас. — Никого не выдам!

Внезапно мне подумалось, что я нахожусь в глупейшем положении: ведь получалось, что я и сам играю в шпионов!

— Ни слова не скажу! — кричит Влас. — Никого не выдам!

Значит, он не воспринимает наказание в его прямом значении!

— Отныне, — предупредил я, — за каждую шпионскую выходку — чулан.

— И есть давать не будем, — добавила бабушка Валентина Ивановна.

Не убежден, что мы поступили педагогично, но Влас некоторое время явно старался вернуться от шпионской жизни к нормальной. Однако длилось это недолго.

Снова по ночам он начал вопить:

— Руки вверх! Руки вверх!

Пришлось снова закрыть его в чулан.

Прямо скажу, Влас вел себя мужественно, даже с оттенком некоторого презрения к нам: долгое время не отвечал на вопросы.

— Больше не будешь! — неуверенно спросил я. — Вспомни, какой ты был замечательный ребенок.

— Хочу в разведчики, — твердо прошептал Влас, — или шпионов ловить.

— Лови себе на здоровье, — согласилась бабушка. — Да хоть водолазом будь, хоть парикмахером. Да хоть репой на базаре торгуй. Только с ума не сходи.

— Хочу разведчиком быть, — в третий раз сказал Влас, — или шпионов ловить.

И по ночам опять крики:

— Руки вверх! Руки вверх! Ни с места!

Сидение в чулане помогает ненадолго — суток на двое. Так и живем. Один раз Влас сдал металлолом, два раза — макулатуру. В конце учебного года он едва не догнал по успеваемости бывшего известного двоечника, а ныне никому не известного троечника Петра Пузырькова. А потом опять отстал. И сейчас мы мечтаем, чтобы Влас учился хотя бы на двойки. Как-никак, все-таки отметка. Власу даже единицы в конце учебного года уже не ставили. Сам он уже портфель не открывал, да и в школу-то иногда заходил только потому, что лень было пройти дальше. Дойдет случайно до школы, ну и зайдет.

ПОДУМАЙТЕ НАД ЭТИМ.

Г Л А В А № 3

И ВСЕ БЫ ЕЩЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ БЛАГОПОЛУЧНО, ЕСЛИ БЫ...

**КОГДА ВРАЧ АБОРКИН ЗА
КОНЧИЛ СВОЙ ПОУЧИТЕ
ЛЬНЫЙ РАССКАЗ, ТОЛИК
ПРОГОВОРИЛ:**

**—Я ТОЖЕ ШПИОНОВ ЛОВ
ЛЮ.**

— Так ведь не хватит на всех вас шпионов-то! — ласково воскликнула бабушка Александра Петровна. — В кино их все время ловят, по телевизору за ними гоняются, в книгах тоже. Сколько людей за ними и без тебя бегают...

— Сам хочу ловить! — тихо выкрикнул Толик. — Своими собственными руками!

— А своими собственными мозгами ты можешь сообразить, что ничего глупее нельзя придумать! — очень гневно спросил врач Аборкин и мрачно заключил: — Советую вам показать мальчика психоневропатологу.

— Это еще зачем! — ужаснулась бабушка Александра Петровна. — Ведь не псих он еще у нас! Своего Власта, небось, за психа не считаете!

— Мой Влас уже был под наблюдением психоневропатолога,— скорбно отозвался врач Аборкин. — И вам я советую обратиться в клинику. Ничего страшного. Там просто подскажут, какие надо принимать меры, чтобы...

— Никаких мер принимать не надо! — рассердилась бабушка. — Я своего Толика в обиду не дам! Не такая уж и страшная игра, в шпионы-то. Футбол куда страшнее. Про хоккей и говорить нечего.

— Мама, — с упреком обратился к ней Юрий Анатольевич, — сколько раз мы договаривались не обсуждать вопросы воспитания ребенка в присутствии самого ребенка!

— Известное дело — бабушки, — сокрушенно заметил врач Аборкин. — Я настойчиво советую вам обратиться за консультацией к крупнейшему в нашем городе специалисту по детским психическим расстройствам Моисею Григорьевичу Азбарагузу. Всего хорошего.

После ухода врача Аборкина все долго молчали.

— А я все равно поймаю шпиона! — сказал Толик. — Вот увидите! Вот увидите! А может, и двух шпионов задержу! А может, трех! Четырех! Пятерых!

— Пятерых — и хватит, — ласково остановила бабушка. — Надо, чтобы и другим ребятам кое-что осталось.

— Объясни мне, пожалуйста, — почти грозно заговорил папа, — ты ведь не очень глупый мальчик, вернее, очень неглупый. Ну как это ты сможешь поймать шпиона? Они что, по улицам гуляют? Хорошо, предположим такую глупость, что ты встретишь шпиона. Каким образом ты узнаешь, что это шпион? Далее. Ведь он наверняка взрослый человек. Специально обученный. Вооруженный. Тут как минимум нужна собака. Также специально обученная.

— А сколько раз он просил вас собаку ему купить! — торжествующе спросила бабушка. — Была бы со-

бака, может, он и шпиона давно словил и успокоился бы, и по ночам не орал бы. Вот и надо сперва ребенку собаку купить, а потом уж ребенка к психам тащить.

— Это я с ума сойду... — прошептала мама, которая до сих пор молчала. — Это меня к психоневропатологу придется вести, а может быть, и везти. Как можно с серьезным видом говорить о чудовищных глупостях! Какая собака! Зачем собака! Кого ловить! Зачем ловить! Когда ловить! Кому ловить! Где ловить!

— Бабушка! Мамочка! Папа! — Толик несколько раз хныкнул, намереваясь громко и долго поплакать, чтобы разжалобить родителей, но хнык в плач не превратился, и мальчик тогда проговорил уже грозно: — Никто не имеет права запретить человеку быть бдительным! Служебная собака не забава, а друг человека, который хочет поймать шпиона! Ну как вы не понимаете, что, если я поймаю вражеского агента, то сразу перестану кричать по ночам...

— Умница ты моя золотая! — нежно прошептала бабушка. — Достанем мы с тобой собаку, не беспокойся. Супом ее кормить будем. Все равно супы у нас часто прокисают. Спать она будет на кухне под столом. Все получается замечательно!

— Как хотите... как хотите... — бормотала мама. — Но я не вынесу... не выдержу... Собака под столом! Ужас! А если она окажется бешеной!

— Всем уколы сделают, — объяснил Толик. — Штук по двадцать. И ничего страшного.

— Разговор окончен, — очень грозно сказал папа. — Отныне никаких собак и никаких шпионов. С завтрашнего дня начинаю тебя перевоспитывать.

До самого рассвета не мог Толик заснуть! Подумайте-ка внимательнее, войдите-ка в его положение! Была у человека мечта. Эх, какая это была мечта! Пальчики об-

лижешь! Волосы дыбом встанут! Мороз по коже! Не то что у некоторых!

А его за эту мечту, извините, может быть, в психи запишут...

Толик вздохнул так тяжело, что из груди его вырвался стон, а на глаза навернулись слезы обиды. Проглотив, как говорится, эти слезы, он с горя чуть не залаял: до того ему захотелось сейчас же, немедленно погладить свою служебную собаку, скомандовать ей «Ищи!» и отправиться на задание — ловить шпиона. Но Толик, конечно, не залаял, а лишь вздохнул несколько раз.

— Чего не спишь? — сквозь сон спросила бабушка, услышав, как тяжело вздыхает внук. — Давай уедем в деревню к моей сестре, лови там шпионов сколько хочешь. Никто тебе мешать не будет. Вволю наиграешься.

— Не понимаете вы меня! — жалобно прошептал Толик. — Да не играть я хочу, а по-настоящему я хочу шпионов ловить! Я Родине пользу хочу принести. Настоящего агента иностранной разведки хочу задержать! Врага! Шпиона империалистической державы!

— Это я понимаю, — с большим уважением проговорила бабушка. — Только не знаю, чем бы тебе помочь. Ты, главное, пока хорошо учись. Макулатуру эту самую сдавай с металлоломом. Мускулатуру эту самую развивай. А в свободное время по сторонам смотри. Авось, и попадется тебе какой-нибудь шпион.

«Да, положение, — с тоской подумал Толик. — Никто меня не понимает... И ведь что обидно! Вот сейчас, в этот самый момент, где-то недалеко, совсем, может быть, рядом, спокойненько действует шпион. А мне даже из дома выйти нельзя!»

Толик уснул в тот самый момент, когда зазвенел будильник, и, конечно, не слышал, как в комнату вошли ро-

дители, как они его, бедного, бранили и как бабушка его, любимого, защищала.

И все бы еще закончилось благополучно, если бы в это самое время Толик не закричал на всю квартиру невероятно истошным голосом:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха! Руки вверх! Руки вверх!

— Прекрасно, — сквозь зубы сказал папа. — К психоневропатологу сегодня же, негодник!

ТОЛИКУ БЫЛО ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО.

Г Л А В А № 4

СТРАДАНИЯ ПОЖИЛОГО АГЕНТА ЫХ-000

И ЕЩЕ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕ
КУ В ЭТО ЖЕ САМОЕ ВРЕ
МЯ БЫЛО ТОЖЕ ОЧЕНЬ ТЯ
ЖЕЛО.

ОПЫТНЕЙШИЙ АГЕНТ ШПИ

онской организации «Тигры-выдры» по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк, зашифрованный под индексом ЫХ-000, вот уже семнадцатые сутки дрожал от страха...

Откуда пришел этот страх, пожилой шпион не знал.

Ни разу в жизни никого и ничего он не боялся. Его десятки раз сбрасывали кромешной ночью на парашюте, шесть раз в море — с аквалангом; из него, из Фонди-Монди-Дунди-Пэка, врачи извлекли двадцать три пули и одиннадцать осколков; тридцать четыре раза он был в смертельной и сорок два раза в почти смертельной опасности; за ним сотни раз гнались

пешком,
БЕГОМ,
ползком,
НА ЛОШАДЯХ,

**автомобилях,
МОТОЦИКЛАХ,
вертолетах,
САМОЛЕТАХ,
ПОДВОДНЫХ
ЛОДКАХ...**

На его лице врач Супостат, заведующий кабинетом «Ухо, нос, глаз и вся физиономия в целом», проделал одиннадцать пластических операций, и никто не знал, какое же в самом деле было настоящее лицо у ЫХ-000!

И, пережив все эти ужасы, Фонди-Монди-Дунди-Пэк понятия не имел, что такое страх.

А вот теперь, когда он выполнял последнее в своей жизни задание, после чего мог уйти в отставку, ЫХ-000 почему-то начал дрожать. Начал стучать от страха зубами. Один раз дрожал и стучал зубами так сильно, что выбил себе два передних зуба — верхний и нижний. И не зубов ему было жалко, а самого себя и всей своей жизни.

Он, майор, грудь в крестах и медалях, заслуженный шпион, уважаемый человек. Но кем уважаемый! Своими же приятелями-предателями. А кто еще уважать его может! И за что!

Раньше это Фонди-Монди-Дунди-Пэка нисколько не интересовало. Он рассуждал примерно так: уйду в отставку, куплю себе двухэтажный домик на берегу озера, куплю автомобиль и моторную яхту под названием «ЫХ-000» и буду жить-поживать, телевизор смотреть, в огромном холодильнике всегда вдоволь мороженого всех сортов и сколько угодно фруктовки...

Сейчас же он мечтал лишь об одном: освободиться бы от страха! Но страх одолел его до того, что ЫХ-000 сообщил в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров», будто бы очень серьезно заболел, и просил отложить выполнение операции «Фрукты-овощи».

Его начальник и закадычный враг полковник Шито-Крыто приказал ему немедленно выздороветь и вскорости ждать прибытия трех агентов по кличкам Бугемот, Канареечка и Мая.

Ни одного из этих типов ЫХ-000 и в глаза не видел: наверное, новенькие. Но при одной мысли, что они вот-вот заявятся, Фонди-Монди-Дунди-Пэка начинало мелко и сильно трясти от страха, а зубы начинали выбивать мелкую дробь.

Все чаще и чаще в его седую голозу стала приходить сладкая мысль — сдаться! Он подходил к зеркалу, поднимал руки вверх и шептал:

— Сдаюсь. Устал. Сил моих больше нету. Дрожу от страха почти круглые сутки. Зубами стучу. Руки трясутся. Поджилки дрожат. Надоело шпионить. А полковник Шито-Крыто — очень плохой тип. Не пожалел старого специалиста.

Несколько дней ЫХ-000 не выходил на улицу, забросив все шпионские дела. Страх не уменьшался, а, наоборот, усиливался, и не только с каждым днем, но и с каждым часом. Уже дергалась шея, а вместе с ней и голова.

А мальчишки во дворе с утра до вечера играли в шпионов (дурацкая игра, с точки зрения пожилого агента!) и кричали:

— Руки вверх! Руки вверх!

И при каждом таком крике ЫХ-000 подпрыгивал на месте, и его трясущиеся руки как бы сами тянулись вверх, а дергающаяся вместе с шеей голова вытягивалась в дрожащие плечи.

Совсем худо стало Фонди-Монди-Дунди-Пэку, когда он застрадал бессонницей, которой раньше не знал. И ночью ему отныне было еще страшнее, чем днем.

Вот как-то именно ночью он подумал: а ведь страшно ему было всю жизнь, но раньше он умел отгонять страх или делать вид, будто не замечает его. Сейчас же страх, а может быть, и ужас, овладел всем существом Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Стуча зубами, с трясущимися руками и поджилками (да еще шея вместе с головой дергалась), он сидел в комнате, не зажигая света, положив на стол перед собой оружие, и вздрагивал от любого звука.

Он хорошо представлял, что сейчас творится в Самом Центральном Отделе «Тигров-выдров»! Агенты Бугемот, Канареечка и Мяу, конечно, уже доложили, что ЫХ-000 не выходит на связь. Ведь он ни разу не был на условленном месте в городском сквере, а за последние дни не включал рацию...

Ночами он вспоминал свою жизнь, и чем больше вспоминал, тем хуже ему было. Главное, что он не видел выхода из создавшегося положения. Ну, хорошо, предположим, что он каким-то чудом выкрутится из этой истории, может быть, и задание даже выполнит... А дальше! Уйдет он в отставку, купит двухэтажный домик на берегу озера, купит автомобиль и моторную яхту под названием «ЫХ-000», будет жить-поживать, телевизор смотреть; в холодильнике мороженого всех сортов сколько угодно, фруктовки вдоволь... Неужели только ради этого он всю жизнь рисковал своей жизнью!!

Ведь лишь сейчас, в эти дни, а особенно в эти ночи Фонди-Монди-Дунди-Пэк понял, что он совершенно одинок. Нет у него ни детей, ни настоящих друзей, ни внуков — никого у него нету.

«Тигры-выдры» ненавидят детей, и ЫХ-000 их ненавидел, а вот пожилой Фонди-Монди-Дунди-Пэк вдруг по-

любил их до того, что ему захотелось стать дедушкой. Тогда бы ему игодились и двухэтажный домик, и автомобиль, и моторная яхта, и холодильник... А к чему они ему одному!

Не подумайте, что пожилой шпион испытывал раскаяние или стыд. Нет, пока он до этого еще не дошел. Пока еще только страх перепутал все его мысли.

Чего же страшился Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Страшился он бесславного конца своей жизни. Ведь если его схватят, ему несдобровать: наказание будет самым суровым и, конечно, справедливым. Любое наказание он уже заслужил сто раз. Нет, не сама по себе смерть пугала его. Но ведь никто, ни один человек во всем мире не пожалеет о том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэка не стало на свете! Разве что приятели-предатели во главе с полковником Шито-Крыто повоюют тридцать секунд будто бы от горя и тут же про него забудут, словно его никогда и не было!

Да, да, как будто его никогда и не было!

— Мама! — прошептал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Мамочка!

И заплакал матёрый шпион человеческими слезами, хотя мамы и папы своих он не видел с тех пор, как ушел в агенты, не переписывался с ними, денег им не посылал, не поздравлял их ни с праздниками, ни с днями рождения, даже с Новым годом не поздравлял — просто забыл. Не нужны ему они, папа и мама, были. А сейчас вот рыдал:

— Мама... Мамочка...

В таких случаях правильно говорят: раньше надо было маму кричать!

— Все! Все! — вытирая трясущимися руками слезы, сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Надоела мне шпионская жизнь! Осточертела!

Он включил рацию. В эфире жалобно попискивал Бугемот. Потом еще жалобнее запопискивал Канареечка, а за ним — Мяу... Ага, и вы не спите! Может быть, тоже плачетесь о своей шпионской судьбе! Не знаете, что вам и делать! Куда вы без меня в чужой стране! А кто нас сюда звал! Вот и трясемся от страха... Тряситесь на здоровье!

И он отключил рацию.

Эх, давно надо было начать соображать! Был бы он сейчас не ЫХ-000, а пожилой хороший человек по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк. С детишками бы в футбол играл. Мороженое бы с ними ел! Фруктовку пил! По телевизору бы мультики смотрел! И хохотали бы все во все горло!.. А когда бы он умер, похоронили бы его по-человечески: на кладбище, с венками, с духовым бы оркестром, всплакнули бы все и долго бы его помнили...

И пожилой шпион опять залился человеческими слезами и опять задумался: а ради чего же он всю свою жизнь прятался, отстреливался, отсиживался, убегал, улетал, уплывал, уползал! Ради чего?

Грудь в крестах и медалях, на плечах майорские погоны, в банке много денег накоплено, но нет у него

НИ
ПАПЫ,
МАМЫ,
ЖЕНЫ,
ДЕТЕЙ,
НАСТОЯЩИХ ДРУЗЕЙ,
ВНУКОВ И ВНУЧЕК,
БАБУШКИ,
ДЕДУШКИ,
ДЯДИ,
ТЕТИ,

**ПЛЕМЯННИКОВ,
БРАТЬЕВ,
СЕСТЕР,
НИ ДАЖЕ
БЛИЗКИХ И ДАЛЬНИХ,
СВЕРХДАЛЬНИХ РОДСТВЕННИКОВ,
НИКОГО У НЕГО НЕТ, А ЕСЛИ
И ЕСТЬ, ТО НЕИЗВЕСТНО ГДЕ!**

Он даже не помнит, какой у него был нос до первой пластической операции, которую ему сделал врач Супостат.

А потом нос Фонди-Монди-Дунди-Пэку переделывали много-много раз — то удлинляли, то обрезали... Уши ему не один раз перекраивали. Хорошо еще, что глаза заменять не научились, а то бы и глаза у него были чужие.

Пожилой агент нежно погладил свой, можно сказать, очередной нос и решил, что больше никогда и никому не позволит кромсать его. Это будет его последний нос!

И тут же Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало жаль и уши. Он их тоже погладил, и тоже нежно, и тоже решил, что никогда и никому не позволит их кромсать. Это будут его последние уши!

... Может быть, кому-то это и покажется смешным, но с каждым днем пожилой агент все с большей нежностью относился к своему носу и своим ушам, гладил их и даже разговаривал с ними!

И с каждым днем он все чаще и чаще, глубже и глубже размышлял о своей жизни и о диверсионной группе «Фрукты — овощи».

Фонди-Монди-Дунди-Пэк чувствовал, что ему не ставить себя выполнять задание. Ведь диверсионной

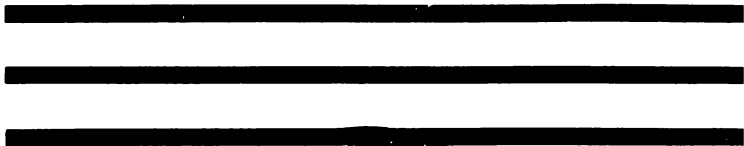
группе «Фрукты-овощи» поручено отравить город через водопроводную сеть. Такого подлого задания он не получал за всю свою подлую жизнь.

Вот еще почему боялся выходить на улицу ЫХ-000. Ему стало казаться, что люди знают о нем все...

И еще Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало казаться, что все люди смотрят, и очень внимательно, и очень подозрительно, на его нос и уши. Дело доходило до того, что пожилой агент в испуге иногда машинально прикрывал нос ладошкой, а уши прятал под воротник...

Трясущимися руками он включил рацию. Рация загудела от напряжения: так громко орал полковник Шито-Крыто на своего агента.

К О Н Е Ц П Е Р В О Й Ч А С Т И

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

у которой два названия:

**„первые
упоминания
о враге № 1“**

и

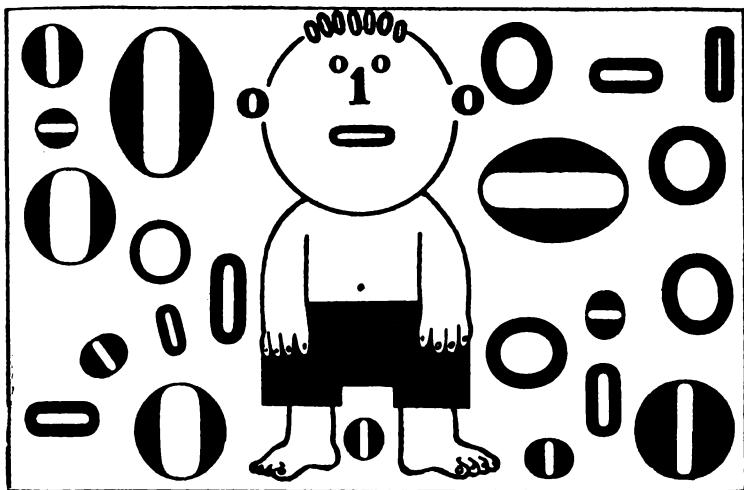
**„Как запутались
шпионы из
диверсионной
группы
„Фрукты-овощи“**

Г Л А В А № 5

ТОЛИК ПРУТИКОВ У ПСИХОНЕВРОПАТОЛОГА

—Я ВЕДЬ СОВСЕМ НЕ
ПСИХ,—С ОБИДОЙ СКА
ЗАЛ ТОЛИК.

—ПРАВИЛЬНО, ПРАВИЛЬ
НО, СОВЕРШЕННО СПРА

ведливо, — торопливо и весело согласился с мальчиком психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз. — Психов вообще не бывает. Даже научного термина такого нет. Бывают психически больные.

— Так я даже и не психически и не больной.

— Вполне вероятно. На что же мы жалуемся! Что же с нами происходит! Что же нас беспокоит!

Расспрашивая и не дожидаясь ответов, Моисей Григорьевич осмотрел Толика и заключил:

— Вполне здоровый организм. Любопытно в таком случае, на что же вы ухитряетесь жаловаться, молодой человек!

— Жалуюсь я, — сказал папа Юрий Анатольевич. —

Он у нас ненормальный, или помешанный, или, извините за выражение, тронутый.

— Тогда у меня вполне естественный вопрос: на какой почве ненормальный, помешанный, или, как вы изволили выразиться, тронутый?

— На почве шпионизма. Вбил себе в голову, что обязательно поймает шпиона. Среди ночи кричит.

— Ну и что? — недоуменно спросил Моисей Григорьевич. — Мальчишки часто бывают на чем-нибудь помешаны. Сын одного моего знакомого ест так называемые счастливые билеты. Знаете, что это такое?

— Понятия не имею, — признался Юрий Анатольевич. — Да и какое это имеет отношение...

— Сейчас объясню. Номер трамвайного билета состоит из шести цифр. Если сумма первых трех цифр равняется сумме трех остальных, билет считается счастливым. Невежественные чудаки уверяют, что, если съест сто один счастливый билет в течение не более семи месяцев, будешь счастливым. Так вот, сын одного моего знакомого помешался на этом и съел уже тридцать два билета. Ничего страшного, надо только старательно пережевывать.

— Я не понимаю...

— Тоже ничего страшного. Для любой истины требуется некоторое время, чтобы она усвоилась. Так вот, ребенок может чем-то увлечься сверх меры. Я давно изучаю внутренний мир современного ребенка и пришел к выводу, что в принципе увлечение шпионизмом не содержит в себе ничего особенно опасного.

— Но нас направили именно к вам! — возмутился Юрий Анатольевич. — Именно по вопросу детского шпионизма. Мы надеялись на вашу помощь.

— И вы получите ее, получите в достаточном количестве и, смею надеяться, удовлетворительного качест-

ва! — воскликнул Моисей Григорьевич.— Но получите вы не просто помощь, а строго аргументированную теорию, то есть научный взгляд на некоторые стороны поведения некоторых детей.

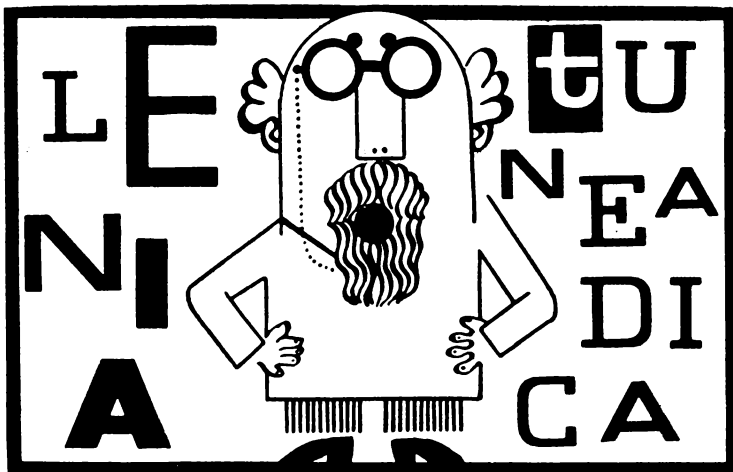
Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбаргуз мелкими-мелкими движениями потер руки, словно собирался вкусно поесть, прошелся по кабинету, остановился перед Толиком, пронзительно и научным взглядом посмотрел в его испуганные глаза, отвернулся и заговорил...

Г Л А В А № 6

НЕВЕРОЯТНЕЙШИЕ, НО НАУЧНО ОБОСНОВАННЫЕ ВЗГЛЯДЫ

МОИСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА АЗБАРАГУЗА НА ДЕТСКУЮ ЛЕНЬ

БЕСЧИСЛЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПЫТЫ И НАБЛЮДЕНИЯ ПОЗВОЛИЛИ НАМ ПРИЙТИ К ВЫВОДУ, ЧТО В ПРИРОДЕ СУЩЕСТВУЕТ

острейшая форма детской лени — *lenia tunejadica* [ления тунеядика]. Есть неопровержимые доказательства заразности лени, хотя вируса ее обнаружить еще не удалось. Можно, предположим, установить, что заражение произошло от соседа по парте, но как это произошло? Как!

Может быть, лень наследственна? Вряд ли. Ленивые дети часто бывают как раз у очень трудолюбивых родителей. И не всегда у ленивых родителей обязательно вырастают дети-тунеядцы.

Единственное, на чем сходятся все специалисты, это утверждение, что ленью можно заболеть по собственному желанию, то есть совершенно самостоятельно, без посторонней помощи. Многие знаменитые лодыри в смысле овладения ленью — самоучки.

Где, в чем истоки заболевания ленью! Вот над этим, одним из важнейших вопросов современности и бьются сейчас ученые, в том числе и ваш покорный слуга.

Как многие опасные болезни, лень страшна не только сама по себе, но и своими осложнениями. Мне известны три случая, когда лодыри сходили с ума. Я уже не говорю о ее совершенно обычных последствиях, как то: потеря человеческого облика, почти полное снижение умственной и физической деятельности, потеря слуха и зрения, омертвление отдельных частей тела и так далее.

Буквально позавчера я ознакомился с книгой одного из крупнейших заграничных специалистов по изучению лени и ее последствий. Называется книга «Лень в аспекте судьбы человечества». Автор делает страшный вывод: всех лодырей надо немедленно изолировать от общества. Он предлагает ссылать их на необитаемые острова без права переписки и выезда обратно. Автор приводит девять тысяч шестьсот сорок четыре примера отрицательного влияния лени на ход исторических событий.

— Слушайте меня внимательно! Вслушивайтесь буквально в каждое слово! — почти закричал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз. — Автор утверждает, что в подавляющем большинстве дети появляются на свет уже ленивыми, а точнее, даже вполне сформировавшимися лодырями. И лишь благодаря непрерывным усилиям семьи и общества только какую-то часть детей удастся спасти от разлагающего воздействия лени. Я не считаю выводы и доводы автора бесспорными. Но даже если он прав хотя бы всего наполовину, человечество обязано серьезно задуматься над тем, что же делать с лентяйством, особенно детским. Запомните: сегодня ребенку лень вымыть руки, завтра лень как следует приготовить уроки, а послезавтра ему наверняка станет лень быть честным человеком.

— Я с вами согласен,— сказал Юрий Анатольевич, пожав плечами,— но я пришел к вам по совершенно другому вопросу. Мой сын болен не ленью, а шпионизмом! Самым обыкновенным шпионизмом!

— Минуточку, минуточку, минуточку! — воскликнула психоневропатолог Моисей Григорьевич, строго нахмурив седые брови.— Во-первых, вы еще не знаете, чем может быть болен ваш сын. Во-вторых, вы обратились ко мне за научной помощью. Понять душу современного ребенка не так-то просто, как вам кажется. И будьте любезны выслушать меня до конца. Ведь я нахожусь при исполнении научных обязанностей. Прошу уяснить одну несомненную истину: дети не только имеют право, но и обязаны во что-нибудь играть. И мы, взрослые, должны помогать им в учебе и в игре.

— Какая же это игра, если у него из-за нее с головой не в порядке! — рассердился Юрий Анатольевич.— Я убежден, что мой ребенок психически ненормален!

— Спокойнее, объективнее, уравновешеннее! — строго сказал Моисей Григорьевич.— Учтите и еще раз учтите, что внутренний мир современного ребенка необычайно сложен, а местами противоречив и запутан. И помните, что по природе своей ребенок не может не делать определенного количества глупостей. Так пусть он их делает в виде игры. А наша задача — проследить, чтобы игра более или менее разумно сочеталась с учебой, вернее, чтобы учеба более или менее разумно сочеталась с игрой.

— Но если он кричит ночами, это же ненормально! Это, в конце концов, неудобно для окружающих! К тому же он ни о чем не думает, кроме как о своих шпионах! Это, по-вашему, по-научному, нормально! — горячился Юрий Анатольевич.— И я совершенно не понимаю смысла этой так называемой игры!

— Хорошо. Прекрасно. Замечательно,— спокойно проговорил Моисей Григорьевич.— Но вы рассуждаете поверхностно. А я веду вас к научной мысли. Будьте терпеливы. Если мальчик болен, я это обнаружу. Мальчик, почему тебе нравится играть в шпионов!

— Я не играю,— ответил Толик.— Я тренируюсь. А они считают, что я играю. А я по-настоящему. Я должен поймать иностранного агента. Это моя мечта. Я хочу доказать, что мальчишки такие же люди, как все, только ростом поменьше. И несколько мы других не хуже. А некоторые даже лучше некоторых.

— Вот видите!— торжествующе воскликнул Юрий Анатольевич.— Он же заговаривается! Он же несет белиберду! Чепуху! Ерунду! Абракадабру! А вы — патологопсихоневролог...

— Психоневропатолог.

— Все равно мне сейчас уже не выговорить. Я слишком взволнован. Поставьте ему хоть какой-нибудь укол!

— Успеется. Продолжай, мальчик.

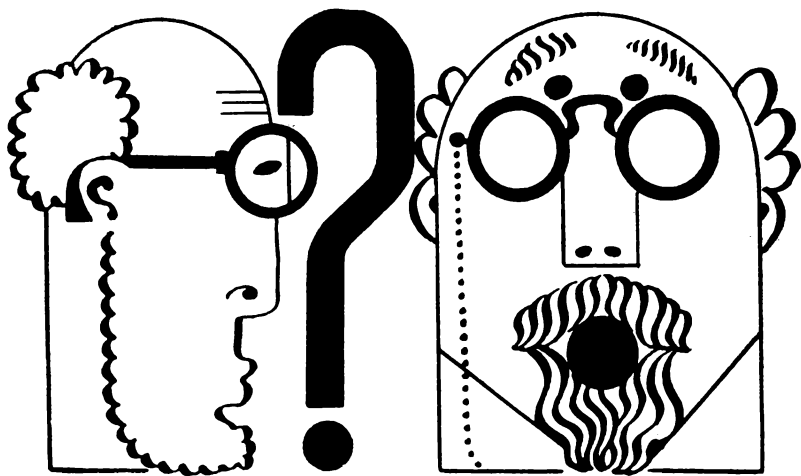
— Я мечтаю поймать нескольких агентов иностранных разведок,— ответил Толик.— Это моя мечта. Вот и все.

— А как ты учишься!

— Учусь я... не очень. Но что, по-вашему, важнее — пятерки получать или врага обезвредить!

— Так вопрос ставить нельзя,— возразил папа Юрий Анатольевич.— А почему бы тебе не совместить полезное с приятным — пятерки получать и врагов обезвреживать!

— Пятерки многие получать могут, особенно девочки,— сказал Толик и очень тяжело вздохнул.— Пятерками не прославишься. Я хочу героем быть, чтобы все обо мне знали. А отличников всяких круглых и без меня хватает. Можно всю жизнь отличником быть, а тебя ни-

кто и знать не будет. А когда я шпиона поймаю, то буду считаться выдающимся человеком. Меня в открытой машине через весь город провезут, а на центральной площади митинг в честь меня организуют. По телевизору меня будут показывать.

— И последний вопрос! — Моисей Григорьевич предельно внимательно вгляделся в мальчика. — Что для тебя важнее: поймать шпиона или считаться выдающимся человеком?

— То и другое! — воскликнул Толик.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич в заметном волнении прошелся по кабинету, остановился перед Толиком, сказал:

— Выйди, пожалуйста.

Когда Толик закрыл за собой дверь, Юрий Анатольевич торопливо спросил:

— В чем дело, доктор?

— Вы оказались правы,— угрюмо ответил Моисей Григорьевич.— Организм мальчика способен на очень серьезную болезнь.

— Какую, доктор?

— Ему грозит мания величия. Причем в очень острой форме. Распространенное заболевание среди современных детей. Внук одного моего знакомого возомнил себя котом Васькой. Ночами пытался ловить мышей, лазал по крышам, лакал из блюдечка на полу и прочее... Ему, видите ли, казалось, что кошачья жизнь необыкновенно легка. В частности, не надо ходить в школу.

— Я не предполагая... не подозревал... — бормотал папа Юрий Анатольевич.— Представьте себе, не пре... подозревал...

— В том-то и наша беда,— с громким вздохом сказал Моисей Григорьевич,— что мы и не предполагаем, и не подозреваем. Для ребенка враг номер один—это лень. А может быть, это и единственный враг ребенка. Вот ваш мальчик. Ведь ему хочется ловить шпионов только потому, что это дело представляется ему необыкновенно легким. А прославиться ему хочется лишь для того, чтобы ничего не делать. Он у вас очень избалован.

— Что же делать? — еле слышно спросил Юрий Анатольевич.— Есть какой-нибудь выход?

— Найдем,— убежденно произнес Моисей Григорьевич.— Самое страшное произойдет в том случае, если мальчику действительно удастся задержать шпиона.

— Неужели все так серьезно?

— К сожалению, вы даже представить себе не можете, до какой степени это серьезно. Избалованным детям грозят такие заболевания, перед которыми мы, врачи,

лишь разводим руками. Вынужден сказать вам: до скорой встречи.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз увидел, как переменился в лице папа Юрий Анатольевич, как пошатнулся, прижав ладони к вискам, шагнул к нему, но его опередил Толки. Он обнял папу и сказал:

— Пошли отсюда. Я совершенно здоров.

ДОКТОР СМОТРЕЛ НА НИХ С СОЖАЛЕНИЕМ.

Г Л А В А № 7

„А ЧЕМ СОСИСКИ ЛУЧШЕ САРДЕЛЕК?“

**ЕСТЬ ТАКАЯ ПОГОВОРКА:
ВСЯК МЕРИТ НА СВОЙ АР
ШИН. ЭТО ОЗНАЧАЕТ ПРИ
МЕРНО СЛЕДУЮЩЕЕ: ДУ
РАК ВСЕХ ПОЛАГАЕТ ДУ**

раками, подлец всех считает способными на подлость, жулик думает, что все вокруг него тоже жулики.

Вот и агенту ЫХ-000 казалось, что все люди вокруг него вроде него — такие же, а значит, жалеть их нечего.

И вдруг Фонди-Монди-Дунди-Пэк неожиданно для себя обнаружил, что люди бывают очень разными: и честными, и добрыми, и бескорыстными, и просто хорошими. Вот это было открытие! ЫХ-000 до того растерялся, что целых шестнадцать минут испытывал желание стать или честным, или добрым, или бескорыстным, или просто хорошим.

Однако шпиону нельзя быть хорошим человеком больше шестнадцати минут. Зато этих шестнадцати минут оказалось вполне достаточно для того, чтобы ЫХ-000

задумался над своей жизнью. Раздумывание же над своей жизнью кончилось тем, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк охватил безумный страх, а вслед за ним появилось желание сдать ся врагу.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк не ел уже несколько суток, так как не выходил из дому, и у него от голода стала кружиться голова. Это ведь очень опасно — не есть несколько суток и думать. Все в голове у него перепуталось, до того перепуталось, что он и не заметил, как вышел на улицу, добрел до городского сквера и устало, почти без сил опустился на первую попавшуюся по дороге скамейку.

Тут же к нему подсел низенький, широченный в плечах толстый гражданин с утиным носом и маленькими, глубоко спрятавшимися глазками, спросил вкрадчиво:

— Вы случайно не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

По спине Фонди-Монди-Дунди-Пэка пробежал озноб: он (не озноб, конечно, а БХ-000) понял, что сел на скамейку — условленное место встречи с агентами из диверсионной группы «Фрукты-овощи»! Он должен был ответить: «Я спортом не интересуюсь, я больше люблю сардельки».

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил так:

— Я спорт не люблю, я больше интересуюсь сосисками.

А сам подумал: «Кто же это? Мяу! Бугемот! Или Канареечка!»

Гражданин снял соломенную шляпу, обмахнул ею вспотевшее лицо и еще более вкрадчиво спросил:

— Может быть, случайно вы все-таки спортом не интересуетесь, а больше любите сардельки?

БХ-000 дрожащей рукой нащупал в кармане пистолет и ответил:

— Нет, я интересуюсь сосисками с картофельным пюре.

Тут толстый гражданин с утиным носом тоже сунул руку в карман пиджака и спросил мрачно:

— А чем сосиски лучше сарделек!

— В них витаминов больше, — ответил Фонди-Монди-Дунди-Пэк и быстро пошел прочь, не оглядываясь.

Он направился в магазин, купил два килограмма сосисок, вернулся домой, включил радио и начал глотать сырые сосиски. И пока не проглотил все, не мог остановиться.

А в эфире ругались, жаловались, обзывались трое агентов.

Первым высказался Бугемот:

— Был на условленной скамейке. Уверен, что разговаривал с БХ-000. Но он не ответил на пароль. Подозрения шефа оправдываются. Чувствовал я себя во время разговора, как кусок мяса в тупой мясорубке. Ваши соображения!

В ответ ему Канареечка:

— Все мы дураки во главе с начальством. Надо было сразу сматываться обратно. Бугемот все испортил с помощью своей пустой головы.

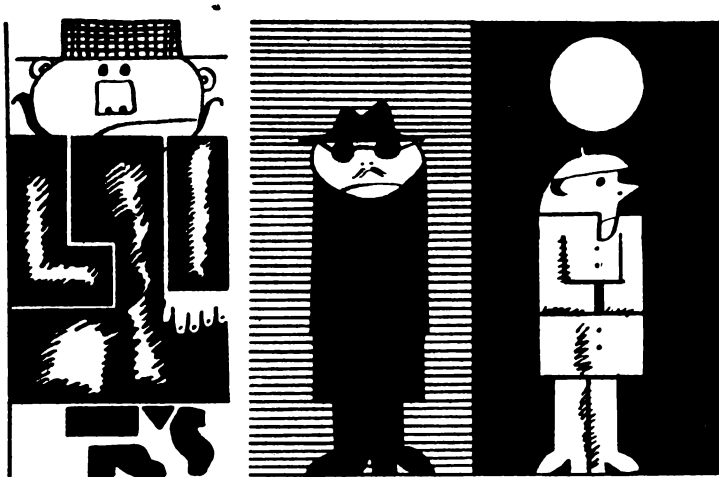
Мяу сказал так:

— Если ты сам дурак, на начальство не сваливай. А если еще будешь критиковать начальство...

Тут в эфир полетели такие словечки, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк отключил радио. Хорошо, что Бугемот не слишком умен и не пошел за ним следом!

Настроение чуть-чуть улучшилось. БХ-000 вспомнил, какое глупое лицо было у Бугемота, когда тот услышал, что в сосисках витаминов больше, чем в сардельках!

Но в сердце опять прокрался страх, и хорошее на-

строение моментально улетучилось. ЫХ-000 трясущими-ся руками включил рацию и сразу услышал:

— Группе «Фрукты-овощи». Приказ шефа. Если в течение двадцати семи часов ноль четырех минут не будет налажена связь с ЫХ-000, Канареечка и Мяу немедленно возвращаются. Бугемот остается для особо специального задания.

«Ага! Ага! — пронеслось в дергающейся голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Особо специальное задание — это я! Моя смерть!»

И он быстрехонько передал в эфир:

— Говорит ЫХ-000. Удивляюсь вашей беспомощности. За мной следят. Прячусь глубоко под землей. Была возможность связаться с Бугемотом, но он затеял с посторонним человеком глупейший спор о спорте, сосисках

и сардельках с картофельным пюре. Этак он провалит нас всех. В ближайшее время встретимся. Приветик. Гуд бом!

Он отключил рацию, тяжело вздохнул семь раз: агентов-то он напугал и запугал, а что же ему самому теперь делать?

Предположим, он сдастся и выдаст всю диверсионную группу «Фрукты-овощи». Предположим, ему за добровольное раскаяние сохранят жизнь. Но, скажите, кому интересно провести остаток жизни за тюремной решеткой?

Задание он выполнять не будет — это решено бесповоротно. Но если он будет сидеть вот так, сложа трясущиеся руки, то рано или поздно с ним разделается Бугемот!

И ЫХ-000 с досадой подумал: «Надо было съесть не два килограмма сосисок, а четыре с половиной и обязательно с картофельным пюре. Тогда бы голова работала лучше».

Теперь же голова работала плохо, дергалась, ничего не могла сообразить... А опасность все приближалась и приближалась.

ЫХ-000 вытащил пистолет и спрятался под кровать.

Г Л А В А № 8

АГЕНТ МЯУ ТЕРЯЕТ ПИСТОЛЕТ

ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕХ АГЕНТОВ
БЫЛО НЕЗАВИДНЫМ:
ЫХ-000 ДОЛЖЕН БЫЛ
ПРИГОТОВИТЬ ДЛЯ НИХ
ЖИЛЬЕ, ГДЕ ОНИ МОГЛИ

бы по крайней мере ночевать. А они уже несколько дней слонялись по городу, спали где придется, а часто и вообще не спали.

Собираться вместе без приказа руководителя диверсионной группы они не имели права. В лицо они друг друга не знали, связь поддерживали только по радио.

Первым не выдержал Бугемот, предложил:

— Надо собраться и разобраться. ЫХ-000 тянет резину. Может, он давно уже переметнулся к врагу. Давайте соберемся вместе, обсудим. Ум хорошо, а три — плохо.

Мяу возразил:

— Приказ шефа — ждать двадцать семь часов ноль четыре минуты.

Канареечка сказал:

— Приказ приказом. Шеф шефом. А нам надо встретиться. У меня поджилки трясутся. Кругом одни человеческие лица. Хочу родную шпионскую физиономию увидеть.

Решено было встретиться в парке за городом. Для опознавания Бугемот предложил свой пароль. Пораженный тем, что однажды он уже запутался с паролем, Бугемот не смог придумать ничего более лучшего, чем опять:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки!

И такой вот отзыв:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

Бугемот явился на свидание первым и ждал у дороги в парк, недалеко от автобусной остановки.

Подходит к нему гражданин в темных очках, спрашивает:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки!

— Сардельки здесь не продают,— радостно ответил Бугемот,— но есть замечательные сосиски с картофельным пюре!

А ведь пароль и отзыв должны произноситься точно из слова в слово!

И агенту Мяу (а это был он) ничего не оставалось делать, как сказать:

— Я сосисок с картофельным пюре не ем.

Мяу направился обратно к автобусной остановке. На встречу ему торопливо шел длинный гражданин в зеленом берете.

Оба враз остановились.

Гражданин в зеленом берете спросил:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки!

Мяу облегченно вздохнул и ответил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски с картофельным пюре.

Как это «картофельное пюре» сорвалось у него с языка, он и сам не понимал, а гражданин в зеленом берете пробормотал растерянно:

— Спасибо, но я картофельное пюре не перевариваю.

И он прошел мимо: рисковать нельзя — можно погибнуть из-за двух слов, если даже эти два слова означают всего-навсего обыкновенное картофельное пюре!

Канареечка (а это был он) приблизился к изнывавшему в ожидании Бугемоту и спросил безнадежным тоном:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки!

Бугемот сжал кулаки, набрал в грудь побольше воздуха, напряг весь свой разум и отчетливо, почти по слогам выговорил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

И оба агента так громко и так облегченно вздохнули, что стоявший вдалеке Мяу услышал и оглянулся на них.

— А это кто! — кивнув в его сторону, спросил Канареечка. — У него сосиски, но с картофельным пюре.

— Я виноват, — объяснил Бугемот. — У меня с языка «пюре» сорвалось, и у него потом. Иди договорись.

Вскоре они втроем уже сидели на укромной полянке.

— Мы влипли в историю, — мрачно заговорил Бугемот. — ЫХ-три нуля специально нас запутал. Голову даю на отсечение, что я разговаривал с ним и пароль я сказал правильно, а он не захотел отвечать. За нами наверняка уже следят.

— Через двадцать один час семнадцать минут я могу убираться домой, — пропищал Канареечка. — Надоело мотаться без дела.

— Я тоже уверен, что мы попались, — промямлил

Мяу. — Я вот нисколько не удивлюсь, если сейчас услышу: «Руки вверх!».

И раздался голос:

— Руки вверх!

Бугемот мгновенно исчез в куче хвороста. Канареечка белкой взлетел по стволу дерева. Мяу нырнул в кусты.

На полянку выскочил мальчик, крикнул:

— Руки вверх! С места не двигаться! Стреляю без предупреждения и без промаха!

И пробежал дальше.

Не скоро отдышались насмерть перепуганные шпионы. «Руки вверх!» — да еще прозвучавшие совершенно неожиданно, — самые страшные для них слова. Агенты даже не обратили внимания на то, что голос был детский.

Мяу вернулся, весь белый, еле слышно промямлил:

— Вот... это... пистолет... ведь... потерял... эх...

Шпионы схватились за головы — каждый за свою.

— Да, действительно пюре получается, — мрачно сказал Бугемот. — Ты бы лучше башку потерял! Вместе с головным убором! Ха-ха...

— А какой дурак придумал спрашивать о сосисках и сардельках в лесу! — разозлился Мяу. — Нарвись мы на догадливого человека, и перехватили бы нас, как кроликов!

— Надо искать пистолет, — жалобно пропищал Канареечка. — И что у вас за привычка вечно лаяться! И как тебя угораздило потерять оружие! Чему только тебя учили! Агент еще называется!

— Я споткнулся, — объяснил Мяу, — взлетел в воздух, перевернулся несколько раз, встал на голову, опрокинулся на спину, потом побежал... сунул руку в карман... тю-тю!

— Нам надо выбрать главного, — очень мрачно пред-

ложил Бугемот.— Иначе никакого порядка не будет. Будет одно сплошное тюре.

— Главный у нас есть,— возразил Канареечка.— ЫХ-три нуля. Никто его пока еще не отстранил. Он может объявиться в любой момент. А нам никто не давал права командовать.

— А где же этот знаменитейший, сверхопытнейший, самый заслуженный ЫХ-три нуля! — совсем мрачно спросил Бугемот.— Он трус и предатель, я уверен. Шеф все равно прикажет убрать его.

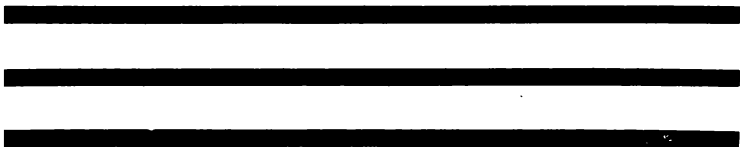
— Помогите мне найти пистолет! — взмолился Мая.— Вдруг его кто-нибудь найдет!!

Шпионы ползали на четвереньках по парку не меньше часа. Пистолета нигде не было.

— Только без паники! — рявкнул Бугемот, когда агенты снова собрались на укромной полянке и Мая громко зашмыгал носом.— Пора прощаться. Рации включать через каждые полчаса.

— Я еще здесь останусь,— сказал Мая.— Еще поползаю.

НЕ МОГ ЖЕ ОН СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ ПРОВАЛИТЬСЯ!

Г Л А В А № 9.

ШПИОНСКИЙ ПИСТОЛЕТ НАХОДИТ ТОЛИК ПРУТИКОВ

**ДА, КОНЕЧНО, ПИСТОЛЕТ
НЕ МОГ ПРОВАЛИТЬСЯ
СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ. И НАП
РАСНО АГЕНТ МЯУ ПОЛ
ЗАЛ НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ,**

ощупывая каждую травинку.

Пистолет нашел Толик Прутиков. Он с ребятами играл в шпионов, все отправились домой, а Толик решил еще потренироваться немного. Он бегал и ползал по парку, лазал по деревьям, прятался в кустах и кричал:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха!

Один раз ему даже померещилось, что своими криками он спугнул несколько человек, которые разбежались перед самым его носом.

Эх, если бы знал Толик, что шпионы, самые настоящие шпионы испугались его!

Но зато он нашел настоящий пистолет. Когда Толик увидел его в траве, то чуть не заорал от восторга. Схва-

тив пистолет, он бросился бежать сломя голову, и просто удивительно, что не разбил эту голову ни об одно из деревьев!

И лишь выскочив на обочину шоссе, Толик сообразил, что нельзя же бегать с настоящим пистолетом в руках, а тем более ехать в автобусе. Куда бы спрятать оружие! Ведь на Толике были всего лишь трусы, безрукавая майка да кеды.

Размышляя о том, куда бы спрятать пистолет, он и не подумал, что надо о такой находке сообщить милиционеру или военному человеку.

Но вот так и бывает: шпионов ловить мы горазды, а обыкновенная сообразилка не работает. Если в парке среди бела дня валяется пистолет, то ведь можно сообщить, что тут дело нечисто!

Да и зачем Толику пистолет, если он даже стрелять из него не умеет! Он ведь думал, что стрелять надо, как в кино, по его мнению, стреляют: нажал там что-то — и бах-ба-бах! Если бы так могло быть, то пистолет давным-давно уже сам выстрелил бы.

Помните, что Толик мечтал поймать шпиона, как говорится, своими собственными руками, чтобы считаться выдающимся человеком!

Толик снял майку, завернул в нее пистолет и сел в автобус. Сидел он в автобусе и весь сиял: ведь теперь он любого шпиона раз — и руки вверх!

До того ему замечательно было, что он и билет забыл купить, хотя шесть копеек в карманчике трусов имелось.

— Граждане, приготовьте билеты для проверки общественным контролером! Водитель, двери без моего сигнала не открывать!

Бросившись к кассе-полуавтомату, Толик и натолкнулся на общественного контролера — тетеньку Анну Дмитриевну. Тетенька очень обрадовалась:

— Есть один заяц!

— Совсем не заяц я! Честное слово, не заяц я! — взмолился Толик. — Просто забыл! Вот денежки! Ровно шесть копеек!

— Денежки свои оставь при себе, — весело сказала тетенька общественный контролер. — А мы с тобой сойдем на конечной остановке и отправимся в милицию. Там составим акт. Вызовут одного из твоих родителей. Он заплатит за тебя штраф. Тебе будет соответствующее наказание, а мне соответствующий почет.

Не мог же Толик сказать ей: я, мол, забыл купить билет из-за того, что настоящий пистолет нашел, от радости размышлял и...

— Тетенька, а тетенька! — позвал он. — Даю вам честное слово, что никогда безбилетным зайцем не ездил! Вот первый раз, да и то случайно!

— Чтобы этого с тобой второй раз случайно не случилось, миленький ты мой, — очень ласково ответила тетенька общественный контролер, — придется одному из твоих родителей заплатить за тебя причитающийся законный штраф.

Ее стали уговаривать почти все пассажиры: дескать, на весь автобус всего один заяц, да и не заяц еще, а зайчик, да и то билет купит, дескать, такого и простить можно.

Но она радостным голосом объявила, что если зайцев, а тем более маленьких, отпускать подобиру-поздорову, тогда им, общественным контролерам, делать будет нечего. А если им делать будет нечего, то их, общественных контролеров, тоже отпустят подобиру-поздорову на все четыре стороны. А если их отпустят, то зайцев разведется видимо-невидимо, и они со временем выживут всех честных пассажиров.

Толик прижимал к груди завернутый в майку пистолет

и размышлял о том, как удивительно плохо устроено все на этом белом свете! Вот пистолет нашел настоящий, оружие, просто необходимое для задержания настоящего шпиона, — и вдруг из-за какого-то пустяка все летит вверх тормашками!

Даже и не то страшно, что дома попадет, там еще бабушка имеется на всякий случай, а то ужасно, что в милиции пистолет все равно обнаружат и обязательно отберут.

Надо сбежать!

Во что бы то ни стало надо любым способом улизнуть!

— А чего это ты голый едешь! — спросила тетенька общественный контролер. — Майку почему скомкал!

— Жарко очень, — ответил Толик, — много бегать пришлось. А дома мне здорово попадет. Бабушка горько плакать будет. Она всегда горько плачет, когда мне зря попадает.

— А часто тебе зря попадает!

— Да почти всегда зря. Бабушку уж очень мне жалко.

— Я бы тебя отпустила, — призналась тетенька общественный контролер, — но я план по зайцам уж который месяц не выполняю. Все выполняют, одна я еще ни одного зайца не поймала и не оштрафовала. А у нас через четыре дня торжественный вечер. Да еще с духовым оркестром. Всех будут хвалить, а меня даже не поругают. Потому что пенсионеров критиковать нельзя: очень уж мы обидчивые. А хвалить меня не за что. А вот приведу я тебя в милицию, одного из твоих родителей оштрафуют, — голос ее стал совсем ласковым, — тебе дома попадет, бабушка твоя горько поплачет, зато мне, Анне Дмитриевне, почет на торжественном вечере с духовым оркестром. Понимаешь?

— Я-то понимаю. Вы поймаете меня завтра, Анна Дмитриевна! Какая вам разница! Я еще двоих товарищей позову. Будет у вас целых три зайца. Вам за это три почета. Понимаете!

— Что-то не очень...

— Да ведь три зайца — это в три раза больше, чем один! А мы вам завтра попадемся втроем. Мы и деньги на штраф принесем, чтобы родителей не беспокоить. Три штрафа! Три!

— Деньгами-то я вам и сама помогу, — задумчиво проговорила Анна Дмитриевна. — Мне ведь не деньги нужны, а почет. Все! Приехали. Конечная остановка. Не вздумай бежать, миленький, — ласково предупредила она и показала милицейский свисток размерами раза в четыре больше обычного.

— Отпустите вы меня! — жалобно попросил Толик. — Завтра мы вам втроем попадемся! Три почета вам будет!

Тетенька общественный контролер отрицательно покачала головой, но пообещала:

— Еще подумаем. Торопиться не будем. Все взвесим, прикинем, потом еще раз подумаем.

— И думать тут нечего! — Толик с трудом удержался, чтобы не сказать чего-нибудь грубого. — Меня не жалееете — бабушку мою пожалейте! Она ведь тоже пенсионерка! Плакать ведь она будет! Может быть, даже зарыдает! И все из-за вас!

— Значит, с нервами у нее плоховато, — озабоченно объяснила тетенька общественный контролер. — Пусть по утрам холодный душ принимает. Это очень укрепляет нервную систему.

«Что же делать!! Что же делать!! Что же делать! — чуть не кричал Толик. — Вот вредная старушенция! Свалилась

на мою несчастную голову!.. Но я что-нибудь, да придумаю! Она еще пожалеет...»

Они вышли из автобуса и сели на скамейку в городском сквере. Тетенька общественный контролер не выпускала из рук милицкий свисток и думала, шевеля губами, подсчитывая что-то.

И Толик тоже думал, но в руках у него был не милицкий свисток, пусть раза в четыре больше обычного, а пистолет. Придется, видимо, им воспользоваться!

«Уйти бы куда-нибудь, где людей нет, — торопливо прикидывал в уме Толик, — там я вынимаю пистолет... и требую... то есть приказываю... А если она не поверит, что пистолет настоящий! Тогда что делать!...»

На всякий случай он еще раз сделал попытку разжалобить тетеньку общественного контролера и самым нежным голосом, на какой только был способен, заговорил:

— Три зайца завтра у вас будут. Три штрафа. Три почта. Отпустите вы меня! Честное-пречестное слово, не обману. Если удастся, может, четырех зайцев приведу. А!

— Не верю я тебе, миленький, — ласково сказала Анна Дмитриевна, — и права не имею верить. Какой же я тогда общественный контролер, если зайцу поверю! Идем в милицию.

— Руки вверх! — приказал Толик, вытащив пистолет и направив дуло прямо в нос Анне Дмитриевне. — Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха! Я агент иностранной разведки! Заброшен в ваш город для выполнения опасного задания! Если вы, бабушка...

— Не бабушка я еще...

— Неважно! Если вам, пока вы еще не бабушка, дорога жизнь, не шевелитесь, не двигайтесь с места, не

свистите в свой свисток десять минут! Не вздумайте выдавать меня! Моя пуля найдет вас повсюду!

— Не боюсь я тебя... Не боюсь я тебя... — торопливо бормотала Анна Дмитриевна, оглядываясь по сторонам. — И пистолет у тебя игрушечный... а я сейчас милицию позову... тут тебя и сцапают...

— Стреляю без предупреждения и без промаха! — тряся пистолетом перед ее носом, прохрипел Толик. — Моя пуля найдет вас повсюду!

Держа пистолет в вытянутой руке, Толик попятился.

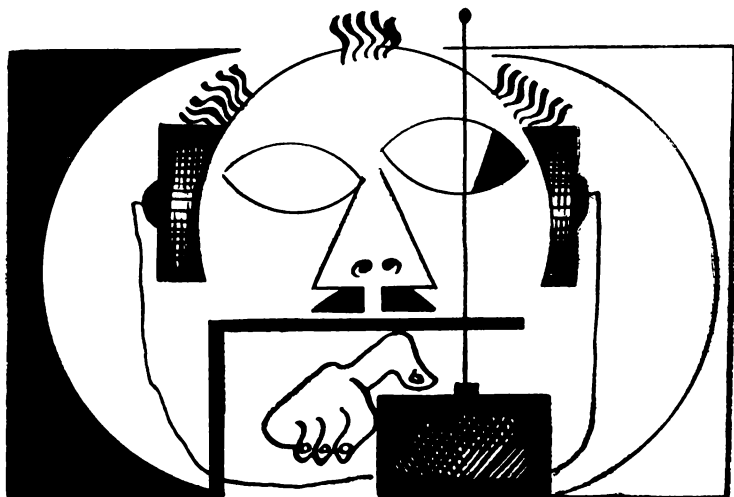
Не успел он скрыться в кустах, как общественный контролер Анна Дмитриевна с такой силой начала дуть в свой свисток, словно это была боевая труба.

Г Л А В А № 10

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЕР АННА ДМИТРИЕВНА В
ОБЩЕСТВЕ ДВУХ ШПИОНОВ. ЫХ-000 ПЫТАЕТСЯ СТАТЬ
ЧЕЛОВЕКОМ**

**ЫХ-000 ПОБРИЛСЯ, ПРИЧЕ
САЛСЯ, УЛОЖИЛ ВЕЩИ В
ЧЕМОДАНЫ, ВКЛЮЧИЛ РА
ЦИЮ И ПЕРЕДАЛ В ЭФИР:
«ФРУКТАМ-ОВОЩАМ». ПО**

терял всякую возможность действовать. Окружен со всех сторон. Видимо, погибну. Работайте самостоятельно. Старшим назначаю Бугемота. Скоро нам всем каюк. ЫХ-000».

Он передал это сообщение в эфир несколько раз. Пусть приятели-предатели выкручиваются сами, а задания им все равно не выполнить. Полковник Шито-Крыто лопнет от злобы. А ему, Фонди-Монди-Дунди-Пэку, пожилому человеку, надоело трястись от страха. И пусть не носить ему больше мундира с погонами, крестами и медалями, зато отныне он будет жить по-человечески.

Сядет он в поезд, уедет на берег южного моря, снимет там комнату в доме, где много детей, станет с ними во все игры играть, кроме игры в шпионов.

И теперь он, кстати, уже не ЫХ-000, не Фонди-Монди-Дунди-Пэк, а Иван Иванович Иванов, как значится в его последнем паспорте.

С чемоданом в руке он довольно спокойно шагал к вокзалу, раздумывая о том, что на первый, как говорится, случай он нашел неплохой выход из положения. Конечно, полковник Шито-Крыто будет его разыскивать, искать он умеет, ну, а мы прятаться умеем.

Но он и сам не заметил (проклятая шпионская привычка — действовать по секретной инструкции!), как оказался в сквере на условленной скамейке.

Тут же рядом плюхнулся Бугемот, да так плюхнулся, что едва не опрокинул скамейку. Сидел он, сидел, пыхтел он, пыхтел и мрачно спросил:

— Вы случайно не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

«Поручили ему ликвидировать меня или нет! — пронеслось в голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Главное, чтобы он не догадался, что я — это я».

Иван Иванович Иванов на вопрос ответил вопросом:

— А какое «Динамо» вы имеете в виду?

— Обыкновенное «Динамо». Футбольную команду.

— В первенстве участвует, к вашему сведению, несколько команд под названием «Динамо», — любезно объяснил Иван Иванович Иванов. — Какая именно команда вас интересует?

— Я спортом не интересуюсь, — пробурчал Бугемот, — я больше люблю сардельки. Понимаете, я больше люблю сардельки!

— А я обожаю сосиски, — с улыбкой сказал Иван Иванович Иванов. — И обязательно с картофельным пюре.

— А я пюре ненавижу, — сквозь зубы процедил Бугемот, и по лицу его было видно, как он мучительно

что-то соображает. — Ненавижу я пюре! — очень мрачно повторил он. — И сосиски ненавижу! И футбол ненавижу!

— Почему же вы спрашиваете о футболе вот уже второй раз!

— Потому что меня просили спросить. Понимаете! Меня просили спросить: вы случайно не знаете, когда играет «Спартак» с неважно каким «Динамо»!

«Он от меня не отстанет, — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — надо мне как-то от него отделаться». А Иван Иванович Иванов недовольно сказал:

— Если вы, гражданин, лишку выпили и заговариваетесь, то ступайте себе домой, а то вон недалеко где-нибудь наверняка милиционер имеется.

— Извиняюсь, простите, извините, — испуганно пробормотал Бугемот, но не двинулся с места, только запыхтел еще громче.

«Значит, он уже приставлен следить за мной, — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — нагонит в безлюдном переулке — и пулю мне в затылок. Или две, для верности».

Бугемот же был абсолютно убежден, что перед ним, вернее, рядом с ним, не кто иной, как руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи». И хотя Бугемот совершенно запутался в этих «Динамо», сосисках, сардельках и особенно в картофельном пюре, он, как говорится, всей своей шпионской шкурой чувствовал, с кем имеет дело.

Но поведение БХ-000 было настолько непонятным, что Бугемот потерял всякую рассудительность вместе с бдительностью. В страшном нетерпении, стремясь как можно скорее и во что бы то ни стало выяснить обстановку, он отломил прутик и на песке нацарапал:

БХ = 000

«Вот болван! — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Как бы мне от него улизнуть!»

И пока Иван Иванович Иванов спокойно сидел и не смотрел на песок, словно там было нацарапано неприличное слово, Бугемот весь испыхтелся, словно бежал в гору и нес на себе Бугемота вроде себя.

А Фонди-Монди-Дунди-Пэк вспомнил, что полковник Шито-Крыто любил повторять:

— Я вам погоны на плечи, кресты и медали на грудь, денежки в карман, а жизни ваши в моих руках!

Совершенно ясно, что он уже отдал приказ уничтожить ЫХ-000. Думалось об этом относительно спокойно, ибо ЫХ-000 боялся людей, а со своим братом-шпионом он надеялся как-нибудь справиться.

Вдалеке раздался милицейский свисток. В другое время шпионы не обратили бы на него и малейшего внимания, а сейчас их затрясло от страха, словно они были не агенты, а жулики-карманники. Бугемот так заподпрыгивал на скамейке, что она в любой момент имела право развалиться.

А трели милицейского свистка были все ближе и ближе, все громче и громче.

Бугемот и ЫХ-000 тряслись и тряслись. Только один успокоится — другого забьет мелкой дрожью. Так можно было и мозги вытрясти! Агенты вцепились руками в скамейку, чтобы унять дрожь, сжали зубы и — замерли.

Кто-то сзади приближался к ним, ломая кусты и оглушительно свистя в милицейский свисток.

Агенты вскочили, но тут же шлепнулись обратно: ноги у них подкосились.

— Спартак... Динамо... Спартак... Динамо... — бормотал ЫХ-000, пытаясь вспомнить что-то очень важное. — Спартамо... динаспар... такдина... амоспар...

— Сосиски, сардельки! Сосиски, сардельки! — бормо-

тал совершенно обескураженный Бугемот. — Сосельки! Сарсоски! Перю! Рюпо! Пюро! Пере! Пюре!

От страха они не слышали друг друга и не смотрели друг на друга.

— Граждане, граждане! — раздался сзади радостный голос. — Вы тут случайно шпиона не видели? Маленький такой, с пистолетом, в одних трусах черных, в руках майка желтая, а!

— Нет, нет, никакого шпиона мы не видели! — торопливо ответили шпионы.

На скамейку между ними села тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна. Села — и затряслась — это оттого, что скамейка подпрыгивала.

— Чего-то вроде землетрясения, что ли! — удивилась Анна Дмитриевна. — Или меня от радости трясет! Нюх-то у меня какой! Ловила безбилетного зайца, а чуть шпиона не поймала! Как он меня уговаривал отпустить его! А у меня на них нюх! Мальчишкой переоделся! И лопочет совсем по-нашему! И ездит-то, как наши, зайцем! В майке у него пистолет был завернут. Вытащил он его, прямо в нос мне сунул и заорал: «Руки вверх!»

Шпионы тихонько застонали, борясь с желанием поднять руки.

— Я ни разу в жизни живого-то шпиона и не видел, — заискивающим тоном произнес Бугемот. — По-моему, их не бывает.

— Не бывает! — усмехнулась Анна Дмитриевна. — Как же это не бывает, когда он мне сам сказал, что он шпион! В мальчишку переоделся и действует, враг такой!

— Мальчишки часто играют в шпионов, — строго сказал ЫХ-000, — глупейшая, конечно, игра, но...

— Идиотская игра! — почти рывкнул Бугемот, чуть придя в себя. — Запретить ее надо!

— Это было бы очень, очень гуманным решением,— добавил ЫХ-000. — А то кому игра, а кому — трепка нервов.

— Шпион это, агент! — твердо проговорила Анна Дмитриевна и громко дунула в свой свисток. — Вот отдохну, отдышусь и поймаю. Хотел он меня запугать, думает, что мы, пенсионеры, народ трусливый. А мы, наоборот, храбрецы. Никого я не боюсь... А чего это я трястись перестала!

И только тут тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна заметила, что сидит на скамейке одна.

Она набрала в грудь побольше воздуха и засвистела в милицкий свисток так, словно дула в боевую трубу.

К О Н Е Ц В Т О Р О Й Ч А С Т И

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

у которой два названия:

**„кеяк, кеюк,
каёк, каюк“**

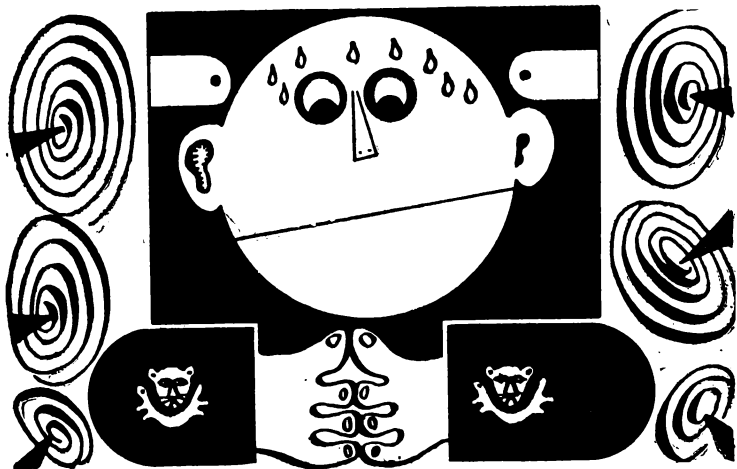
и

**„Не рой другому
яму, сам в нее
попадешь“**

Г Л А В А № II

ПОЧЕМУ ГЕНЕРАЛ БАТОН ПРОТИВ ГИГИЕНЫ

**ПОЛКОВНИК ШИТО-КРЫ
ТО ДАВНО УЖЕ УНЮХАЛ,
ЧТО ТЩАТЕЛЬНО ПОДГО
ТОВЛЕННАЯ ИМ ЛИЧНО
ОПЕРАЦИЯ «ФРУКТЫ-ОВО**

щи» проваливается.

Еще когда он получил сообщение, что ЫХ-000 нездоровится, у полковника Шито-Крыто засосало под ложечкой. А если у такого типа засосало под ложечкой, то это означало, что не он делал кому-то крупную пакость, а ему кто-то делал крупную пакость.

Он не задавал себе вопроса: как могло случиться, что трусом и предателем оказался его лучший агент и закадычный враг! С точки зрения полковника Шито-Крыто, любой может стать трусом и предателем в любой момент.

Начальника Самого Центрального Отдела беспокоило другое: полный провал операции «Фрукты-овощи» означал по существу почти полный провал всей организации

«Тигры-выдры». Ведь ЫХ-000 знает все! А раз он все знает, то все и выдаст! Следовательно, его надо как можно скорее ликвидировать! Но как!!

Пока еще полковник Шито-Крыто не стучал по столу кулаками, не топал по полу ногами, не бился о стену своей огромной, без единого волоска головой и, тем более, не собирался лопаться от дикой злобы.

Пока он занимался своими обычными ежедневными делами, то есть думал, размышлял, рассчитывал, прикидывал, взвешивал, изучал, сравнивал, делал выводы — готовился к осуществлению цели всей своей жизни.

От очень сильного напряжения голова потела, он часто подставлял ее под струи воздуха от ста одного настольного вентилятора и выжидал, когда она охладится.

Уважал, любил и берег он свою голову!

Генерал Батон спросил его однажды:

— Не могу разобраться, что же напоминает мне ваша огромная голова — арбуз, футбольный мяч или глобус!

Вопрос был задан самым ехидным тоном, но полковник Шито-Крыто ответил не только серьезно, но и с достоинством:

— А это зависит от того, когда вы вспоминаете о моей голове, шеф. После сытного обеда она напоминает вам арбуз. Во время футбольного матча она напоминает вам мяч. А когда вы думаете о масштабах деятельности «Тигров-выдров», моя голова кажется вам похожей на глобус. К счастью, ваша голова, господин генерал, ни на что не похожа.

Об этом разговоре не стоило бы и вспоминать, но полковник Шито-Крыто ни на секунду не забывал, что генерал Батон ненавидит его смертельной ненавистью, завидует ему лютой завистью именно из-за головы. Ведь начальники, которые командовали генералом Бато-

ном, хорошо знали, что его голова соображает хуже, чем голова полковника Шито-Крыто.

Дело в том, что генерал Батон был невероятно ленив, и особенно лень ему было думать: от самой маленькой мысли он очень уставал. Больше всего на свете он любил сидеть в мягком генеральском кресле и дремать. А его помощник офицер Лахит говорил посетителям, что шеф занят, однако не уточнял, чем именно занят шеф.

Путем многолетних ежедневных тренировок генерал Батон научился мастерски спать с открытыми глазами. Можно было считать, что он не жил, не руководил, не командовал, а подремывал — себе на здоровье и во вред своей родной шпионской организации. И еще он научился просыпаться в самый нужный момент.

Питался генерал Батон в основном манной кашей и киселем: чтобы не жевать. Да и жевать-то ему было нечем: почти все зубы у него давным-давно выпали, так как он чистил их всего восемь раз за всю свою жизнь. Вставлять искусственные зубы он не хотел: все равно жевать ему было бы лень. А для чего же зубы вставлять, если ими не жевать!

И, представьте себе, его отец, старик Батон, тоже генерал, но только в отставке, часто ставил своего сына в угол! Как только увидит старик Батон, что сын садится обедать не вымыв руки, так и скомандует:

— На двадцать две минуты в угол шагом марш!

И ровно через двадцать две минуты снова команда:

— Просить у меня прощения шагом марш!

Генерал Батон просыпался и говорил:

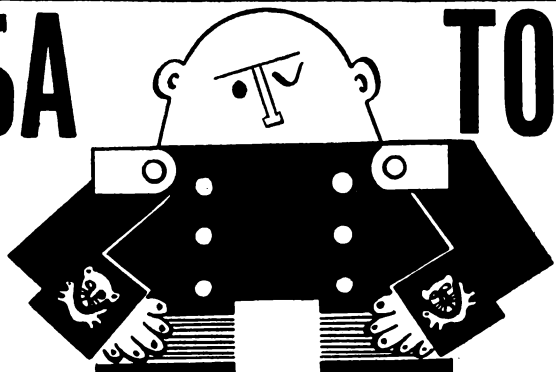
— Простите меня, господин папа генерал, я больше не буду. То есть, наоборот, буду мыть руки перед едой.

Но вот чего не ленился делать генерал Батон, так это — писать доносы. Все его и боялись.

Все, кроме полковника Шито-Крыто, который единст-

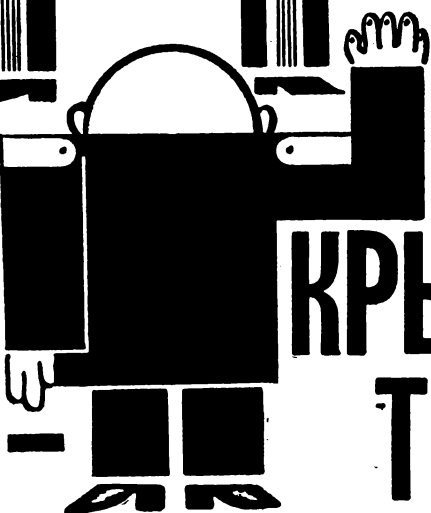
БА

ТОН

ШИ

ТО

КРЫ

ТО

венный из подчиненных знал о своем начальнике все, даже то, что дома его часто ставят в угол за немытые руки.

Как мечтал генерал Батон разделаться с полковником Шито-Крыто!

И вот офицер Лахит принес радостную весть:

— Операция «Фрукты-овощи», шеф, под угрозой полного провала. Мутит воду ВХ-три нуля.

Генерал Батон от радости проснулся, вздремнул, проснулся, вызвал к себе начальника Самого Центрального Отдела и спросил совершенно ехидно:

— Насколько блестяще продвигается операция «Фрукты-овощи»!

Глядя ему прямо в глаза и зная, что он в это время дремлет, полковник Шито-Крыто ответил:

— Произошли некоторые осложнения, шеф. Абсолютно неожиданные. Стараемся их ликвидировать.

С трудом уловив смысл фраз, генерал Батон соснул семь секунд и сказал:

— Посмотрим. Вот вы, полковник, как мне достоверно известно, каждый день чистите зубы, несколько раз в день моете руки. А!

— Так точно, шеф. Зубы я чищу дважды в день.

— А с какой целью вы все это выполняете!

— Гигиена, шеф. Чистота — залог здоровья. В здоровом теле — здоровый дух.

— Дух-то у вас, может быть, и здоровый, — соснув, сказал генерал Батон иронически. — А вот какой у вас ум! Разве вы стали умнее оттого, что дважды в день чистите зубы и моете руки перед едой! Разве помогла гигиена хоть кому-нибудь стать умнее! — И он заснул стоя и с открытым ртом.

Полковник Шито-Крыто угадал, когда шеф проснулся, и спросил:

— А разве сделала хоть кого-нибудь умнее нечистоплотность?

— Нет, нет! — громко воскликнул генерал Батон и своим голосом разбудил самого себя. — Гигиена не имеет никакого отношения к уму. Моешь ты руки перед едой или не моешь, умнее от этого не станешь. Нам нужен не здоровый дух, а здоровенный ум. Я считаю, полковник, — говорил он уже во сне, — что вы много времени тратите на гигиену, и это нездоровое увлечение отрицательно сказывается на вашей работе. Ведь в то время, когда вы беззаботно чистите зубы или непонятно зачем моете руки, работа у вас не двигается с места! В молодости, моей и вашей, вы казались мне выдающимся человеком. Вы мечтали — и мечта эта была прекрасна — предать всех людей! Вы даже хвастливо заявили, что предадите и меня при первом удобном случае. Ну!

— Я и предам вас при первом удобном случае, шеф. Не беспокойтесь. И всех людей предам. Не волнуйтесь. Всему свое время.

— Посмотрим! — Генерал Батон опять сам разбудил себя громким голосом. — Мне не нравится ваше увлечение гигиеной, от которой никому ни холодно, ни жарко. Как старший по званию и по возрасту советую: побольше работы, поменьше гигиены!

Полковник Шито-Крыто вернулся в свой кабинет и как ни в чем не бывало продолжал думать и размышлять, рассчитывать и прикидывать, взвешивать и изучать, сравнивать и делать выводы...

На слова шефа он нисколько не обиделся: ведь этому самому шефу грозит грандиозный подвох со стороны полковника Шито-Крыто. Не соображает голова ленивого генерала Батона, что в случае провала операции «Фрукты-овощи» попадет-то ему! И этого добьется голова полковника Шито-Крыто!

Когда их вызовет Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование, полковник Шито-Крыто не станет каяться:

— Простите, извините, виноват, больше не буду, готов понести любое наказание, дурак я, дурак, а вы умные!

А скажет он следующее:

— Это моя первая и последняя крупная ошибка. Прошу дать мне возможность загладить вину. Я предлагаю вашему вниманию операцию «Братцы-тунеядцы», над которой я работал всю жизнь.

Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование будет поражено, ошеломлено, восхищено, обескуражено, обрадовано планом невиданной операции.

Генерал же Батон будет спать с открытыми глазами, а когда проснется, то услышит, что его снимают с поста, а на его место назначают генерала Шито-Крыто.

— За что! — очень глупо спросит генерал Батон.

— А хотя бы за то,— ответит ему Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование,— что не может быть руководителем крупнейшей шпионской организации субъект, который не чистит зубы и не моет рук перед едой и вообще против гигиены который.

Но полковнику Шито-Крыто многое предстояло пережить и многое сделать, прежде чем он проскочит в генералы. Ему еще предстояло, в частности, чуть не лопнуть от дикой злобы.

Г Л А В А № 12

МЕЧТА ТОЛИКА ПРУТИКОВА СБЫЛАСЬ!

**МИЛИЦИЯ ОЦЕПИЛА
СКВЕР. СЛУЖЕБНЫЕ СОБА
КИ ВЫНЮХИВАЛИ НЕ ТОЛЬ
КО КАЖДЫЙ САНТИМЕТР
ЗЕМЛИ, НО И КАЖДЫЙ**

миллиметр, и виновато помахивали хвостами. Ведь по скверу прошло столько людей, что отыскать нужный след было, конечно, невозможно. Но служба есть служба, и собаки старались.

Тетенька общественный контролер Анна Дмитриевна все рассказывала и рассказывала, но уже хриплым голосом:

— Я, говорит, заграничный шпион, я вам пулю в нос без промаха и предупреждения. А сам мальчишкой переоделся и зайцем, как наши, в автобусе разъезжает. И болтает по-нашему. Чувствую я, что это шпион, а не заяц. Потому что бдительности у меня очень много. Заработала я себе почет или не заработала! Конечно заработала!

А Толик тем временем прибежал домой, мимо бабушки прошмыгнул в комнату, сунул пистолет под подушку.

— Не поймал еще шпиона-то! — спросила бабушка.— Давай поешь да снова за дело. Бегаешь, бегаешь — глядишь, иймаешь. А на голодный желудок шпионы, говорят, ловятся плохо.

Замечательной бабушкой была Александра Петровна! Никогда она на внука не сердилась. Никогда она на внука не ворчала. Никогда она внука не наказывала. Никогда она на внука не жаловалась. Жить с ней было нетрудно и весело. Да и удобно!

Была, например, у нее с внуком секретная тайна, о которой знали только они вдвоем.

Один раз в месяц утром бабушка озабоченно говорила:

— Что-то у тебя лицо, милый внук, очень уж нехорошее. Видно, у тебя недомогание от переутомления. Лечить тебя надо.

Папа Юрий Анатольевич советовал немедленно вызвать «скорую помощь», мама — просто участкового врача, а бабушка успокаивала:

— Я его не хуже любого врача выхожу. Просто устал парень, да и простуду подхватил.

Едва закрывалась дверь за родителями, Толик прямо в постели вставал на голову, болтал в воздухе ногами, снова залезал под одеяло и ждал, когда бабушка начнет его угощать.

Болеть, если болеешь, неинтересно. Но болеть, если ты совершенно здоров, это очень замечательно!

— Конечно, мы поступаем не совсем честно,— говорила бабушка, подкладывая внуку оладью за оладьей, одну больше другой.— Но ведь ребенок — тоже человек и тоже нуждается в дополнительном отдыхе и усилен-

ном питании. Вот полежишь, наберешься сил и дальше будешь учиться.

Потом они с Толиком в шашки играли. И в этом они были друзья. Раз внук ей проиграет, два раза она ему сдается.

Вот как она внука любила! И, чувствуя, видимо, вред подобной любви, она иногда говаривала:

— Если я и балую тебя, то в меру.

Современные бабушки, как известно, очень отличаются от своих бабушек. В наше время выросло и сформировалось новое, отличное от предыдущих, поколение бабушек, которое можно условно назвать **т е л е в и з и о н н ы м**.

Телевидение сблизило бабушек и внуков, выработало у них общие интересы.

Бывало, папа с мамой давно уже спят, а Толик и Александра Петровна убавят звук у телевизора и — смотрят! Один раз, правда, их задержали, как говорится, на месте преступления. Это когда бабушка не выдержала и среди ночи криком потребовала у сборной СССР:

— ШАЙ-БУ! ШАЙ-БУ! ШАЙ-БУ!

Сборная СССР, естественно, уважила бабушку, но обе они, и сборная СССР и бабушка, на этом не успокоились: команда забросила еще одну шайбу, а бабушка торжествовала на всю квартиру:

— МО-ЛОД-ЦЫ! МО-ЛОД-ЦЫ!

Тут явился папа Юрий Анатольевич, и ночным болельщикам здорово попало.

Так вот они и жили, и все было хорошо до того самого момента, когда Толик пришел домой с пистолетом. Он вел себя неимоверно гордо. Если можно так выразиться, его прямо распирало от этой самой гордости.

Он и не подозревал, не мог подозревать, что в глубине души бабушка уже давненько сама побаливала шпионизмом! Она тщательно скрывала это от всех, даже от внука. Ей очень хотелось стать первой бабушкой в мире, которая отличится в борьбе со шпионами. Ведь по телевизору или в кино кто только их не ловит! Но еще ни разу ни одного шпиона не поймала ни одна бабушка!

И Александра Петровна не выдержала и спросила Толика, который гордо ел суп:

— Друзья мы с тобой или не друзья! Помогала я тебе всю жизнь или не помогала! Согласен ты со мной дальше дружить или не согласен!

Она намеревалась спросить об этом спокойно, деловито, но при первых же словах разволновалась и совершенно неожиданно начала всхлипывать.

— Да ты что! — небрежно спросил Толик. — Как девочка какая-нибудь! — И он снисходительно пообещал: — Ты у меня еще прославишься. Ты у меня самой знаменитой бабушкой будешь.

— Вот, вот, вот! — растирая по щекам слезы, воскликнула бабушка. — Ну как ты без меня шпиона поймашь! Мы же с тобой привыкли все делать вместе. Давай и шпионов вместе ловить! Это же будет замечательно: бабушка и ее любимый внук — герои!

Толик очень насмешливо усмехнулся, гордо доел суп и сказал:

— Да где же это видано! Да где же это слыхано! Никогда еще бабушки такими серьезными и опасными делами не занимались. У тебя ведь даже физической подготовки нет. А бегать быстро ты можешь! А ползать ты умеешь!

— Зачем мне физическая подготовка! Зачем мне быстро бегать! Бегать будешь ты. И физическая подготовка у тебя будет. Вот ползать я, пожалуй, попробую. Ты,

главное, пойми, что нельзя тебе меня бросать. Дружить мы с тобой должны до последнего дыхания.

— Давай котлету,— разрешил Толик.— Не волнуйся, что-нибудь придумаем. Ссориться нам с тобой не к чему.

— Всегда всем доказывала, что голова у тебя соображает замечательно! — растроганно сказала бабушка.— Ешь, ешь, сил набирайся! Считай, что шпион у нас с тобой в руках!

«Как бы не так! — насмешливо подумал Толик. — Не бабушкино это дело — иностранных агентов задерживать. Это наше дело, мужское. Тут смелость нужна, ловкость, зоркий глаз. А бабушкино дело — обеды варить, чтобы я сильным был».

Такая самоуверенность объяснялась не только тем, что у мальчика был пистолет. Толик был твердо убежден, что мечта его исполнится. Вот выйдет он на улицу, хорошенько посмотрит вокруг, в каждое лицо взглянется, и одно из этих лиц окажется шпионским! И тут останется одно: руки вверх! Ура!

— Ура! — закричал Толик. — Не уйти им от меня! Стреляю без промаха! Руки вверх!

— Красиво это у тебя получается,— одобрила бабушка,— не хуже, чем по телевизору показывают.

— По телевизору — это, бабушка, кино, понарошку все,— важно проговорил Толик,— а я настоящего шпиона по-настоящему поймаю. Жизнью рисковать своей буду.

— Вот уж этого бы я не делала,— сразу обеспокоилась бабушка. — Пусть он, шпион, жизнью своей рискует. Тебе-то зачем рисковать?

Ловко сунув пистолет в карман, Толик выбежал на улицу, радостно думая о том, что кто его знает, а вдруг, а может быть, именно сегодня он и задержит иностран-

ного агента! Ведь нашел же он сегодня пистолет! Ведь сбежал же он сегодня от тетеньки общественного контролера! И от бабушки ловко отделался!

Он резко остановился, обеспокоенный какой-то неожиданно пришедшей в голову мыслью, вернее, даже не мыслью, а ощущением тревоги. Откуда она, эта тревога, взялась! Вот когда совсем недавно он ел на кухне, ему казалось, что шпиона он встретит почти сразу, как выйдет из подъезда... А сейчас уверенность вдруг стала таять.

Мимо него проходили совершенно обыкновенные люди, нисколько не напоминавшие шпионов. Толик медленно шел, внимательно и подозрительно вглядываясь в каждое лицо, и с каждым шагом все меньше надеялся встретить агента иностранной разведки.

«Ой, какой же я недотепа! — вдруг радостно подумал Толик. — И зачем это шпиону ходить по улицам! А если даже он и тут где-то, то обнаружить его среди множества людей трудно. Надо идти куда-нибудь, где людей мало. И там шпион сразу бросится в глаза. Остальное — ерунда, Руки вверх! Пройдемте!»

Вспотевшей от волнения ладонью Толик сжимал в кармане оружие и ходил по скверу, внимательно смотря по сторонам и подозрительно вглядываясь в каждого прохожего. Устав, он присел на скамейку и увидел, что на песке нацарапано:

ЫХ = 000

«Это же номер иностранного агента! — радостно подумал Толик и даже затопал ногами от нетерпения. — Итак, ловим шпиона ЫХ-три нуля! ЫХ-три нуля! ЫХ-три нуля!»

Не знал Толик, что в это же самое время ловили и его самого, тоже считая его или агентом или хулиганом в желтой безрукавой майке!

А он лазал по кустам, ползал, чего-то высматривал, кого-то подтирауливал и вскрикивал:

— Руки вверх, ЫХ-три нуля! Руки вверх, ЫХ-три нуля!

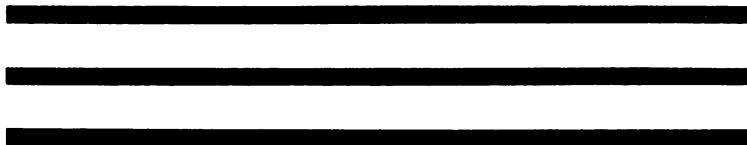
С каждой минутой азарт погони овладевал им все сильнее и сильнее. Толик вытащил пистолет, он прицеливался в стволы деревьев, в скамейки, в мусорные тумбы:

— Руки вверх, ЫХ-три нуля! Ни с места, ЫХ-три нуля!

Из-за поворота вышел дяденька с чемоданом в руке. Услышав приказание, он выронил чемодан и поднял руки вверх.

Толик хотел пробежать дальше, но от неожиданности не мог пошевелиться.

— Сдаюсь,— хрипло сказал дяденька, не сводя глаз с пистолета. — НЕ МОГУ БОЛЬШЕ. УСТАЛ. ВЕДИТЕ.

Г Л А В А № 13

„ВЫ ХОТЕЛИ ОТРАВИТЬ НАШ ГОРОД, А КАК ПОПАЛИСЬ,
ТАК СРАЗУ ЖИТЬ ЗАХОТЕЛИ“.

ЗНАМЕНИТЕЙШИЙ АГЕНТ
ШПИОНСКОЙ ОРГАНИЗА
ЦИИ «ТИГРЫ-ВЫДРЫ», ЗА
ШИФРОВАННЫЙ ПОД ИН
ДЕКСОМ ЫХ-000, ПО ИМЕ

ни Фонди-Монди-Дунди-Пэк, с паспортом на имя Ивана Ивановича Иванова, руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи», шел с поднятой вверх рукой, в другой держа чемодан, и бормотал:

— Все скажу. Всех выдам. Не могу больше. Устал. Надоело. Возраст не тот. Силы не те. Здоровье не то.

Это видел агент Мяу. От страха он остановился посередине улицы, нарушил правила уличного движения и, пока платил штраф милиционеру, потерял из виду странную пару: мужчина с поднятой вверх рукой и мальчик с пистолетом.

Это же видел и агент Бугемот. Хорошо, что на его голове была соломенная шляпа, и никто не заметил, как волосы под ней встали дыбом.

«Кеюк...— пронеслось в голове Бугемота.— Кеяк... каёк... Откуда они берут таких маленьких агентов!»

Еле-еле справившись со страхом, Бугемот, как полагалось по секретной инструкции, передал сообщение о случившемся в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров» и начал искать в эфире остатки диверсионной группы «Фрукты-овощи».

Первым отозвался Канареечка. Бугемот сообщил ему неприятнейшую новость, закончив ее словами:

— Теперь нам всем кеяк, кеюк или каёк. Выбирай любое. Прощай навеки.

Тут его и взяли.

Вторым попался Канареечка. При попытке ускользнуть он налетел на мусорную тумбу, ударился о нее головой, и тумба раскололась на две равные части.

Дольше всех ловили Мяу. Поймали.

И вот голубчики в полном составе, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи», теперь уже безопасная, сидела в кабинете полковника Егорова.

Он, улыбаясь, сказал:

— Наконец-то можете побеседовать в спокойной обстановке. Вопрос первый, над которым я давно ломаю голову. Почему Бугемот, а не Бегемот?

— Машинистка в приказе сделала опечатку. Сначала не заметили, а когда заметили, я уже по всем документам был Бугемотом,— мрачно объяснил агент.— Вот у меня вопрос к нашему руководителю, которого нам всегда ставили в пример. Я хочу узнать перед смертью: предатель ты или нет?

— Я всегда был предателем, как и вы все,— уклончиво ответил ЫХ-000.— Мне надоело шпионить. Мне надоело диверсионить. Все надоело. Я устал... Но в любом случае мы бы погорели. Здесь даже мальчишки ловят нашего брата.

— А что такое кеяк! — пропищал Канареечка, бережно ощупывая свою забинтованную голову.— Или кеюк? Или каёк!

— Не кеяк и не каёк, а каюк. Крышка.

— Ясно! — буркнул Бугемот.— Гражданин полковник, а нам сохраняют жизнь!

— Интересно вы рассуждаете,— усмехнулся полковник Егоров.— Вы хотели отравить наш город, а как попались, так сразу жить захотели.

— Жизнь... нам... ну... ни к чему,— зло промямлил Мяу.— Мне все равно, что со мной будет. Но предателем я не буду. От меня лично вы ничего не узнаете.

— Напрасно вы так! — сказал полковник Егоров.— Да, по нашим законам вам грозит самое тяжелое наказание. Но вы можете облегчить свою участь добровольным и полным раскаянием.

— А что бы вы хотели! — заискивающим тоном пропищал Канареечка.— Конкретно!

— Конкретно вот что. Я дам вам сейчас на размышление два часа. Один из вас должен вернуться в «Тигры-выдры» с нашим заданием.

— Полковник Шито-Крыто подвесит этого безумца к потолку за левую ногу! — воскликнул Мяу.

— Мы не такие дураки,— проворчал Бугемот.

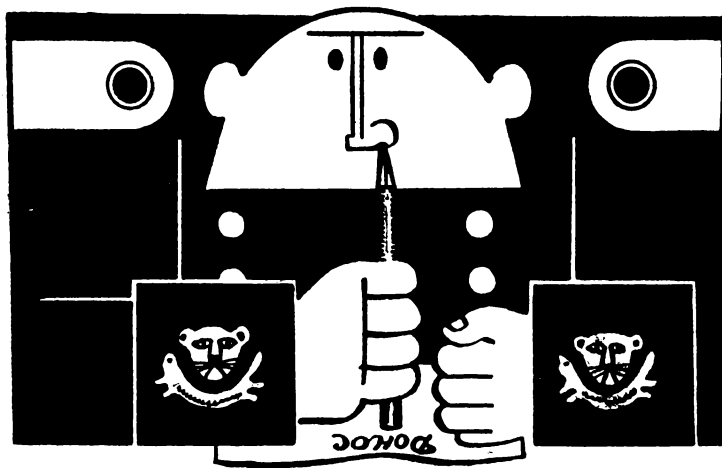
— Это в принципе нереально! — пропищал Канареечка.

БХ-000 ПРОМОЛЧАЛ.

Г Л А В А № 14

САМОДОНОС ГЕНЕРАЛА БАТОНА

И ВОТ ПОЛКОВНИК ШИ
ТО-КРЫТО УБЕДИЛСЯ, ЧТО
ДИВЕРСИОННАЯ ГРУППА
«ФРУКТЫ-ОВОЩИ», ПОД
ГОТОВЛЕННАЯ ЛИЧНО ИМ,

потерпела полный провал, такой провал, какого не знали все «Тигры-выдры» за все время своего существования.

Полковник Шито-Крыто, придя в себя, сел готовить доклад Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию.

А генерал Батон в редкие минуты бодрствования обдумывал очень серьезный вопрос. Ведь если он не свалит всю вину на полковника Шито-Крыто, то полковник Шито-Крыто свалит всю вину на него.

Тогда генерал Батон улыбнулся и сел за стол сваливать всю вину на своего подчиненного, то есть писать на него анонимный донос.

Он быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

САМОМУ ВЫСОКОМУ
САМОМУ ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЮ
АНОНИМНЫЙ ДОНОС НА ПОЛКОВНИКА
ШИТО-КРЫТО

И генерал Батон сразу почувствовал себя молодым, здоровым, умным, честным, смелым.

Чтобы донос получился правдивым и убедительным, надо на другого свалить свои собственные грехи. Донос должен быть обязательно анонимным (то есть без подписи). Тогда комиссия будет ломать голову не над тем, что сообщается в доносе, а над тем, кто же его сочинил, но рассердится на того, на кого и написан донос! Тут-то ему и несдобровать!

Потерев от удовольствия немытые руки, генерал Батон быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

**ПОЛКОВНИК ШИТО-КРЫТО
НЕ МОЕТ РУКИ ПЕРЕД ЕДОЙ,
НЕ ЧИСТИТ ЗУБЫ,
ИСКУССТВЕННЫЕ НЕ ВСТАВЛЯЕТ И ПОЭТОМУ
ПИТАЕТСЯ МАННОЙ КАШЕЙ И КИСЕЛЕМ,
ЧТОБЫ НЕ ЖЕВАТЬ. РОДНОЙ ОТЕЦ ЕГО —
ГЕНЕРАЛ В ОТСТАВКЕ, ВРЕДНЫЙ СТАРИК БА-
ТОН — СТАВИТ ЕГО В УГОЛ (ЭТО ГЕНЕРАЛА-
ТО!), КРОМЕ ТОГО, ОН, ТО ЕСТЬ ГЕНЕРАЛ
БАТОН, НАУЧИЛСЯ СПАТЬ С ОТКРЫТЫМИ
ГЛАЗАМИ ДАЖЕ НА СОБРАНИЯХ И ЗАСЕДА-**

НИЯХ. ГЕНЕРАЛ БАТОН ПО СУЩЕСТВУ, НЕ РУКОВОДИТ «ТИГРАМИ», ПОЭТОМУ ОПЕРАЦИЯ «ФРУКТЫ-ОВОЩИ»

И ПОТЕРПЕЛА

ПОЛНЫЙ

ПРОВАЛ.

К СЕМУ ...

Генерал Батон, увлекшись правдой, и не заметил, как написал донос на самого себя — самодонос!

Когда его с полковником Шито-Крыто вызвали к Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию, он и уснуть не успел, как услышал:

— За полное неумение писать доносы, глупость, лень и развал шпионско-диверсионной деятельности немедленно разжаловать генерала Батона в рядовые и направить на выполнение опаснейшего задания, чтобы хоть смертью своей он загладил вину перед командованием, которое на него очень сердито!

Вздохнув, бывший генерал Батон задремал и сквозь сон слышал отрывки речи полковника Шито-Крыто:

— Провал... полный провал... развал... полный развал... глупость... лень... не моет руки... не чистит зубы... позор... против гигиены... докатился до самодоноса... невиданная по своим масштабам операция «Братцы-тунеядцы»... особые полномочия... увеличение финансовых ассигнований... мои заслуги...

И чей-то голос:

— Генерал Шито-Крыто... генерала Шито-Крыто... Генералу Шито-Крыто... подготовить... доложить...

Тут бывший генерал, а отныне рядовой Батон проснулся.

— Приступить к подготовке плана операции «Братцы-туняядцы»!

— Есть приступить! Благодарю за доверие! — ответил генерал Шито-Крыто и приказал:— Рядовой Батон, за мной шагом марш!

К О Н Е Ц Т Р Е Т Ь Е Й Ч А С Т И

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой

**„тигры-
выдры“
превращают
ся в „гроб
и молнию“**

Г Л А В А № 15

**ТОЛИК ПРУТИКОВ ОПАСНО ЗАБОЛЕВАЕТ: СЧИТАЕТ СЕБЯ
ВЫДАЮЩИМСЯ ЧЕЛОВЕКОМ**

**БАБУШКА АЛЕКСАНДРА
ПЕТРОВНА ТВЕРДИЛА ОД
НО И ТО ЖЕ:**

**— И Я ШПИОНА ПОЙМАЮ.
ЕЩЕ КАКОГО! И ЕЩЕ КАК**

поймаю! У тебя-то все случайно получилось. А я подготавлиюсь. Все шпионские методы сначала изучу. Уж если внук иностранного агента задержал, то бабушка и двух-трех сможет обезвредить!

Толик в ответ насмешливо усмехался, очень снисходительно улыбался. Дружба его с бабушкой, можно сказать, кончилась, и оба они, представьте себе, не жалели об этом. Бабушка не жалела потому, что обиделась на внука, а внук не жалел потому, что был очарован собой, то есть зазнался.

Но еще никто пока не догадывался, что мальчик заболел опасной болезнью, которую и предсказывал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз.

Толик стал гордым и важным. Правда, он полагал, что

ему оказали слишком мало почестей. Его и в открытой машине через весь город не провезли, митинга на центральной площади в его честь не организовали, передачи по телевидению не сделали. Это он считал настоящим безобразием.

И все же Толик был глубоко убежден в том, что он может считаться выдающимся человеком, и знал, что ему следует делать. Он любовался собой, гордился собой, уважал себя, обожал, не узнавал друзей и знакомых.

— Привет, Толик! — радостно кричит, например, бросаясь к нему, одноклассник или даже сосед по парте. — Здравствуй, Толик!

Выдающийся человек долго смотрит на него, невыдающегося, недоуменно пожимает плечами, морщит лоб, спрашивает удивленно:

— Простите, а, собственно, действительно, кто вы, извините, такой?

Невыдающийся одноклассник, а может быть, даже сосед по парте, растерявшись, называет свою фамилию, имя, класс, где он учился с выдающимся человеком, а Толик опять недоуменно пожимает плечами, морщит лоб и очень озабоченно произносит:

— Что-то не припомню... Что-то не припомню... А когда мы вместе учились? До того, как я смело и отважно поймал шпиона, или после того, как я отважно и смело задержал шпиона?

— До того! До того! Потому что после этого мы еще не учились. Каникулы потому что у нас летние. Ты тогда нормальным был. Помнишь, ты у меня на контрольных всегда списывал?

— Что-то не припомню... Нет, нет, никак не припомню, извините!

И выдающийся человек гордо шествует дальше, высоко задрав нос, а невыдающийся его одноклассник, а

может быть, даже и сосед по парте, с уважением и обидой смотрит ему вслед.

Но долго считаться выдающимся человеком трудно. Стать им еще кое-кому удается, но вот удержать за собой это звание удается далеко не всем.

Ну хорошо, ты помог однажды поймать шпиона. Прекрасно. Замечательно. Молодец. Ну, а дальше! Так и будешь ходить всю жизнь, задрав нос, не узнавая друзей и знакомых! Один раз сделал доброе дело и считаешь, что больше от тебя ничего и не требуется!

Нет, так в жизни быть не должно, хотя и бывает. Любовались Толиком, любовались, гордились Толиком, гордились, уважали Толика, уважали, да и перестали. Другие выдающиеся люди вокруг появились. Влас Аборкин упал с балкона второго этажа и не разбился. Мишку Давыдова одна собака искусала, а ему двадцать уколов против бешенства сделали, и он ни разу не пикнул! Петр Пузырьков спас девочку, которая среди бела дня чуть в фонтане не утонула. У мальчишек слава на весь город, а они, в отличие от Толика Прутикова, ни о каких почестях не мечтают, просто продолжают жить дальше, как люди живут.

Стал Толик бывшим выдающимся человеком. Шпиона он больше поймать не мог, со второго этажа падать было страшновато, собак он тоже побаивался, и в фонтане больше никто тонуть не собирался.

А Толику и невдомек, что быть обыкновенным хорошим мальчишкой совсем неплохо, да и не так уж легко.

Нет, он по-прежнему шествовал по улицам важный и гордый, никого из друзей и знакомых не узнавал, не замечал даже и того, что никто уже не обращал на него никакого внимания.

Но чем меньше на него обращали внимания, тем сильнее ощущал он себя выдающимся. Дело дошло до того, что с каждым днем он становился все толще и толще. Но толстел он не оттого, что много ел.

Толстел он, так сказать, от важности и гордости: ему приходилось пыжиться, и вместе с важностью и гордостью в организм проникало много воздуха. Толика так распирало, что бабушка почти каждый день переставляла ему пуговицы на одежде, а затем пришлось и одежду новую покупать.

Александра Петровна сокрушалась:

— С чего это тебя развозит!

Внук не отвечал. Он вообще ни с кем почти не разговаривал. Он все время думал о себе самом. И чем больше он думал о себе самом, тем больше любил самого себя. Он уже не мог жить без себя, часто подходил к зеркалу и долго не мог оторвать глаз от своего отображения.

«Какой же я все-таки выдающийся! — ласково думал он, самовлюбленно вздыхая. — Я самый смелый и уж тем более самый мужественный. Видимо, самый умный. Недаром мне все завидуют. Да если бы я захотел, то вернулся бы не со второго этажа, как Влас Аборкин, а хоть с девятого! Пусть падают на асфальт те, кому больше выделиться нечем. Пусть их собаки кусают, пусть им хоть по сто уколов делают, пусть они из фонтанов утопленников хоть каждый день по десять штук вытаскивают!.. А самый выдающийся — это все-таки я один! Да здравствую я! Ура!»

Увы, никто не восхищался им, и настало время, когда он так раздулся, что в ненастную погоду остерегался выходить на улицу, чтобы его не унесло ветром, как надувной шар.

— По-моему, он свихнулся, — сказала однажды ба-

бушка, — надо бы его опять сводить к психоневропатологу.

— Какая ты стала неумная. — Толик снисходительно усмехнулся. — Я просто выдающийся человек, а ты от зависти мне этого простить не можешь.

— Марш в угол, грубиян! — очень громко и очень рассерженно крикнул папа Юрий Анатольевич. — И не смей выходить оттуда, пока...

— Станный ты, папа, — недоуменно перебил его Толик. — Где ты слышал, скажи, пожалуйста, чтобы выдающихся людей ставили в угол!

— Зато я слышал о том, что иных выдающихся людей давным-давно пора выпороть!

— Мне стыдно за вас всех, — устало и с сожалением произнес Толик. — Вам бы радоваться за меня, а вы... — Он махнул рукой.

— Говорю я вам, что рехнулся парень! — авторитетно заявила бабушка.

— Какой ужас... — прошептала мама. — Два человека не могут справиться с воспитанием одного ребенка!.. У всех дети как дети, а у нас... кошмар! Я учительница, все мои силы уходят на воспитание чужих детей, а мое собственное чадо... кошмар!

— Смешно и грустно, — озабоченно сказал Толик и посоветовал: — Вы должны мной гордиться. Вы не должны сводить с меня восхищенных глаз. Вы должны обождать меня, умиляться мной. В этом ваше счастье.

Призадумались бедные родители и бабушка, пригорюнились. С очень огромной тоской вспоминали они те незабываемые дни, когда их Толик был обыкновенным ребенком.

А как-то ночью случилось такое немыслимое событие, что вся семья едва не угодила в больницу.

Часа в три ночи бабушка проснулась, потому что за-

хотела пить. Она встала, сунула ноги в шлепанцы и случайно глянула на кровать, где спал внук.

Но вместо раздутого, шарообразного Толика, каким она уже привыкла его видеть в последнее время, лежал кто-то другой — худенький, совершенно нормальный мальчик.

Бабушка подошла поближе и вскрикнула. Перед ней лежал не кто-то другой, а именно ее внук Толик, но именно такой, каким он был до того, как раздулся от гордости.

— На помощь! — позвала бабушка. — Спасите! Помогите! — Она включила свет, взглянула на внука и крикнула еще громче: — Караул! Толенька, Толенька, ты ли это! — спрашивала она, плача от счастья и тормоша внука.

В комнату вбежали родители, застыли, изумленные и обрадованные.

Толик проснулся, сел, улыбнулся нормальной улыбкой, какой улыбался когда-то, но потом, видимо, вспомнил, что он выдающийся, нехорошо, с презрением к окружающим усмехнулся и стал быстро толстеть-надуваться.

Примерно за три с половиной минуты он достиг прежних размеров и спросил:

— Пришли полюбоваться мной! Молодцы. Любуйтесь. Вам это должно быть очень приятно.

Бабушка охнула, покачнулась, схватилась за сердце и упала в обморок. Не успел папа Юрий Анатольевич поймать ее в воздухе и уложить, как мама тоже охнула, тоже покачнулась, тоже схватилась за сердце и тоже упала в обморок — прямо на руки Юрию Анатольевичу.

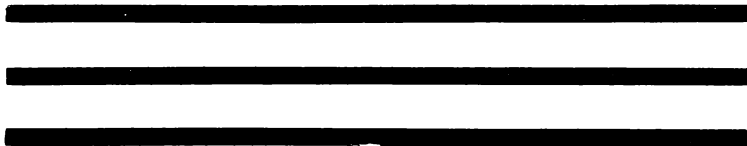
— Это они от восторга, — объяснил Толик.

— С ума сойти можно, — сказал папа. — Можно... Можно сойти с ума...

— Не надо сходить с ума! — приказала, очнувшись, бабушка. — В больницу сходить надо! А то еще, чего доброго, лопнет!

Толик задремал и на глазах у всех — вконец перепуганных родителей и бабушки — начал быстро худеть. Ведь во сне-то он забывал, что является выдающимся

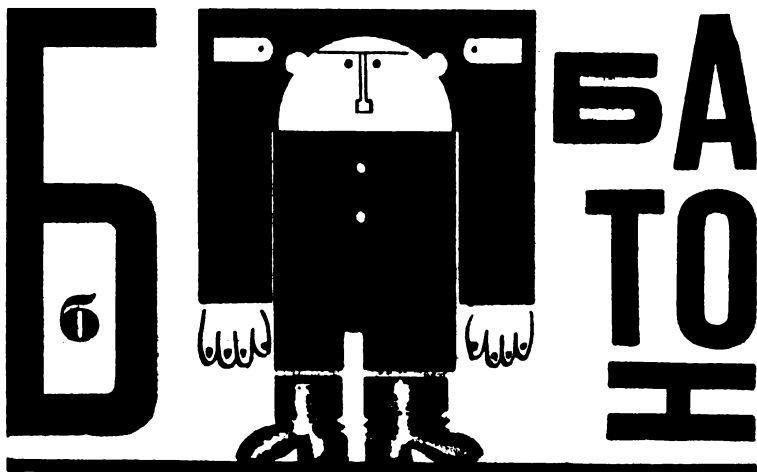
ЧЕЛОВЕКОМ!

Г Л А В А № 16

**ШПИОНЧИК № 14 — ЛУЧШИЙ ИЗ ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ
ШТУК — НЕНАВИДИТ РЯДОВОГО БАТОНА, НО НАЗНАЧАЕТ-
СЯ С НИМ НА ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ**

**БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ, А НЫ
НЕ РЯДОВОЙ БАТОН РА
БОТАЛ НА ПЛОЩАДКЕ
МОЛОДНЯКА, СЛЕДИЛ
ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ДЕ**

журными за отрядом шпиончиков.

Даже когда он был генералом, он и то боялся сюда заглядывать: шпиончики слушались только плетки и полковника Шито-Крыто, а его, генерала, могли и обозвать как угодно, а если зазеваешься, то и ущипнуть.

А уж бывшему генералу они норовили сделать любую гадость — успевай отпрыгивать!

Шпиончики содержались в клетках из железных прутьев. Клетки стояли прямо на земле и никогда не чистились. С гигиеной тут дело было совсем неважно.

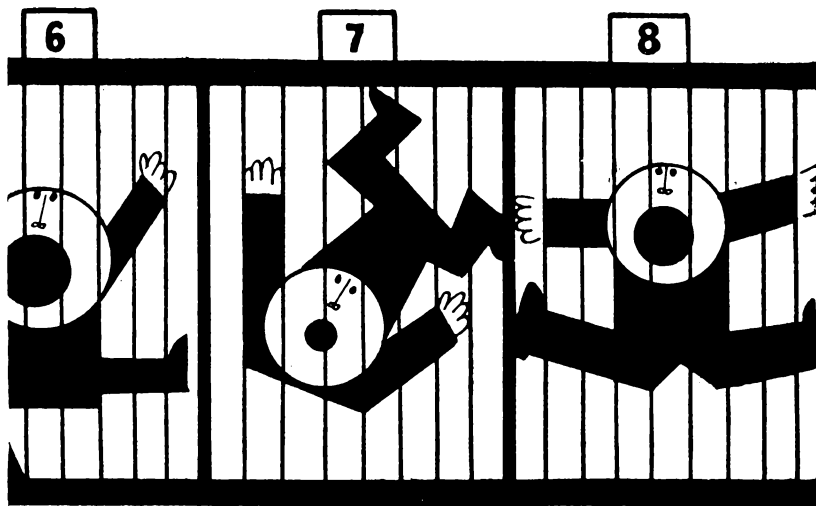
Целыми днями шпиончики дразнились, ругались, ссорились, ни минутки не молчали, ни минутки не сидели на месте: перевортывались через голову, ползали, бегали на четвереньках, раскачивались на руках, прыгали.

Кормили их раз в сутки непроваренной холодной кашей без масла, то недосоленной, то пересоленной, и когда разносили пищу, голодные шпиончики поднимали невообразимый писк-рев-вой-визг.

Пить им давали только один раз в сутки — по стакану тухлой воды из болота.

Имен у шпиончиков не было, они просто значились под номерами — двадцать восемь штук. А перед началом учебы в первом классе шпионской школы им давали клички, которые впоследствии становились фамилиями.

Пока же их учили только драться и ничему больше не учили. Дрались шпиончики два раза в день, а по субботам и воскресеньям — три раза.

Делалось это так. С клеток снимались висячие замки, и дежурный офицер с пистолетом в руке командовал:

— Приготовиться к драке!

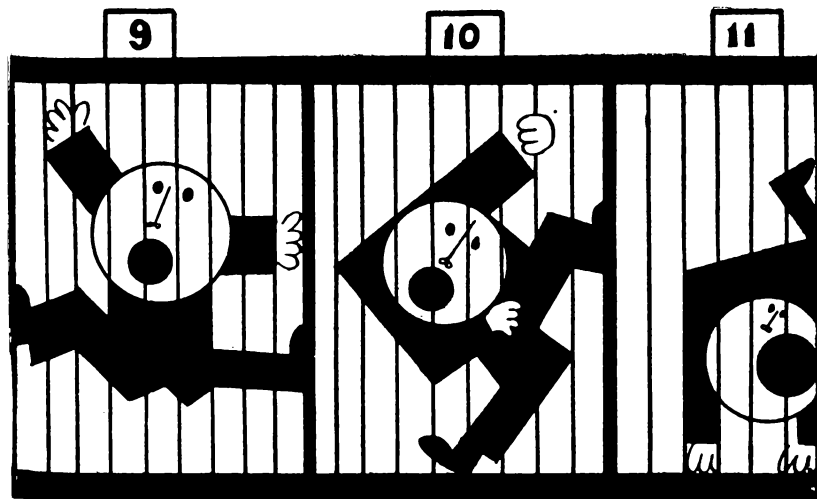
От нетерпения шпиончики начинали скулить, вцепившись руками и ногами в прутья. Не выдержав напряжения, шпиончики начинали трястись и рычать.

Звучала команда:

— Еще раз приготовиться к драке, да — смотри у меня!

Тут уж поднимался такой вой-визг-рев-лязг-стук-грохот, что дежурный офицер на выдерживал и стрелял из пистолета в воздух.

Шпиончики мигом выскакивали из клеток и в страш-

ной злобе бросались друг на друга. Вот дрались они молча — яростно, стиснув зубы, не издавая ни звука. И это была не какая-там-нибудь потасовка вроде бы на школьном дворе в большую перемену, а самая серьезнейшая, опаснейшая драка. Тут противника надо было исколошматить так, чтобы он ни рукой, ни ногой пошевелить не мог, а после этого затащить его в клетку и закрыть на всякий замок.

Когда четырнадцать штук шпиончиков оказывались в клетках, то остальным четырнадцати, победителям, выдавали по стакану тухлой воды из болота на каждого.

Жадно проглотив воду, которая казалась им слаще родниковой, шпиончики без команды снова бросались в драку, еще более ожесточенную. И семь штук оказывались запертыми в клетки, а другие семь получали по стакану водопроводной воды на каждого, которая казалась им слаще морса.

Дежурный офицер разрешал им немного отдышаться и командовал:

— К настоящей драке подготовиться, да — смотри у меня!

Шпиончики медленно сходились в круг, замирали.

Раздавался выстрел из пистолета, и они хватали друг друга кто за что и кто чем, тянули и дергали.

Из всех сил!

Слышалось только учащенное дыхание да изредка рычание. Достаточно было кому-нибудь хотя бы пискнуть от боли, как дежурный офицер тут же оттаскивал несчастного в сторону, а дежурные солдаты закрывали беднягу в клетку.

И, наконец, оставалось только двое шпиончиков, искусанных, исцарапанных, исщипанных.

— Прекратить настоящую драку! — командовал дежурный офицер.

Победители получали по большому куску черного хлеба, сглатывали его и, тяжело дыша, ждали последней команды.

Дежурный офицер приказывал:

— Гони противника в яму, душа из тебя вон!

И стрелял из пистолета.

Два шпиончика подскакивали к глубокой яме, на дне которой была очень грязная и очень холодная вода. Победенный должен был пробыть в яме шесть часов шесть минут. Если же в яму падали оба шпиончика, их оттуда вылавливали, и драка возобновлялась.

Победителю выдавали полусырую котлету и бутылку фруктовки. Затем он совершал почетный обход клеток, во время которого мог дернуть каждого шпиончика за ухо или нос.

Вот так воспитывал свои подрастающие кадры полковник, а теперь уже генерал Шито-Крыто.

Его шпиончики не боялись ни голода, ни холода, ни болезней. Они росли злыми и хитрыми, сильными и выносливыми, закаленными и бесстрашными.

В десять лет их из клеток переводили в казарму и начинали готовить к шпионско-диверсионной работе.

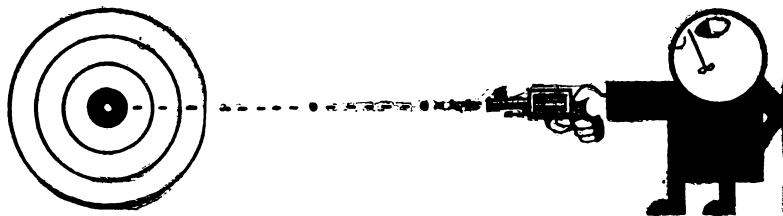
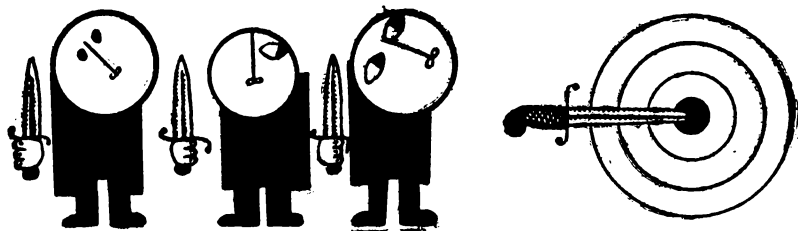
Учили шпиончиков здорово, и они учились здорово. В одиннадцать лет они умели управлять автомобилем, мотоциклом, вертолетом, прыгали с парашютом, метко стреляли, владели любым оружием, знали радиodelo и несколько языков.

Поэтому работа на площадке молодняка оказалась для рядового Батона далеко не из легких. Дело в том, что за побег из клетки шпиончику полагалась луковица и стакан минеральной воды. А если учесть, что молодняка держали впроголодь, а в сутки, как вы помните, давали стакан тухлой воды из болота, то шпиончики дни и ночи только о том и думали, чтобы выбраться из клетки.

В первое же дежурство рядовой Батон оскандалил-ся: из клетки совершенно непонятным образом улизнул № 14. Правда, он считался лучшим из двадцати восьми штук и был, конечно, ловчее и хитрее новоиспеченного рядового.

Надо учесть и то, что № 14 — единственная девочка среди шпиончиков, любимца самого генерала Шито-Крыто. Когда ему доложили о ее побеге, он крикнул от удовольствия, приказал:

— Выдать номеру четырнадцать лишний стакан мине-

ральной воды! Если еще раз сбежит, да еще в дежурство Батона, получит бутылку фруктовок!

С этого случая рядовой Батон возненавидел шпиончика № 14 всеми силами своей рядовой, бывшей генеральской души. А № 14 только и ждала, как бы ему напакоstitь. И хотя он не спускал с ее клетки глаз, № 14 улизнула и во второй раз!

Она скакала по площадке и кричала:

— Мне фруктовка, Батону клетка! Батону клетка, мне фруктовка!

По инструкции дежурный, проглядевший два побега, сам залезал в клетку на неделю и получал питание наравне с молодняком. Каково же было пожилому, толстому, не очень здоровому человеку, да еще бывшему генералу, сидеть в маленькой клетке на голой земле и увертываться от соседей-шпиончиков, которые его пинали и кусали! Да и вообще, стыдно сказать, чего они только с ним, бедным, ни делали!

Он даже несколько раз всплакнул, схватившись руками за голову, которая была ни на что не похожа.

Но ничего не поделаешь — отсидел неделю, только поседел. Сидел, сидел и поседел. Это были самые кошмарные дни в жизни Батона. Ведь у клеток нет ни крыш, ни стенок, ни пола. Сверху лили дожди, с боков продували ветры, снизу несло холодом. Рядовой Батон загрипповал, просил лекарства — не дали: нельзя, не положено по инструкции. Еле-еле он выжил, и если бы не злость на № 14 и генерала Шито-Крыто, мог бы и помереть. Как говорится, запросто. Только злость и согревала его и подерживала в больном организме жизнь.

Как сумела № 14 открыть замок!! Этот вопрос раскаленной иглой застрял в мозгу рядового Батона. Ведь если он еще хоть раз попадет в клетку, то живым из нее уже не выползет.

Горестно размышляя о своей столь нелепой и столь тяжелой судьбе, рядовой Батон лежал на жесткой койке в солдатской казарме и с блаженством вспоминал свою генеральскую постель. Восемь матрацев на ней было, девятнадцать подушек (и все в наволочках), шесть одеял с пододеяльниками!

Домой его, увы, не пускали родители.

— Пока снова не дослужишься до генерала, — грозно сказал папа, — можешь домой не приходить!

— Мне очень стыдно за тебя! — гневно сказала мама. — Узнав, что ты теперь — фи! — рядовой, с нами перестали здороваться даже ближайшие родственники. Не смей показываться мне на мои материнские глаза, пока снова не станешь — ах! — генералом!

А жизнь рядового Батону показалась издевательством: солдатская каша-то твердая, ее жевать надо, а жевать-то ему было нечем! Ужас! И если бы рядовой Батон не надеялся вновь дослужиться до генерала, то он и жить бы больше не стал ни одной минуты.

Вот приговорили его еще и к опасному заданию... Никакой жалости к пожилому человеку! Эх, скажите спасибо, что он доносы писать разучился, а то бы вы у него еще попрыгали, как зайцы на горячей сковородке! Да вот беда: как начнет он писать донос, так обязательно на самого себя настрочит! Разучился. Дисквалифицировался.

Не успел он толком отдохнуть от сидения в клетке, а его уже вызвали к начальству. Генерал Шито-Крыто спросил довольно любезно:

— Жив еще, бывший бездельник!

— Пока жив. Но если еще раз попаду в клетку, то живым оттуда уже не выйду. Зачем ты так мучаешь меня!

— Потому что я тебя презираю, — объяснил генерал

Шито-Крыто. — Я к тебе еще по-божески отношусь. А мог бы и за левую ногу к потолку подвесить. Или в карцер с крысами посадить. Но я добрый. Вот придумал для тебя несложное задание. — И он приказал в микрофон: — Младшего сержанта Стрекозу ко мне!.. Ты поху-дел, это очень хорошо. Надо полагать, и поумнел немного!

Открылась дверь, вошла девочка в военной форме с погонами младшего сержанта и отрапортовала:

— Младший сержант Стрекоза по вашему приказанию, шеф.

Рядовой Батон вынужден был встать и приветствовать младшего сержанта, хотя в его рядовом, бывшем генеральском сердце kloкотала злоба. Ведь младший сержант Стрекоза оказалась не кем-нибудь, а № 14!

— Вы ненавидите друг друга, — весело сказал генерал Шито-Крыто, — поэтому посылаю вас на задание вместе. Вы будете так внимательно следить друг за другом, что возможность предательства исключена. Ответственным за операцию назначаю младшего сержанта Стрекозу.

— Слушаюсь, шеф!

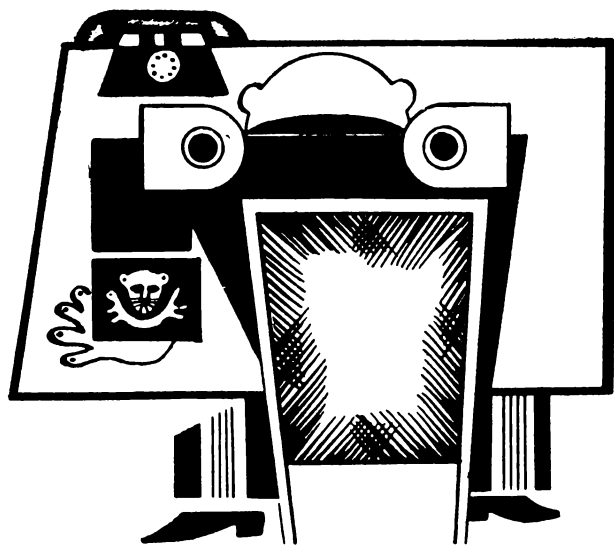
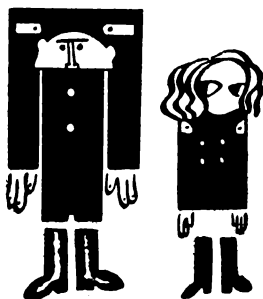
— Вы расследуете причины провала операции «Фрукты-овощи». Батон, можешь убираться, подожди ее в приемной.

Когда дверь за ним закрылась, генерал Шито-Крыто продолжал:

— Сделай так, чтобы старый хрыч сюда не вернулся. Уничтожишь БХ-три нуля и Толика Прутикова. Сама не рискуй, подсовывай старика. Сейчас же отправляйтесь на подготовку. Консультанты ждут вас в девятьсот девяносто девятом кабинете.

— Все будет исполнено, шеф!

— Не сомневаюсь.

И началось! Для выполнения задания Стрекозу и Муравья (такую кличку получил рядовой Батон) готовили тридцать восемь консультантов.

Агента Стрекозу звали внучкой Ниночкой, а Муравья — ее дедушкой Николаем Степановичем. Фамилию им дали Уткины.

Внучка и дедушка жили в одной комнате. Просыпаясь, Ниночка говорила:

— Доброе утро, милый дедушка!

«Чтоб тебе пусто было!» — думал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович отвечал:

— Здравствуй, здравствуй, внученька!

— Как спалось, милый дедушка!

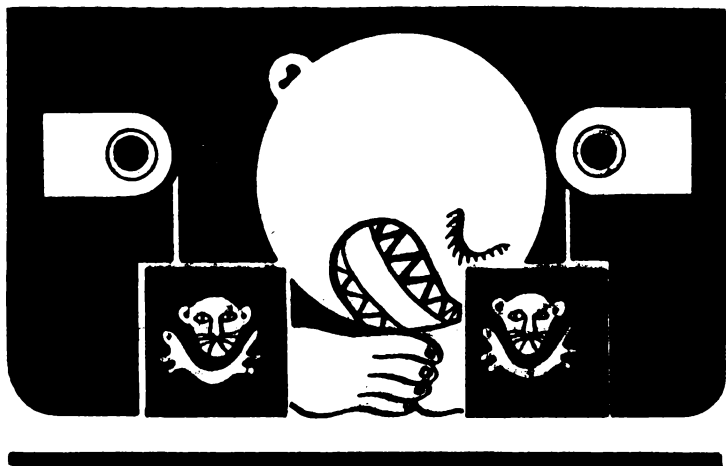
— Замечательно, Ниночка.

На самом же деле он не спал почти всю ночь, потому что так выспался в бытность свою генералом, что в сне уже практически не нуждался.

Г Л А В А № 17

**ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО ПРЕВРАЩАЕТ „ТИГРОВ-ВЫДРОВ“
В „ГРОБ И МОЛНИЮ“, ОТДАЕТ ПРИКАЗ О ПОДГОТОВКЕ
ПЛАНА ОПЕРАЦИИ „БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ“**

**А ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО
НЕ СПАЛ ТРИНАДЦАТЬ СУ
ТОК ПОДРЯД И НИКОМУ
СПАТЬ НЕ ДАВАЛ. ЕГО СО
ТРУДНИКИ ВАЛИЛИСЬ С**

ног от усталости, дремали на ходу и уже ничего не сообщали.

— Перерыв! — приказал генерал Шито-Крыто и сразу захрапел тут же, в кресле, не успев закрыть рот.

Сотрудники попадали кто куда — где их застал приказ. Офицер Лахит заснул, стоя в дверях.

С того самого дня, когда полковник Шито-Крыто проскочил в генералы, в главном штабе «Тигров-выдров» царила потрясающая кутерьма, напоминавшая временами лихорадку. Шестнадцать машинисток-лейтенанток, не переставая, печатали приказ за приказом, отделы переезжали из кабинета в кабинет, начальники становились подчиненными, подчиненные превращались в начальников, одних сотрудников увольняли, других оформляли на их

место — и никто толком не знал, что же затеял новый генерал.

Известно было только одно: организация «Тигры-выдры» скоро приступит к разработке самой невиданной за всю историю всего человечества операции «Братцы-тунейдцы». Своей масштабностью, подлостью и жестокостью эта операция потрясет мир.

Проснувшись через трое суток, генерал Шито-Крыто по сигналу боевой тревоги собрал всех сотрудников и шпионов в огромном зале, окинул аудиторию таким пронзительным взглядом, что каждому показалось, будто новый начальник именно ему заглянул в глаза, а через них — прямо в душу.

И все мелко затряслись.

— Слушайте меня с предельным вниманием, — негромко приказал генерал Шито-Крыто, но стояла такая тишина, что каждому показалось: это именно ему в ухо кричит новый шеф. — «Тигры-выдры» закончили свое существование. Я создаю принципиально новую организацию под названием «Гроб и молния». Ей предстоит под моим руководством и при вашем участии подготовить и выполнить грандиознейшую операцию «Братцы-тунейдцы». Весь мир содрогнется от страха. По сравнению с этой операцией даже большая война — пустяк. Мы медленно, не торопясь, но неуклонно приведем человечество к полному вырождению. С нашей планеты мы отправимся на другие миры и там учиним такое же безобразие. Пусть расцветают все науки, пусть развиваются техника, литература и искусство, пусть люди трудятся в поте лица своего, а мы используем все их достижения для достижения их же гибели! Мы первыми в мире воспользуемся для достижения наших подлых целей детской ленью!

В огромных окнах мелко дрожали стекла.

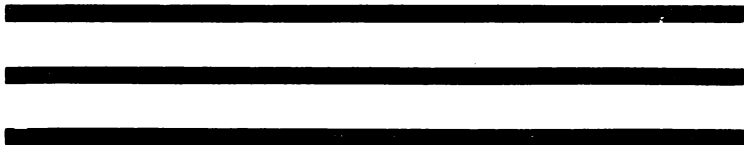
Это оттого, что дрожали стены.

А стены дрожали потому, что дрожал цементный пол.

А цементный пол дрожал оттого, что тряслись все сотрудники и шпионы.

— Перестаньте трястись! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я знаю, что среди вас есть несколько трусов и один добрый. Ни тем, ни ему у меня не место! Мне нужны самые негодяйные негодяи, самые мерзавочные мерзавцы, самые подлые подлецы! Остальные вон, пока не поздно! Вас ждут большие награды, немалые деньги, высокие чины, но за малейшую оплошность подвешу к потолку за левую ногу! Разойдись моментально!

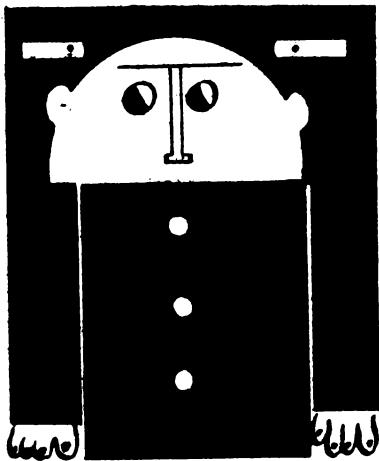
Надо ли говорить о том, что шпионы не просто моментально разошлись или убежали. Они улетучились. Вот до чего они боялись своего грозного начальника.

Г Л А В А № 18

**СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ ГОТОВЯТСЯ БЫТЬ ВНУЧКОЙ НИ-
НОЧКОЙ И ДЕДУШКОЙ НИКОЛАЕМ СТЕПАНОВИЧЕМ ПО
ФАМИЛИИ УТКИНЫ**

**ВЕРНУВШИСЬ ПОСЛЕ РЕЧИ
ГЕНЕРАЛА ШИТО-КРЫТО В
СВОЮ КОМНАТУ, ВНУЧКА
НИНОЧКА СПРОСИЛА:
— ЧЕМ ЗАЙМЕМСЯ. МИ**

мый дедушка!

— Подожди ты! — огрызнулся рядовой Батон. — У меня все еще поджилки трясутся.

— Потому что ты старый, трусливый и глупый, — сказала Стрекоза. — Вам предложили крупное дело, а вы затряслись. Хлюпики! Настоящие шпионы растут только у нас, на площадке молодняка.

— Да, мерзавчики там что надо, — согласился Муравей. — Что это за операция «Братцы-тунеядцы»? При чем здесь дети!

— Никто пока не знает и долго еще не узнает. Каждый будет делать свое дело, а общий замысел только в голове шефа... Милый дедушка, расскажи мне, пожалуйста, сказочку!

— С удовольствием, внученька. Слушай. Жил-был у бабушки серенький козлик...

— Серенький козлик! Серенький козлик! — зло передрезала Стрекоза.— Заладил одно и то же! Ты должен был выучить десять сказок! В карцер захотел, апиштофитель! (ругательство).

— Тебя бы в карцер, да с крысами! — проворчал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович сказал: — Не сердись на меня, внученька Ниночка. С памятью у меня плохо. Склерозик. Старенький ведь я.

— И нисколько ты, дедушка, у меня не старенький, — ласково сказала внучка Ниночка.— Только ты у меня немножечко ленивенький. Ну-ка, вспомни какую-нибудь интересную сказочку для любимой внученьки Ниночки.

Когда наступила ночь, дедушка Николай Степанович Уткин уснул, агент Муравей притворился, что спит, а бывший генерал Батон горестно размышлял: «Почему же я такой несчастный! На старости лет разжаловали меня в рядовые. Родители меня из дома выгнали. Посылают меня на опаснейшее задание, смысла которого я не знаю. Командует мной, стыдно сказать, девчонка... А не сбежать ли мне сейчас из шпионов! А что! Убегу-ка я, пожалуйста...»

— Руки вверх! — Стрекоза с пистолетом в руках вскочила на постели.— Почему не спишь? Что задумал! Смотри у меня! Засажу тебя в карцер с крысами! Отгрызут они тебе нос или ухо!

— А ты не забывай, что я все-таки генерал! — обиделся рядовой Батон.— Бывший, но генерал! И я не позволю...

— Лежать! Закрывать глаза!.. Вот так. Спокойной ночи, милый дедушка.

— Приятных сновидений, внученька,— ответил дедушка Николай Степанович Уткин и уснул.

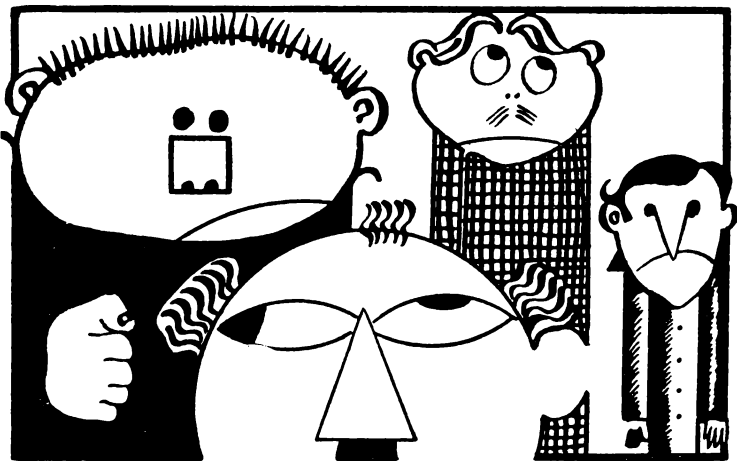
Уснул и агент Муравей. А рядовой Батон увидел замечательный сон: взял он младшего сержанта Стрекозу за оба уха, поднял в воздух и стал раскачивать. Агент Стрекоза вопит, как коза... А рядовой Батон уши ей еще и выворачивает, выворачивает, выворачивает, выворачивает... Всю бы ночь смотрел он этот восхитительный сон и не просыпался...

Г Л А В А № 19

„ДАВАЙТЕ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ В РАМКАХ ПОДЛОСТИ“, —

ПРЕДЛАГАЕТ АГЕНТ БУГЕМОТ ПОЛКОВНИКУ ЕГОРОВУ

**СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ДИ
ВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ
«ФРУКТЫ-ОВОЩИ» ПРО
ДОЛЖАЛОСЬ. АГЕНТЫ НИ
ЧЕГО НЕ СКРЫВАЛИ. НИЧЕ**

го не пытались утаить, потому что не было в этом никакого смысла: БХ-000 выдал все, а знал он больше всех.

Мечтать о возвращении домой тоже не имело никакого смысла. Если бы даже их и выпустили на свободу, то Шито-Крыто на всякий случай все равно бы подвесил всех к потолку за левую ногу.

Каждому из агентов полковник Егоров предлагал вернуться в «Тигры-выдры» с новым, полковника Егорова заданием. Шпионы отказались наотрез: страшно, опасно, ужасно, бессмысленно. Уж лучше здесь получить по заслугам, чем дома — зря. (В скобках замечу, что в услугах Бугемота, Канареечки и Мяу полковник Егоров не нуждался, у него была другая цель, о которой вы со временем узнаете.)

Однажды полковник Егоров неожиданно вызвал шпионов к себе в кабинет и сказал:

— Прелюбопытнейшие известия. «Тигры-выдры» больше не существуют. Появилась новая организация под названием «Гроб и молния». Генерал Батон разжалован в рядовые. Начальником «Гроба и молнии» назначен генерал Шито-Крыто. Прошу вас прокомментировать эти известия.

Агенты, как говорится, обалдели. Они в изумлении таращили друг на друга глаза, пожимали плечами.

Один ЫХ-000 оставался невозмутимым. Он сказал:

— Всего этого вполне можно было ожидать. Шито-Крыто фактически уже давно был руководителем «Тигров-выдров». Он только ждал удобного случая, чтобы разделиться с Батоном и отделаться от него.

— Этого никак нельзя было ожидать! — пропищал Канареечка. — Разжаловать должны были полковника Шито-Крыто. Ведь непосредственно он отвечал за нашу диверсионную операцию!

— Во всяком случае, — мрачно проговорил Бугемот, — нам от этого ни жарко ни холодно.

— Последние годы Батон был глуп и ленив, — сказал ЫХ-000. — А глуп он был потому, что ленился думать. Он почти все время спал или дремал. Не чистил зубы. Не мыл рук перед едой.

— Тогда почему же ваше командование доверяло ему? — удивился полковник Егоров.

— А он любил и умел писать доносы, — ответил Мяу. — Он всегда на всех писал доносы.

— Доносов было так много, — добавил Канареечка, — что одновременно работало по семь-восемь-девять комиссий. А господин генерал Батон все кляузничал и кляузничал не переставая. Комиссии не успевали проверять его анонимные доносы. Так и шли годы.

— Дурак был наш генерал — и точка, — мрачно сказал Бугемот. — Меня все время Носорогом называл, хотя всем известно, что я Бугемот по всем документам.

— Что из себя представляет новый генерал!

— Замечательный человек! — восторженно пропищал Канареечка. — Такого мерзавца я еще не встречал! Мерзавца, конечно, в хорошем смысле этого слова.

— У вас с ним будет много хлопот, — проговорил БХ-000. — Он человек большой идеи. Он мечтал предать всех людей. Подготовке к этому он посвятил всю свою жизнь. Учтите, что он заочно окончил семь институтов и два факультета двух университетов. И генералом его, видимо, назначили потому, что он предложил план новой операции, который понравится Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию. Он давно мечтает о какой-то невиданной операции, но никого не посвящает в свои замыслы.

— Мы узнаем, — сказал полковник Егоров.

— Вряд ли вы сумеете сделать это своевременно. Генерал Шито-Крыто — это вам не генерал Батон. Наш новый шеф, по-моему, выдающаяся личность. В своем роде, может быть, даже и гениальная. Все время трудится. Он считает, что людям свойственна лень и победить их можно только тогда, когда работаешь не по-человечески много.

— Мда... — с неопределенной интонацией произнес полковник Егоров. — Почти все ясно. Ну что ж, если генерал Шито-Крыто решил предать всех людей, то мы постараемся спасти их. Я еще раз предлагаю вам сотрудничать у нас. Согласие хотя бы одного из вас значительно облегчит участь всех.

— Интересно получится, — мрачно пробормотал Бугемот. — Я буду рисковать своей шкурой, а предателю БХ-три нуля будет смягчена участь.

— Нам необходимо как можно быстрее узнать план новой операции «Гроба и молнии», — ответил полковник Егоров, внимательно наблюдая за ЫХ-000. — Мы начинаем догадываться, что новая операция грозит нам большой бедой. Неужели ни один из вас не хочет помочь людям!

— Мы этому не обучены, — признался Мян.

— Зато мы способны на подлость, — мрачно проговорил Бугемот. — Давайте вести переговоры в рамках подлости. Вопрос поставим так: сделать подлость генералу Шито-Крыто.

— А где гарантия, что вы и нас в рамках подлости не предадите! — усмехаясь, спросил полковник Егоров.

— Да, таких гарантий мы не даем, — пропищал Канареечка. — Наша подлость безгранична.

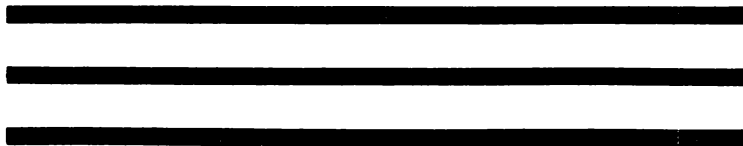
— Гражданин полковник! — вдруг взмолился Бугемот. — Мы же не дети! Мы взрослые люди. Чего вы от нас хотите! Ведь вы же прекрасно знаете, что каждый из нас с огромным удовольствием вас предаст. Мы просто не можем не предавать!

— Нас специально учили этому! — пропищал Канареечка.

— Профессора и доценты! — гордо добавил Мян.

И лишь один ЫХ-000 не проронил ни одного слова.

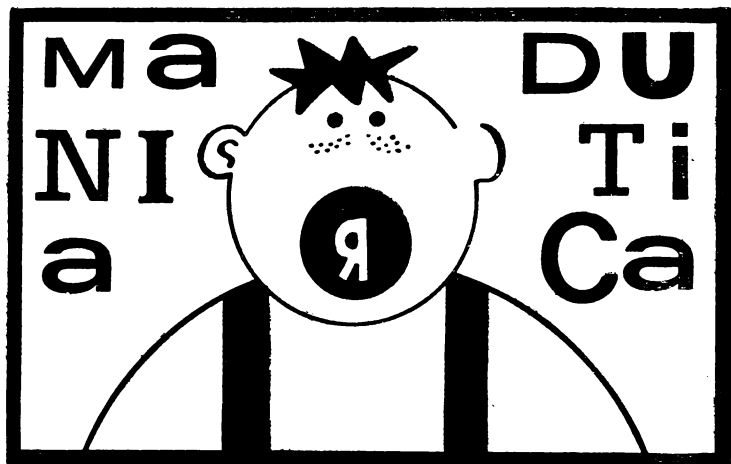
КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,

в которой действуют

**крупнейшие
специалисты
по работе
и борьбе
с детьми**

санитара.

— Здоров парень с виду, — сказал один из них, — а легок. Чем это вы его выкармливали!

— Болезнь это, — грустно ответил папа Юрий Анатольевич. — А ест он в обыкновенных количествах.

— Я не больной, — важно возразил Толик. — Я выдающийся.

— Выдающийся! — удивился старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Чем выдающийся! Толстота твоя пустая какая-то. Дутыш ты, что ли!

Толик покраснел от возмущения, проговорил:

— Взрослые люди, а разговоры неумные, детские.

Санитары чуть носилки не выронили, а Юрий Анатольевич попросил:

— Не сердите его. Молчите.

— Он что, сильно умный? — спросил санитар.

— Считает себя умным. Болезнь это такая.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз быстро осмотрел Толика, снял очки, долго протирал их, потом водрузил на переносицу и спросил:

— Значит, днем вот такой, а ночью худеет!.. Прелюбопытно! А вес нормальный?

— Нормальный,— ответил старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Воздуху он, видать, наглотался. А обратно выпустить не может или не хочет.

— Попросите санитаров удалиться,— морщась, сказал Толик, — они действуют мне на нервы.

Моисей Григорьевич отпустил санитаров и предложил:

— Расскажи мне о себе. Что с тобой произошло?

— Вы не знаете! — обиженно удивился Толик. — Всем должно быть известно о моем подвиге, а оказывается, почти никто не знает! Ведь я же смело и отважно задержал иностранного агента!

— Правда, правда, — скорбно подтвердил Юрий Анатольевич.

— Этого я как раз и опасался! — в сильном волнении воскликнул Моисей Григорьевич. — Продолжай, мальчик. Я очень внимательно тебя слушаю, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Вот это правильно! — И на глазах психоневропатолога Толик еще немного потолстел. — Я задержал шпиона и таким образом стал выдающимся человеком. Все должны мной гордиться, уважать меня, ценить, любить, обожать. А мне завидуют. Даже по телевизору меня не показывали.

— Ну, это дело поправимое, — успокоил его Моисей Григорьевич. — А учиться дальше ты собираешься!

— Зачем! — поразился Толик. — Пусть учатся те, кто еще ничего не добился в жизни.

— Что же ты будешь делать, если не учиться!

— Видимо, буду отвечать на многочисленные письма.

— Какие письма! — вздрогнув, спросил Юрий Анатольевич.

— Восторженные, — невозмутимо объяснил Толик. — Ведь рано или поздно люди все равно узнают о моем подвиге, и я буду получать многочисленные восторженные письма. Не отвечать неудобно. Подумают, что я зазнался.

— Да, тебе предстоит огромная работа, — озабоченно согласился Моисей Григорьевич. — Пока останешься здесь. Мы уже получили много заявок от желающих тебя повидать. Дома принимать так много людей неудобно: всю квартиру затопчут. — Он позвал санитаров и приказал: — Как можно быстрее приготовить для выдающегося человека отдельный выдающийся кабинет! Вымойте выдающегося человека в выдающейся ванне, оденьте его в выдающееся белье и уложите в выдающуюся постель!

Санитары унесли довольного Толика.

— Чем он болен! — почти со стоном спросил Юрий Анатольевич. — И что вы с ним намерены делать! Какие заявки! Это же насквозь больной ребенок, а вы потакаете ему...

— Главное, успокойтесь, — торжественно произнес Моисей Григорьевич, — не волнуйтесь и, тем более, не паникуйте. Случилось как раз то, что я когда-то и предсказывал. Это очень редкое в детском возрасте заболевание. И очень опасное. Одна из форм мании величия — *mania dutica* (мания дутика).

В дверях появился старший санитар Тимофей Игнатьевич и проворчал:

— Не погружается да и все.

— Что не погружается! Куда не погружается!

— Выдающийся человек в выдающуюся ванну не погружается. Плавает. Как пробка. Мы его погружаем путем нажатия на него руками, а он обратно всплывает. И одно твердит, что мы будто бы неумные. А он, видите ли, шибко уж умный.

— Под душ его лучше, — посоветовал Юрий Анатольевич, — и не спорьте с ним.

— Была нужда, — проворчал старший санитар Тимофей Игнатьевич и ушел.

Моисей Григорьевич, в волнении расхаживая по кабинету, заговорил:

— Без таких людей, как ваш Толик, наука бы топталась на месте. Ведь далеко не каждому организму удается заболеть интересной, а иногда и уникальной болезнью! А ваш Толик вновь поставил перед нами сложнейшую задачу. Его организм настолько ослаблен избалованностью, что легко поддается всем заболеваниям, связанным с ленью.

Вернулся старший санитар Тимофей Игнатьевич и устало произнес:

— Выдающийся человек зеркало просит. Тоже, наверное, выдающееся. Не лопнул бы он, а! Уж больно он пыжится. Я бы из него воздуха хоть немного откачал. Предупреждаю: если выдающийся человек лопнет во время моего дежурства, я за это ответственности не несу.

— Возьмите на складе самое большое зеркало и поставьте туда, куда укажет выдающийся человек, — приказал Моисей Григорьевич и, когда старший санитар ушел, продолжал: — Наука, дорогой Юрий Анатольевич, лишь совсем недавно занялась проблемой детской лени. Поэтому здесь много неясного и спорного.

— Вон даже санитар и тот меры предлагает, а вы...

— Я еще раз призываю вас к полнейшему спокойствию. Мы сделаем все, что в наших силах. Я почти полностью уверен в успехе.

Оставшись один, Моисей Григорьевич устало опустился в кресло и очень глубоко задумался.

Он уже несколько лет работал над научным трудом «Взрослый человек как результат развития ребенка». В основу его Моисей Григорьевич положил мысль о том, что все основные духовные качества, и в особенности плохие, развиты в ребенке уже в первые годы его жизни.

Ученый надеялся добиться того, чтобы, наблюдая младенца еще в грудном возрасте, определить, каким он может вырасти человеком. А определив это, легко принять все меры, чтобы он рос хорошим примерно уже в трех-четыре лет.

Тогда и не будет больше плохих детей, а впоследствии и плохих людей вообще. Ведь известно совсем немного случаев, когда из плохих детей вырастали хорошие люди. Так же мало известно случаев, когда из хороших детей вырастали плохие люди.

Научные противники Моисея Григорьевича в один голос заявляли:

— Ваша теория неверна. Плохого ребенка можно перевоспитать в школе, пионерском или спортивном лагере, в институте, в армии и так далее. В конечном итоге, вся воспитательная работа и сводится к перевоспитанию.

— Моя теория абсолютно верна, — отвечал своим научным противникам Моисей Григорьевич. — Что такое ваше ПЕРЕвоспитание! Сначала мы ребенка балуем, он превращается, допустим, в тунеядца, и это мы называем воспитанием! И лишь затем принимаемся за ПЕРЕвоспитание.

Вот простой арифметический подсчет. Программа воспитания семилетнего ребенка содержит 641 пункт.

Программа ПЕРЕвоспитания включает в себя уже 1061 пункт.

$$\begin{array}{r} 1061 \\ - 641 \\ \hline 420 \end{array}$$

ПЕРЕвоспитание на 420 пунктов больше, чем воспитание!

П = 105 пунктам!

Е = 105 пунктам!

Р = 105 пунктам!

Е = 105 пунктам!

Уничтожить в понятии «ПЕРЕвоспитание» четыре первых буквы, а с ними то, что они означают, — и человечество сначала будет избавлено от плохих детей, а впоследствии и от плохих людей вообще!

Путь к этому светлому будущему ясен и научно обоснован: надо победить лень, врага № 1, главного противника любого ребенка.

Но как доказать, как убедить каждого ребенка в том, что быть ленивым — это значит медленно, но, как говорится, верно умирать!

Достаточно вспыхнуть эпидемии лени в любом уголке земного шара, как она может охватить все человечество!

А у нас пока нет медикаментов, способных остановить заражение организма, особенно детского, тунеядством.

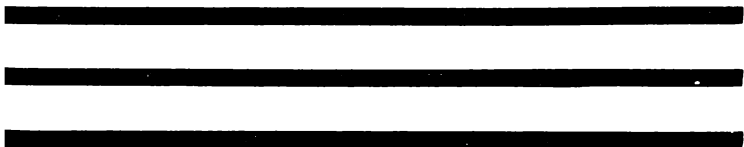
Вдруг найдутся в мире изверги, которым взбредет в голову бредовая, страшная, ужасная идея изобрести препарат, введение которого в кровь ребенка сделает его (ребенка) неизлечимо ленивым!!

Ночи напролет часто не спал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбаргуз. Перед его мысленным взо-

ром вставляли кошмарные картины распространения лени по нашей планете. Вот он видит какой-то большой поселок, где все дети выросли тунеядцами... а вот целый город наполнен бездельниками... магазины закрыты... не ходят троллейбусы, автобусы и трамваи... таксисты спят... пустуют театры, кинотеатры, стадионы... не работают бани... остановились заводы и фабрики...

Холодный пот выступал на огромном лбу ученого. Моисей Григорьевич бросался к столу и торопливо писал страницу за страницей, убеждал, доказывал, приводил примеры и цифры, описывал невероятнейшие случаи заболевания ленью, давал советы детям и родителям...

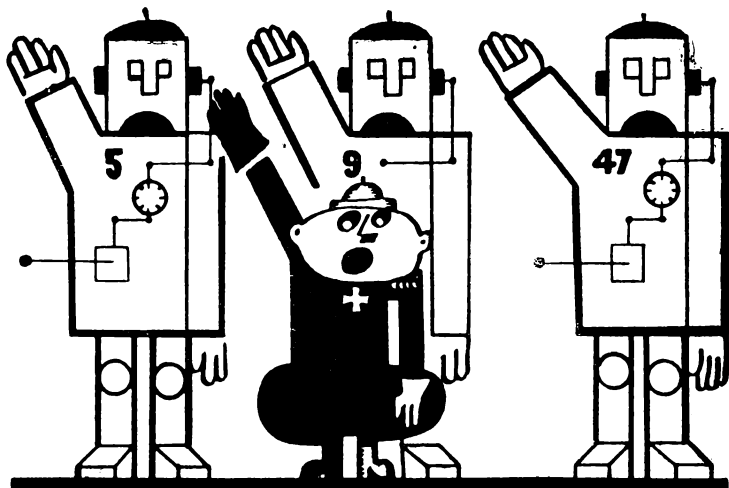
Моисей Григорьевич очень спешил закончить свой научный труд как можно быстрее. Надо предупредить людей о грозящей им опасности

Г Л А В А № 21

ВЫСОКИЙ ГОСТЬ НИЗЕНЬКОГО РОСТА

**В ГЛАВНЫЙ ШТАБ ШПИ
ОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«ГРОБ И МОЛНИЯ» СПЕ
ЦИАЛЬНЫМ САМОЛЕТОМ
ПРИБЫЛ ВЫСОКИЙ ГОСТЬ.**

И хотя ростом он был ниже всех встречавших его на секретном аэродроме, гость считался высоким.

Высокий гость низенького роста был одет в черный мундирчик, но на головке у него красовалась белая детская панамка. На левой ножке у него был белый сапожок, на правой ножке — черный сапожок; на левой ручке — белая перчаточка, на правой ручке — черная перчаточка.

За высоким гостем низенького роста вышагивали три здоровенных субъекта, абсолютно одинаковых, одетых в серые полувоенные костюмы и в черных беретах. Голубые глаза их как бы застыли и как бы ничего не видели.

Когда встречавшие военные отдали честь приближавшемуся высокому гостю низенького роста, он вскинул

вверх сначала левую ручку, чертыхнулся, вскинул ручку в черной перчаточке и заорал:

— Майль!

Три субъекта, как три автомата, в точности повторили его движения, тоже чертыхнулись и рявкнули:

— Фиг майль!

— Господа! — сказал генерал Шито-Крыто. — Позвольте представить вам нашего дорогого и высокого по значению гостя. Это и есть знаменитый господин оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке.

— Майль! — заорал высокий гость маленького роста.

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — прорывкали три субъекта.

— А это мои любимые и в недалеком будущем тоже знаменитые гаврики, — с гордостью объяснил фон Гадке. — Я прихватил с собой лучшие образцы: номер пятый, номер девятый и номер сорок седьмой, — восхищенно, а вернее, хвастливо продолжал фон Гадке. — В багажник марш!

Три здоровенных субъекта совершенно непонятным образом мгновенно оказались в багажнике автомашины и сами захлопнули крышку.

Несколько слов о высоком госте низенького роста. Из всех шпионов мира у него самый маленький рост {93 см 26 мм} и самый длинный чин {оберфобердрамхамшнапсфюрер}. Он уже давным-давно сам не шпионил, а являлся крупнейшим специалистом по молодняку, то есть по подготовке агентов с грудного возраста.

Именно этим и заинтересовался генерал Шито-Крыто.

— Мои гаврики будут лучшими диверсантами в мире, — хвастался по дороге фон Гадке. — Они уже сейчас творят чудеса. Номер девятый, например, умеет зарываться в землю, как крот. Проходит под землей до трех-четырех метров в час. Номер пятый — семьдесят две

минуты под водой без акваланга и носа наружу не кажет! А номер сорок седьмой — чудо из чудес! Без промаха стреляет из двух пистолетов одновременно — в разные стороны! Питается только сырым собачьим мясом, поэтому ни одна собака его не тронет! Парашют раскрывает всего в четырнадцать метрах от земли! Прыгает с восьмого этажа на асфальт!

— Меня особенно интересует, господин оберфобердрамхамшнапсфюрер, ваша работа с грудными младенцами. Вы первый в мире начали этот потрясающий научный опыт. Поистине великолепна мысль о том, что шпионов надо начинать готовить именно с грудного возраста. А где вы берете младенцев? Каков принцип отбора?

— Для нас это не проблема. Любой вояка считает за честь для себя отдать нам свое дите. Тем более, мы неплохо платим. Принцип отбора — просто здоровые экземпляры. Дальше обычный воспитательный процесс: натравливание друг на друга, основы драки и слезки, обучение языкам. Широко применяем убеждение голодом, холодом, жаждой, поркой.

— Я преклоняюсь перед вашим умом, — сказал генерал Шито-Крыто. — Какая высокая степень оболванивания!

— Ну, это еще не все! — совсем хвастливо воскликнул фон Гадке. — Самое главное в том, что моими молодцами можно управлять по радио. В возрасте пяти-шести месяцев им делаем трепанацию-операцию черепа и вставляем в мозг тонюсенькие пластиночки-антенки.

— Низко склоняю перед вами свою голову, — произнес генерал Шито-Крыто, но даже и не пошевелился, и совершенно неподвижной осталась его огромная, без единого волоска голова, похожая, как вам давно известно, на арбуз, футбольный мяч и глобус.

А головка фон Гадке, кстати, напоминала дыньку, на которой с трудом разместились, теснясь, круглые совиные глаза, острейший нос, широченный рот и длиннейшие уши.

Продолжение беседы состоялось в кабинете, где был накрыт огромный стол с множеством еды, а вокруг стояло пять слуг-денщиков. Уши у них были заткнуты пробками, чтобы они не услышали ни слова. Командовал ими офицер Лахит. У него из ушей тоже торчали пробки, но можете быть уверены, что он слышал все до слова!

Генерал Шито-Крыто ел редко, потому что всегда был очень занят, но уж если он принимался за пищу, то уничтожал ее прямо-таки в нечеловеческих количествах. Подчиненные сплетничали, что у их начальника верблюжье устройство — внутренний жировой блок, который позволяет шефу длительное время обходиться без еды.

Зато фон Гадке ел при каждом удобном случае и тоже нечеловечески много, так как при его маленьком росте большую часть организмика занимал пищеварительный аппарат.

— Я могу быть уверен, господин генерал, что ни одно мое слово не уйдет дальше ваших ушей!

— Ни секунды не сомневайтесь, дорогой оберфобер-драмхамшнапсфюрер! Один только вопрос для начала...

— Понимаю, понимаю! — Фон Гадке долго хехекал. — Все мои новые знакомые всегда недоумевают по этому поводу. Сапожки и перчаточки у меня разных цветов, потому что я, хе-хе, путаю правое и левое. Старость не радость. Склероз на почве повышенной умственной деятельности.

— А панамка!

— Она для того, чтобы я не забывал о своей главной миссии — о работе с детьми и борьбе с ними.

Хозяин и гость разговаривали, не переставая есть.

Офицер Лахит и пять слуг-денщиков едва успевали менять пустые тарелки на полные.

— Вы, конечно, догадались, зачем я пригласил вас, — сказал генерал Шито-Крыто, удивившись, как моментально съел фон Гадке целого гуся. — Вы — единственный мой коллега и единомышленник во всем мире. Мы с вами первыми оценили роль детей в развитии общества.

— О да! Да! — радостно, вернее, хвастливо воскликнул фон Гадке, положил в свой широченный рот цыпленка, жевнул и выплюнул одни чистые косточки. — В своей, ставшей затем знаменитой книге «Сегодня невинный младенец — завтра твой враг» я доказал, что дети наших врагов — наше главное зло, составил карту мира, на которой указал основные места скопления детей. Так как в детях — будущее любой страны, их надо своевременно, хе-хе, удалить подальше. Мы легко победим самого сильного врага, если предварительно расправимся с его молокососами и молокососками.

— Мудрые, мудрейшие мысли! — похвалил генерал Шито-Крыто, с завистью отметив, что гость успевает есть больше него. — Я давно слежу за вашей работой и безмерно восхищаюсь ею.

— Учтите, нам надо торопиться! — Фон Гадке даже перестал жевать. — Ведь дети с каждым годом хоть понемногу, хоть не все, но умнеют. Надо торопиться, пока дети наших врагов еще валяют дурака, учатся на тройки, не уважают старших, капризничают, бездельничают.

Стол опустел.

— Не угодно ли отдохнуть, господин оберфобер-драмхамшнапсфюрер! Вы с дороги...

— С удовольствием. Не забудьте приказать для моего номера сорок седьмого...

— Не извольте беспокоиться. Он съел уже двух щенков.

Проводив высокого гостя низенького роста отдыхать, генерал Шито-Крыто выпил семнадцать бутылок минеральной воды и стал думать.

Да, как он и предполагал, фон Гадке правильно угадал главного врага — детей. Но методы он предлагает устаревшие. Так дело не пойдет. Развязать обычную большую войну вряд ли удастся. Поэтому «Гроб и молния» задумала нечто куда более оригинальное, коварное и результативное.

Да и сам фон Гадке устарел. Уже путает правое и левое. В любой момент его могут отправить в отставку, и тогда какой-нибудь тип из Центрхапштаба пустит гавриков в дело, всполошит весь мир и сорвет операцию «Братцы-тунейдцы»! Тем более, что генерал Шито-Крыто не хочет иметь соперника. Он желает один во всем мире действовать против всех людей! Ведь это цель его жизни!

Но не знал генерал Шито-Крыто, даже не догадывался, что оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке тоже мечтает сделать человечеству огромную пакость. И что объект его подлых замыслов — тоже дети.

И самым, пожалуй, опасным во всей этой истории было то, что ни генерал Шито-Крыто, ни, тем более, фон Гадке ни при каких обстоятельствах никогда не могли изменить своей мечте.

Это были матерые, опытные, упорные, убежденные враги детей. Они были крупнейшими в мире специалистами по борьбе с детьми.

Явился офицер Лахит, доложил:

— Шеф, Стрекоза сообщила о благополучном прибытии на место задания.

— Подробностей нет!

— Надеюсь получить их в самое ближайшее время.

— Господин Лахит, — сказал генерал Шито-Крыто, —

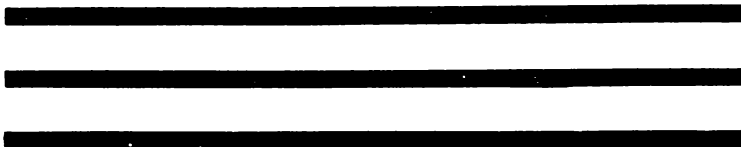
я, конечно, знаю, что от тебя ни слова правды не добьешься. Напоминаю: если вздумаешь обмануть меня...

— Не беспокойтесь, шеф. Я не такой дурак.

— Тогда — брысь!

Генерал Шито-Крыто нежно погладил свою огромную голову. Она обязательно придумает, как быть с господином оберфобердрамхамшнапсфюрером! Если он путает правое и левое, то и еще чего-нибудь напутает! А гаври-

КОВ МЫ У НЕГО, ХЕ-ХЕ, ОТБЕРЕМ!

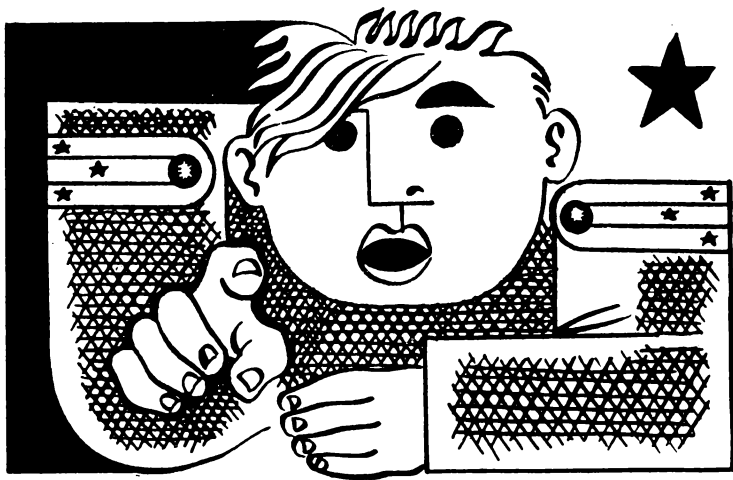

Г Л А В А № 22

ПОЛКОВНИК ЕГОРОВ И АГЕНТ ЫХ-000 НА РЫБАЛКЕ

**ПОЛКОВНИК ЕГОРОВ СКА
ЗАЛ:**

**—НАМ ВАЖНО ПОЛУЧИТЬ
ОТ ВАС ТВЕРДОЕ И ИС
КРЕННЕЕ СОГЛАСИЕ. ОС**

тальное — работа, в которой у вас огромный опыт. Вы будете действовать в знакомой обстановке. Мы создадим вам все условия для подготовки. Вам сделают пластическую операцию лица, и родная мать вас не узнает.

— Родная мать меня, конечно, не узнает, потому что не видела меня больше тридцати лет, — грустно сказал ЫХ-000. — Но врач Супостат, мой приятель, узнает меня за милю. Да и Шито-Крыто обмануть трудно. Мне надо подумать.

Полковник Егоров не торопил его. Дело замыслили сложное и рискованное: заслать ЫХ-000 обратно, в самый центр бывшей организации «Тигры-выдры», чтобы узнать, что из себя представляет «Гроб и молния» и что это за операция «Братцы-тунейдцы».

Была ли у полковника Егорова достаточная уверенность в том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк не подведет? Была. Он ведь хорошо знал не только шпионскую породу, но и людей. И он понял, что ЫХ-000 — персона довольно необычная среди разных Бугемотов, Мяу и Канареечек. Раскусить его было не так-то просто, но полковник Егоров умел находить к каждому человеку совершенно неожиданный подход.

Он решил взять Фонди-Монди-Дунди-Пэка на рыбалку. Не подумайте, что это был опрометчивый или просто неразумный поступок. Нет, все было тщательно продумано, согласовано, приняты все меры предосторожности.

Последнее имя ЫХ-000 было Иван Иванович, и полковник Егоров предложил:

— Мы едем с вами на самую обыкновенную рыбалку и давайте на время станем самыми обыкновенными рыбаками. Вы Иван Иванович, а я Константин Иванович. Проветримся, природой нашей полюбуемся, ушницу сварим на костре, чайку попьем с дымком да и побеседуем в неофициальной обстановке на разные темы жизни. Согласны!

— Зачем вам это, гражданин полковник! — поразился ЫХ-000. — Матерый шпион на рыбалке — это, я понимаю, оригинально, но зачем! К природе я равнодушен, к рыбалке — тем более, а разговариваю я всегда одинаково, в любой обстановке.

— Едем на двое суток, Иван Иванович, — весело сказал полковник Егоров. — Вы опытный специалист, мне есть о чем вас расспросить. В конце концов, вы не пропащий человек в отличие от ваших приятелей-предателей, как вы их называете. Они-то больше ни на что не годятся.

Мечтал когда-то ЫХ-000 иметь свою моторную яхту,

а сейчас вот на чужой моторной лодке в чужой стране ехал, смешно подумать, на рыбалку!

Все было так, как бывает в подобных случаях: солнце еще не село, над водной гладью царил предвечерний покой, тишину нарушал только ровный гул мотора.

— А если я предам вас! — неожиданно спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Вряд ли.

— Почему вы так уверены!

— Потому что немножко разбираюсь в людях.

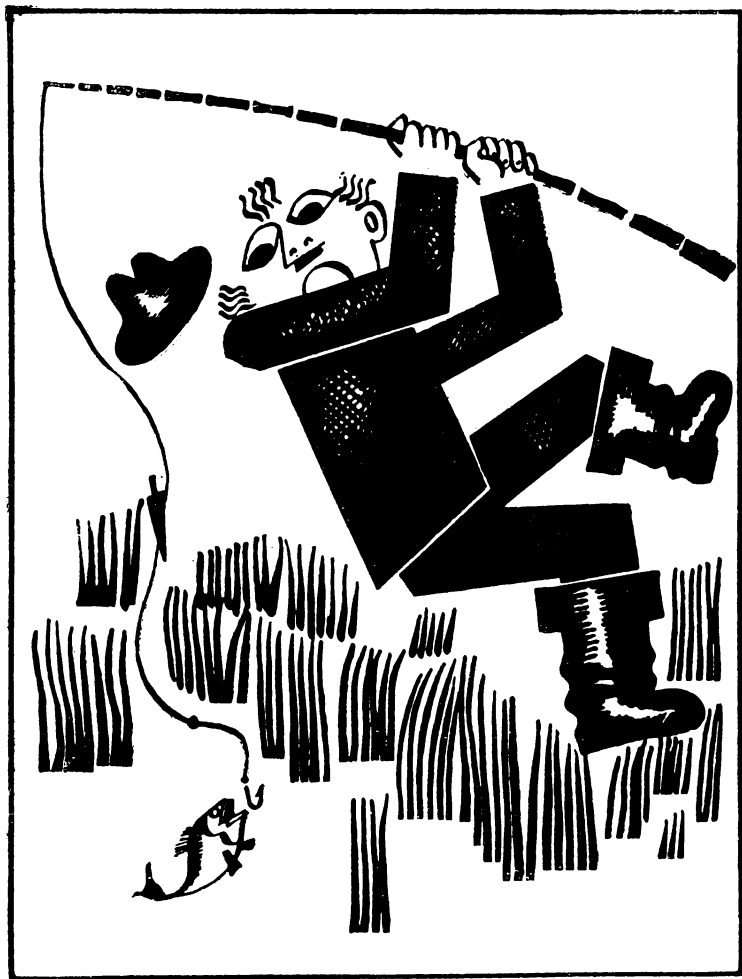
И уже через несколько минут над обрывом запылал костер, а полковник Егоров, вернее, рыбак Константин Иванович, стараясь не торопиться и не суетиться, недалеко устанавливал удочки. Он ведь умел ловить не только шпионов, но и рыбу. (Между нами говоря, ловить рыбу он любил больше.)

А Фонди-Монди-Дунди-Пэк ненавидел и боялся самого слова ловить, потому что его самого ловили всю жизнь. Рыбу он видел только жареную, маринованную, заливную, копченую, соленую, а живую — лишь в аквариумах.

Он сидел на берегу, смотрел на воду и думал. Мысли его были невеселые и тревожные. Не то чтобы он уж очень боялся генерала Шито-Крыто или не был способен на большой риск. Грустно ему было оттого, что он все-таки зря прожил жизнь. А тревожно ему было оттого, что жить осталось не так уж много. И стыдно ему еще было. И признаваться во всем этом самому себе на старости лет — ох как не сладко!

— Иван Иванович! — позвал Константин Иванович. — Возьмите удочку! Авось, повезет! Клев начинается!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк отнесся к этому предложению как к приказанию, послушно взял удилице и стал равнодушно смотреть на поплавок.

А Константин Иванович вытаскивал рыбку за рыбкой. Фонди-Монди-Дунди-Пэк косил глазами в его сторону, с неприязнью чувствуя, что в душу настойчиво пролезает какое-то беспокойство. Потом к беспокойству примешалась зависть, и все это превратилось в неожиданное и нелепое желание — тоже выдернуть рыбку из воды! Просто так, для интереса.

И когда поплавок запрыгал, сердце старого шпиона тоже запрыгало. Он ухватился за удилище еще и другой рукой и дернул что было сил.

По тому, как пружинно натянулась леска, ему показалось, что на его червяка клюнул по меньшей мере кит средних размеров. Но на крючке оказался малюсенький ершик. Он улетел далеко-далеко в траву, и бывший БХ-000, который впервые сам ловил, а не его ловили,किनулса за ершиком прыжками и в великолепном броске, как заправский вратарь, накрыл ершика своим телом.

Он сжимал рыбешку в ладони и бормотал, морщась от уколов плавниками:

— Попалась... попалась... не уйдешь... не уйдешь...

Константин Иванович помог ему насадить нового червяка и посоветовал:

— Спокойнее. Не дергайте и сами не дергайтесь.

Но Иван Иванович весь трясся от нетерпения. Он забыл обо всем на свете, кроме поплавка. Ему, начинающему рыболову и заканчивающему свою работу шпиону, хотелось еще раз пережить то блаженное ощущение, когда кажется, что крючок заглотил по крайней мере кит средних размеров.

И тут же подумалось, что у него не хватит сил выдерживать такое нервное напряжение.

— Еще хочу... еще хочу... — бормотал он, до боли в глазах уставясь на поплавок.

Едва поплавок шевельнулся, начинающий рыбак Иван

Иванович двумя руками дернул удилище и своими собственными глазами увидел, как в воздухе сорвалась с крючка рыба — раз в двадцать больше того, первого ершика.

Она с шумом плюхнулась в воду, а бывший шпион едва не бросился за ней, упал на землю и забормотал:

— Я так не могу... я так не хочу... помогите мне... научите меня... проконсультируйте...

— Говорил я вам, не дергайте и не дергайтесь, — сказал Константин Иванович. — Возьмите себя и удилище в руки. Не тряситесь. Помогу, научу, проконсультирую.

— Вы привыкли ловить. Вам легче.

— Рыбу будете ловить не хуже меня.

Вторую и третью рыбку Иван Иванович вытащил уже почти по всем правилам. Сам он все еще дергался и трясся, но удилищем орудовал относительно спокойно.

«Господи, какой же я был дурак! — думал он, жадно следя за поплавком. — Научи меня кто-нибудь раньше рыбачить, и я бы ловил, а не меня бы ловили!»

Он стоял на берегу с удочкой в руках до тех пор, пока мог разглядеть своими зоркими шпионскими глазами поплавок.

Котелок уже висел над костром. Пахло лавровым листом и перцем.

— Мы и завтра будем рыбачить! — с робкой надеждой спросил Иван Иванович.

— Обязательно. За тем и приехали. Завтра на так называемой утренней зорьке клев будет отменный.

— А сегодня мы на чем ловили!

— Сегодня на так называемой вечерней зорьке. Вот отправляйтесь-ка на задание, выполняйте его, возвращайтесь и рыбачьте себе на здоровье. Характер у вас, Иван Иванович, рыбацкий — азартный. Отличным можете стать рыбаком.

Сначала они ели уху. Такой вкусноты Фонди-Монди-Дунди-Пэк не пробовал ни разу в жизни. Он обсосал все косточки и даже чешуйки с пальцев слизнул. Ему верилось, что те рыбки, которые он ел, именно он и поймал.

Потом они пили чай, пахнувший дымком, и с угольками. Бывший БХ-000 выпил четыре кружки. Он все поглядывал на часы, торопя наступление так называемой утренней зорьки.

Впервые в жизни, сидя в лесу у ночного костра, Фонди-Монди-Дунди-Пэк ничего не боялся. Ведь впервые в жизни его не ловили (хотя бы потому, что уже поймали). Не надо было опасаться, удачно ли спрятан парашют, не надо было бояться чихнуть или кашлянуть, не надо было вздрагивать от каждого шороха и хвататься за оружие.

И дров в костер можно было подкладывать сколько угодно: пылай, пылай, ведь никто тебя не выслеживает!

— Неужели, гражданин полковник, вы настолько уверены во мне, что будете спать!

— Не знаю, как гражданин полковник, а рыбак Константин Иванович заснет накрепчайшим сном. Чего и вам желает, Иван Иванович.

Но бывший БХ-000 заснуть не мог. Он лежал на хвойных ветках, смотрел в звездное небо и ждал так называемой утренней зорьки. «Наплевать мне на все, — думал он, — мне бы только поймать хоть несколько рыбок!»

Костер погас, и бывший БХ-000 пошел собрать сучьев. Отойдя далеко в сторону, Фонди-Монди-Дунди-Пэк остановился, оглянулся назад... Вдохнул и начал собирать хворост.

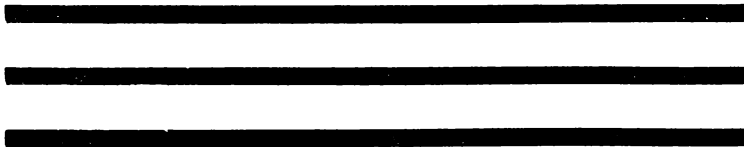
Вот и снова вспыхнул огонь... Некуда бежать Фонди-Монди-Дунди-Пэку. И не к кому ему бежать. Один он во всем мире. Никого у него нет. И ничего ему больше не надо. Одно у него осталось: возможность хоть немного загладить свою вину перед людьми и — порыбачить.

Стояла такая тишина, что слышно было, как течет река, хотя днем, как заметил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, она казалась неподвижной. И он подумал о том, что впервые в жизни не боится тишины. Раньше она всегда настораживала, пугала. А тут бывший агент ЫХ-000 посматривал в костер и никого и ничего не боялся.

— Гражданин полковник, — прошептал он, — я согласен. Я отправлюсь в «Гроб и молнию» с вашим заданием.

— Вот и прекрасно, — сквозь сон ответил полковник Егоров, зевнул и, честно говоря, громко захрапел.

КОНЕЦ ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

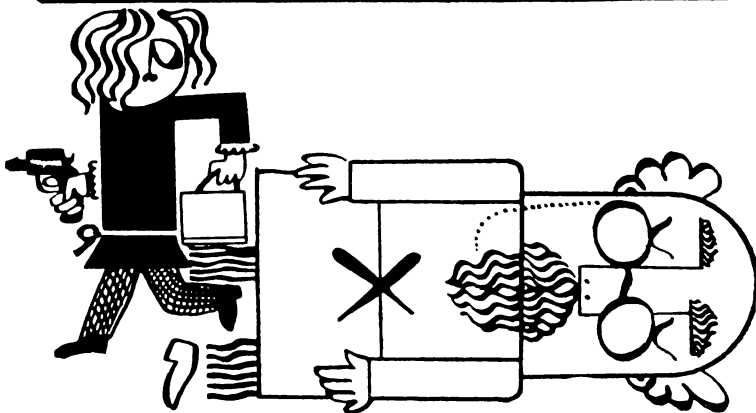
под названием

**„ВСЁ ИДЕТ
СВОИМ
ЧЕРЕДОМ“**

Г Л А В А № 23

**ПОЯВЛЕНИЕ АГЕНТА СТРЕКОЗЫ В КАБИНЕТЕ ПСИХОНЕВРО-
ПАТОЛОГА М. Г. АЗБАРАГУЗА**

**ДНИ И НОЧИ НЕ ОТХОДИЛ
ПСИХОНЕВРОПАТОЛОГ
МОИСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ АЗ
БАРАГУЗ ОТ ПОСТЕЛИ
БОЛЬНОГО ТОЛИКА ПРУТИ**

кова.

Одиннадцать врачей уже семь раз обсуждали заболевание мальчика и не пришли ни к какому окончательному выводу.

И однажды, когда Моисей Григорьевич после очередного осмотра и изучения всевозможнейших анализов в большом бессилии упал на диван в своем кабинете, старший санитар Тимофей Игнатьевич посоветовал прямо-таки загробным голосом:

— Воздух надо из выдающегося человека регулярно откачивать или — еще лучше — выпороть его надо.

— Ненаучно это, — еле слышно ответил Моисей Григорьевич. — Притом окончательный диагноз еще не поставлен.

— Но выпороть-то никогда не вредно! Это вроде сан-обработки будет. Отец мой, ныне, правда, покойный, возьмет, бывало, ремень, подзовет меня, а я у него самый любимый сын был, подзовет и скажет: «Хорошо ты, Тимофей, себя ведешь, просто приятно на тебя посмотреть моим родительским глазам. Усилада ты моему отцовскому сердцу. Но чтобы ты и впредь не испортился, давай-ка мы тебе небольшое наказание организуем». А слово отца — закон для сына. Получал я некоторую профилактическую порцию. Это и с воспитательной точки зрения полезно, а с медицинской — так тем более: кровь разгоняет, нервы успокаивает.

— Не могу же я в своем научном труде написать: рекомендуемый метод лечения — порка!

— А вы и напишите по-научному. Не порка, а специальная санитарная обработка задней поверхности организма медицинским стерильным ремнем.

— Я готов поверить в то, — сдерживая чисто научное раздражение, неуверенно произнес Моисей Григорьевич, — что рекомендуемая вами специальная санитарная обработка задней поверхности организма изредка и может быть полезна для здорового ребенка. Но Толик болен! Опасно болен! Наконец, загадочно болен!

— Потому и заболел, что когда был здоров, его ни разу санитарно не обработали! — страстно убеждал старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Сидит, извините за ненаучное выражение, балбес на постели, в зеркало уставился, собой любителю и всех дураками, даже меня, считает! А я бы зеркало у него отобрал, кормить бы перестал и санитарно обработал!.. А почему воздух откачивать нельзя!

— Потому что деформируется кожа. Появятся глубокие морщины и складки. Оставьте меня.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич, с сожалением

глядя на очень взволнованного Моисея Григорьевича, ворчал:

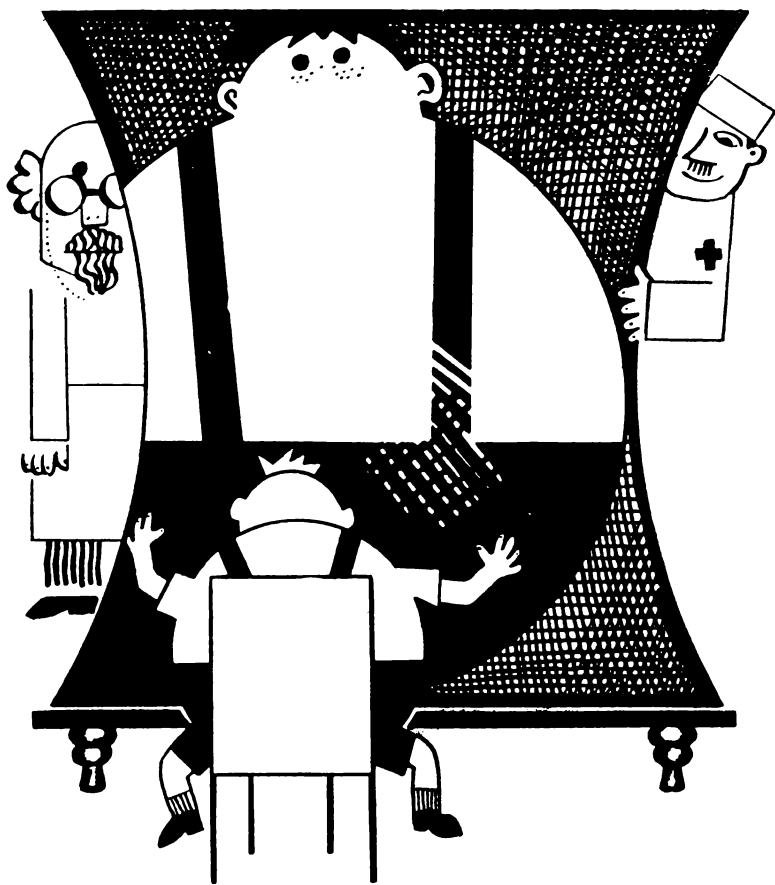
— До того детей распустили, что не поймешь, где психическое заболевание, а где — дурость обыкновенная. А все оттого, что не применяют методов физического воздействия на организм. Вот смотрю я сейчас — после Толика Прутикова — на толстых и думаю: не сумасшедшие ли!

Настроение у Моисея Григорьевича, и без того нерадостное, вконец испортилось. Он прилег на диван и неожиданно для себя крепко заснул. Сколько он проспал, неизвестно, но проснулся так же неожиданно, как заснул. Моисей Григорьевич вскочил, забежал по кабинету, чувствуя, что его разбудила какая-то интересная мысль. Он заставил себя сесть, сосредоточиться и чуть не вскрикнул. Он бросился в коридор, стремительно прошел в соседнюю комнату, где находился Толик, открыл дверь и с порога заговорил:

— Итак, мы отказываемся лечить тебя! Ты, как мы и предполагали, болен острейшей формой мании величия — манией дутикой. Наши исследования показали, что ты являешься не выдающимся человеком, а зазнайкой. В недалеком будущем тебя, может быть, ожидает мучительная смерть. От непрерывных раздуваний и отдуваний твой организм день ото дня слабеет. Кожа и внутренние органы вступили в стадию деформирования. Выпускай из себя воздух, становись нормальным! Иначе не доживешь до начала учебного года!

Даже в коридоре слышно было, как возмущался Толик, как кричал, плакал, кому-то чем-то грозил.

А Моисей Григорьевич, очень заметно взволнованный, попросил принести из «комнаты смеха» городского парка культуры и отдыха зеркало. Знаете, бывают такие: смотрит в зеркало нормальный человек, а в зеркале —

уродище, и человеку это, представьте себе, смешно. А смешно человеку, видимо, оттого, что он по сравнению с уродищем в зеркале — прямо-таки красавец из красавцев!

Когда Толик, накричавшись, наплакавшись и нагрозившись, уснул, обыкновенное зеркало, в котором он любил любоваться собой, заменили зеркалом из «комнаты смеха».

По научному замыслу Моисея Григорьевича, больной должен был настолько испугаться своего отображения, поверив, что он такой и есть на самом деле, что ему, больному, захочется стать нормальным — а это уже проблеск сознания!

Размышления ученого прервал старший санитар Тимофей Игнатьевич:

— Там к выдающемуся человеку посетители пришли. Старичок Николай Степанович Уткин и его внучка Ниночка. Сказывают, что подарочек ему принесли.

— Объясните им предельно вежливо, что сегодня к больному нельзя. Пусть приходят хотя бы послезавтра.

Повернувшись к дверям, Моисей Григорьевич упустил тот самый момент, когда Толик проснулся и начал быстро надуваться.

Увидев себя в зеркале из «комнаты смеха», он закричал:

— Это не я! Не я это! Я не это!

— Не воображай, не воображай, не воображай! — громко зашептал Моисей Григорьевич. — Не зазнавайся, не зазнавайся, не зазнавайся! Быстрее отдувайся! Отдувайся быстрее! Иначе смертельный исход! Исход иначе смертельный!

Толик с ужасом смотрел, как страшное существо в зеркале повторяло все его движения, вскрикивал:

— Не я! Я не! Не я! Я не!

И потихоньку начал худеть.

— Быстрее! Быстрее! Еще быстрее! — командовал Моисей Григорьевич. — Худей, отдувайся! Худей, отдувайся! Иначе — клиническая смерть!

Толик стал худеть все быстрее и быстрее, и наконец Моисей Григорьевич воскликнул:

— ПОБЕДА! ПОБЕДА! НАУЧНАЯ ПОБЕДА! ПОБЕДА НАУЧНОЙ МЫСЛИ!

— Какая победа! — удивленно спросил Толик. — В чем дело?

Закрыв собой зеркало из «комнаты смеха», Моисей Григорьевич показал Толику на обычное зеркало и торжественно сказал:

— Иди, взгляни на себя. Ты совершенно здоров. При помощи научной мысли мы победили опаснейшую болезнь. Ты вновь стал нормальным человеком, вернее, ребенком.

— А какой я был!

— Вот какой! — Моисей Григорьевич разложил перед ним ворох фотографий, на которых в разных позах красовался раздутый самомнением Толик Прутиков.

Пока он, не веря своим глазам, рассматривал фотографии, санитары унесли зеркало из «комнаты смеха» и отправили его в городской парк культуры и отдыха.

— Теперь тебе ничего не грозит, ты снова будешь жить и учиться! — возбужденно говорил Моисей Григорьевич. — Сейчас тебе необходим куриный бульон!

Старший санитар Тимофей Игнатьевич принес бульон и сказал Толику:

— Тут тебе подарочек посетители просили передать. Шоколадную плиточку. Вот. Сами они послезавтра зайдутся.

— Нет, нет! Сладкое потом! Сначала бульон!

Где-то раздался звук, похожий на пистолетный выстрел. Толик ничего не услышал, а Моисей Григорьевич настороженно вытянул шею. Старший санитар Тимофей Игнатьевич быстро вышел.

Не успел Толик допить бульон, как вдруг дверь распахнулась и в кабинет шагнула девочка в голубом платье, с пистолетом в одной руке и с черной сумочкой — в другой. Девочка приказала:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения!

Она закрыла дверь на ключ.

— Позвольте, позвольте, позвольте! — возмутился Моисей Григорьевич. — Я тебя, маленькая негодница, научу вести себя...

Девочка подпрыгнула и ударила его рукояткой пистолета в живот.

Психоневропатолог рухнул на пол.

Толик схватил нож, но успел лишь приподняться со стула. Девочка оглушила его ударом рукоятки пистолета

по голове и забралась на подоконник.

Г Л А В А № 24

ШПИОНЫ ПОМОГАЮТ ЛОВИТЬ ШПИОНОВ

**—ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ!
ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ!
—ПОПРОСИЛ ФОНДИ-МО
НДИ-ДУНДИ-ПЭК.—или у
МЕНЯ ЧТО-ТО С ГОЛОВОЙ,**

или с глазами, или... но...

Машина остановилась, и полковник Егоров предположил:

— Вполне возможно, что солнцем напекло. А в чем дело?

— Мне показалось... но этого быть не может... Я видел генерала Батона!

— То есть бывшего генерала Батона! — внешне невозмутимо спросил полковник Егоров. — Ведь он разжалован в рядовые. Где же вы его видели?

— Около больницы... вот сейчас проехали...

Полковник Егоров, как будто ничего и не случилось, спокойно снял с рычага трубку, заговорил:

— Я «пятнадцатый». Оперативную группу к областной

психиатрической больнице. Остановиться у магазина «Электротовары». — И приказал шоферу: — Разворачивайтесь, к больнице!

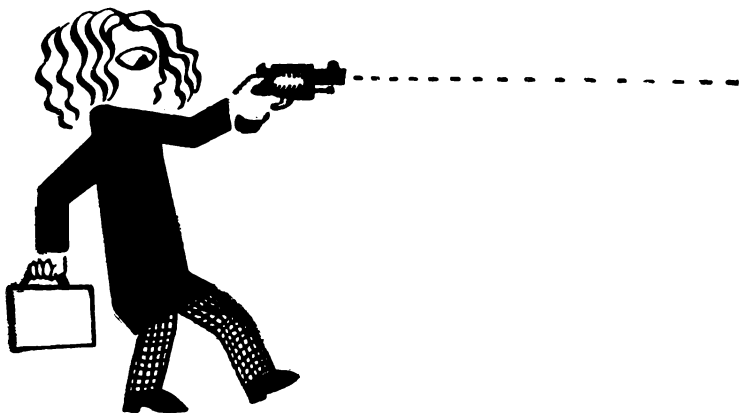
— Не может быть, чтобы я ошибся, — нервно бормотал бывший ЫХ-000. — Я его слишком хорошо знаю. Не за мной ли его прислали!

— Сейчас разберемся. Рыбку вы ловить научились, теперь и шпионов ловить научитесь.

Машина остановилась.

У подъезда больницы разговаривали старик с небольшой козлиной бородкой и девочка в голубом платье, с черной сумочкой в руках.

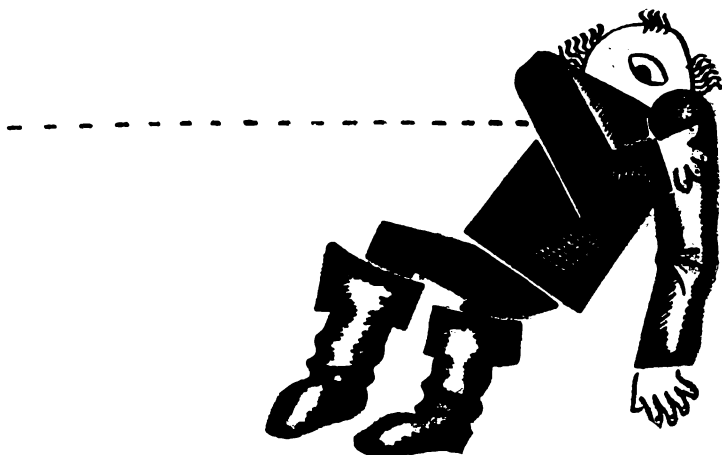
— Это Батон! — дрожащим голосом выговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А девочка, верно, с площадки молодняка. С ней осторожнее.

— Спокойнее, спокойнее, никуда они не денутся, если это они. — Полковник Егоров снял трубку. — Я «пятнадцатый». У подъезда больницы старик и девочка. Будьте наготове. Если побегут, действуйте самостоятельно. Если я сниму кепку, сразу ко мне. С девочкой осторожнее.

(Неудобно мне, рядовому запаса, годному только к нестроевой службе, критиковать полковника, но как автор я имею право сделать ему замечание. Полковник Егоров очень любил все делать сам и часто рисковал своей жизнью. Вот меня и спросят: почему я разрешаю ему это делать? А я отвечу, что я за него не отвечаю. Он полковник, а я рядовой, ему виднее.)

Полковник Егоров вышел из машины и, делая вид, что рассеянно смотрит по сторонам, направился к подъезду.

Шел он вразвалочку, засунув руки в карманы, даже зевнул два раза — сразу видно: устал человек, идет к себе домой.

И никогда бы ничего не заподозрил в такой обстановке бывший генерал Батон, а в данный момент дедушка Николай Степанович Уткин. Идет к ним человек в резиновых сапогах — рыбак или охотник — чего тут особенного!

Зато младший сержант Стрекоза, она же внучка Ниночка, которую с малых лет воспитывали как злобного зверька, сразу унюхала опасность и зоркими глазами разглядела, кто остался в машине. Она раскрыла сумочку, где лежал пистолет.

Муравей шепнул:

— Закрой ты сумочку!

— Иди к машине, — шепнула она, — там ЫХ-три нуля. Стреляй! Иди, тебе говорят!

И тут не выдержали нервы у Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Он понял, что сейчас будут стрелять, и решил, что опасность грозит полковнику Егорову. ЫХ-000 выскочил из машины, и Стрекоза, не целясь, выстрелила.

Он схватился за плечо и упал с криком:

— Не отпускайте ее!

Муравей, не ожидая приказа, сам поднял руки вверх.

Полковник Егоров с товарищами скрылись в подъезде. Муравей, протягивая руки для наручников, бормотал:

— Нон агента, ава идиота! (Не агент, а дурочка.)

Фонди-Монди-Дунди-Пэк сразу, так сказать, после рыбалки угодил в больницу.

А Муравей сидел в машине и болтал:

— Нисколько не жалею, что попался. Все равно родители меня домой не пускают. До генерала мне все рав-

но уже не дослужиться. Зато новенький генерал Шито-Крыто лопнет от злости. Представляю его физиономию, когда он узнает, что его любимая Стрекоза влопалась! Правда, живой вам ее не взять. В крайнем случае, она сама себе глотку перегрызет.

Раздалось несколько выстрелов.

— Стреляет она здорово, — продолжал болтать Муравей, — и патронов у нее достаточно. Не завидую я вашим работникам.

Здание оцепили. Все ходы и выходы были перекрыты. Стрекоза остановилась на карнизе между двумя окнами на высоте четвертого этажа, прижавшись спиной к стене.

— Чего я только в жизни не видел, — говорил полковник Егоров, — но вот девочку-шпиона... хоть глазам своим не верь. Сейчас все спокойненько обдумаем. Никуда она не денется. Давайте как на рыбалке — не дергать и не дергаться.

Моисей Григорьевич сидел на диване, постепенно приходя в себя, и бормотал:

— Вот это удар... вот это кошмар... сумасшедший дом, а не психиатрическая больница.

Полковник Егоров отдавал приказания:

— Установите на подоконнике радиодинамик. Подключите микрофон... Приведите арестованного. Моисей Григорьевич, вам лучше уйти отсюда. А тебе, Толик, везет на шпионов, они вокруг тебя так и бегают.

Когда Моисей Григорьевич и Толик ушли, ввели Муравья.

— Гражданин генерал, — обратился к нему полковник Егоров, — передайте вашей очаровательной напарнице наше предложение сдаться. Я пытался с ней говорить, но она то ли не слышит, то ли не желает отвечать. Объясните ей, что ее положение совершенно безвыходно.

— К сожалению, я всего-навсего бывший генерал, а ныне я просто агент Муравей и нахожусь под командованием младшего сержанта Стрекозы, чтоб ей пусто было, между нами говоря. Она ни за что не сдастся. Она просто не знает, как это делается, зачем и вообще что это такое. Она будет отстреливаться до последнего патрона.

— И все-таки поговорите с ней. Вот микрофон.

Батон заговорил (привожу дословный перевод):

— Стрекоза, благодаря твоей тупости и глупости мы попались. Слава богу, я в наручниках, и на душе у меня благодать. Кончай базар, бросай пистолет, иди сюда, и все будет в порядке. Дадут фруктовки.

В ответ Стрекоза раскричалась (ругательства не перевожу):

— Хрычто фуренти! У меня достаточно патронов! Айм добл найн! Пусть только высунутся! Ферг морг гарди! И чтоб я больше не слышала твоего гнусного голоса, предатель! Эссенто аро фаг! Я должна еще и в тебя влить пулю, барригит финик долдо!

Она еще очень долго кричала, голос часто срывался на визг, и Батон морщился и виновато смотрел на полковника Егорова, так как ничего не мог разобрать. Наконец Стрекоза умолкла, будто задохнулась от злобы.

Выслушав перевод, полковник Егоров проговорил:

— Ругается она здорово. А сколько времени она может простоять вот так на карнизе!

— Теоретически — пока не умрет. Практически — недели полторы-две, а то и чуть дольше. Живой ее все равно не взять, поверьте мне. Я эту публику знаю, сам работал на площадке молодняка. Зачем она вам?

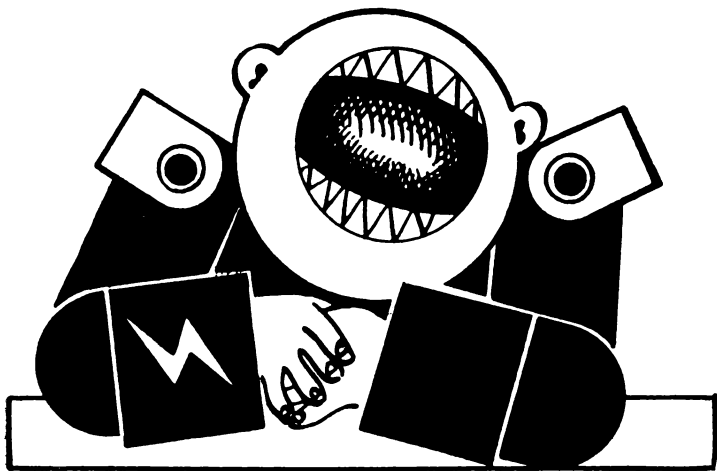
— Это уж наше дело. Будем ждать ночи. Приготовьте сетку, прожекторы и сирены. Вызовите еще людей. Будьте предельно осторожны.

— И приготовьте крепкий мешок, — посоветовал Муравей.— Если вы каким-нибудь чудом схватите эту чертову Стрекозу, без мешка вам придется туго. Она ведь ЕЩЕ И КУСАЕТСЯ И ЦАРАПАЕТСЯ.

Г Л А В А № 25

ДРАКА ГАВРИКОВ И ШПИОНЧИКОВ

**АГЕНТ СТРЕКОЗА СООБ
ЩИЛА, ЧТО ЗАДАНИЕ ВЫ
ПОЛНЯЕТСЯ УСПЕШНО:
ЫХ-000 ОБЕЗВРЕЖЕН, НАЙ
ДЕН СЛЕД ТОЛИКА ПРУ**

тикова, агент Муравей работает отлично.

Генерал Шито-Крыто удовлетворенно откинулся в кресле и даже прорычал свою любимую песенку:

**АН, ЦБАЙ, ТРУА!
ВСЕ НА СВЕТЕ ТРЫН-ТРАВА!**

Эх, если бы у него была возможность поспать! Ему бы не понадобилось мягкой постели: спать он может сидя, стоя и даже на ходу. Но спать нельзя! Надо работать, работать и работать! Иначе все мечты так и останутся мечтами.

План операции «Братцы-тунеядцы» почти готов. Вот он. Сто три толстенных папки. Скоро, скоро исполнится заветнейшая мечта генерала Шито-Крыто, мечта, испол-

нение которой когда-то началось с пустяка, когда он предал свою родную маму. Ха, скоро он предаст сотни, тысячи, миллионы мам!

Генерал Шито-Крыто от радости заподпрыгивал в кресле, выкрикивая:

— УХ! АХ! ЭХ! УХ! АХ! ЭХ!

Неизвестно как возникший в кабинете офицер Лахит выждал, когда начальство кончило подпрыгивать, и доложил:

— Шеф, в приемной господин оберфобердрамхамшнапсфюрер!

— Просить! Сейчас он у меня попрыгает!

— Майль! — прокричал еще с порога фон Гадке. — Я прекрасно отдохнул! А как вы, господин генерал?

— О, я бы никогда не стал генералом, если бы позволял себе отдыхать! Это мне не положено. Столько дел! Тем более в момент пребывания вас у нас. Я вот тут сидел и напряженно думал: как с наибольшей для себя отдачей использовать ваш долгожданный визит к нам? Не упустить бы чего из вашего огромного опыта по работе и борьбе с детьми.

— Располагайте мной, моими знаниями и опытом как вам угодно. А я с глубоким интересом ознакомлюсь со всем, что вы сочтете возможным мне продемонстрировать. Больше всего меня, конечно, интересуют шпиончики.

— И мне не терпится сравнить наши кадры.— Генерал Шито-Крыто пригласил высокого гостя низенького роста на площадку молодняка.

— Простите меня, но...— Фон Гадке не сдержал откровенной усмешки.— Ваши шпиончики слишком малы еще. Мои молодчики разделяются с ними в айн, то есть в один момент.

— Простите меня, господин оберфобердрамхам-

шнапсфюрер, я понимаю.— Генерал Шито-Крыто усмехнулся.— Если вы боитесь за своих болванов, отмените драку.

— Я боюсь за моих болванов! — заикаясь от возмущения, крикнул фон Гадке.— Да мои болваны да ваших шпиончиков... Да ваших шпионов да мои болванчики...

— Ваши условия! — рявкнул генерал Шито-Крыто.

— Поймите! Вы! Мои три гаврика из ваших двадцати восьми шпиончиков сделают двадцать восемь истерзанных трупиков!

— Тогда так им и надо. Значит, плохие экземпляры. Ваши, категорически повторяю, условия!

— Какие могут быть условия! Пусть дерутся до победного конца. Выпускайте своих, а я своих. Майн бог, мне смешно!

— Вам смешно!! — Генерал Шито-Крыто побагровел, посинел и, став совершенно зеленым, проговорил: — Вон там яма. Ваши болваны скидывают туда моих шпиончиков. Мои шпиончики загоняют ваших болванов в клетки и закрывают на всякие замки. Драку не останавливать. Время драки не ограничивать. Ничей быть не может. Это вам не футбол.

— Согласен! Договорились! Прекрасно! Зэргутно! Начинаем! — Фон Гадке в нетерпении переступал ножками, обутыми в сапожки разных цветов.

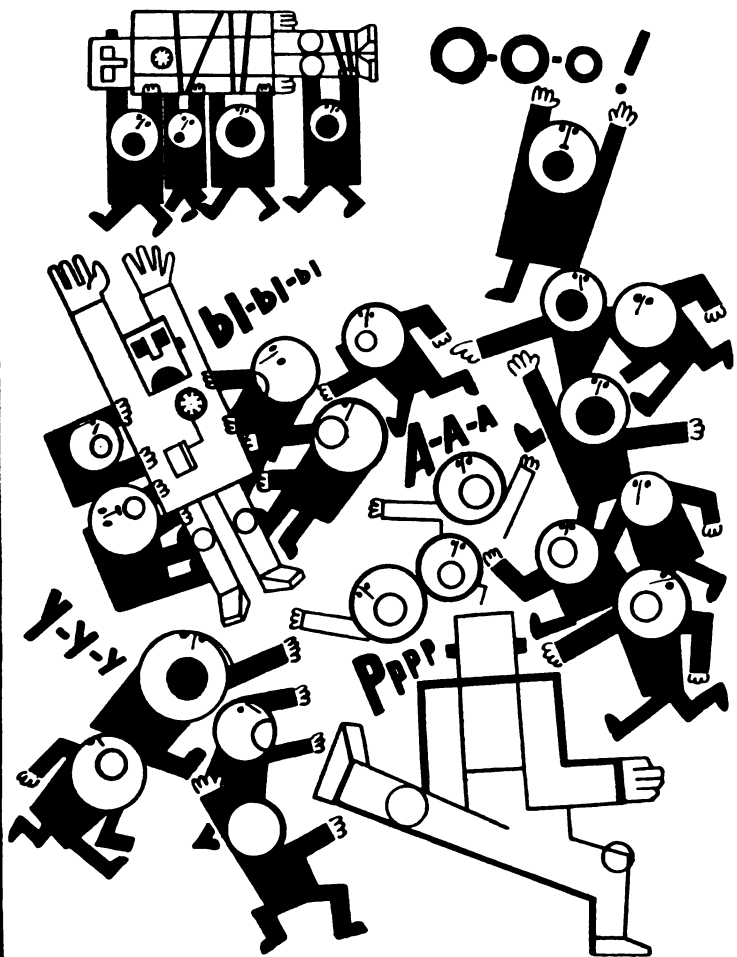
— Мы еще не договорились о награде победителю.

— Вы платите мне полную стоимость трех штук гавриков!

— Не согласен! Я плачу вам их полную стоимость в тройном размере! А если победят мои шпиончики, вы отдаете мне своих болванов бесплатно.

Фон Гадке обомлел, еще шире раскрыл свой широченный рот.

— Испугались! — очень насмешливо спросил генерал

Шито-Крыто.— Я знал, что в последний момент вы струсите.

— **Никогда!** — **Фон Гадке** топнул ножкой, обутой в белый сапожок.— **Ни за что!** — Он топнул ножкой, обутой в черный сапожок.— **Согласен на ваши условия! Начи-
наем!**

Он достал из карманчика радиопередатчик и приказал:

— **Номер пятый, номер девятый, номер сорок седьмой, ко мне бегом марш!**

А генерал Шито-Крыто подошел к клеткам и спокойно заговорил:

— **Слушайте меня внимательно. Сейчас сюда явятся три субъекта-болвана. Они вас будут скидывать в глубокую яму с очень грязной и очень холодной водой. А вы должны их, субъектов-болванов, загнать в клетки и закрыть на всякие замки. Тогда каждый получит по бутылке фруктки, а может быть, еще по котлетке.**

Шпиончики взвыли от восторга.

— **Дай им время разозлиться!** — приказал дежурному офицеру генерал **Шито-Крыто.**— **О ходе драки докладывать мне регулярно. Господин оберфобердрамхамшнапсфюрер, я пошел. У меня нет времени любоваться победой моих шпиончиков. Не желаю вам успеха. Всего вам плохого.**

— **Как хотите! Как хотите!** — зло проверещал **фон Гадке.**— **Готовьте вашим шпиончикам памятки.**

— **Приготовиться к потрясающей драке!** — скомандовал дежурный офицер, а дежурные солдаты сняли с клеток всякие замки.— **Милые детки, вас ждут котлетки! Будете ловки — ждет вас фруктка!**

Шпиончики от нетерпения трясли дверцы руками и ногами.

— Еще раз приготовиться к потрясающей драке!
Да — смотри у меня!

Ненадолго наступила абсолютная тишина. Шпиончики затаили дыхание и, как только раздался выстрел, с дикими воплями выскочили из клеток и бросились на противника.

На что же, по-вашему, рассчитывал генерал Шитокрыто! Почему он был так уверен в победе своих питомчиков!

Во-первых, потому что гаврики — это хоть, может быть, и отличные автоматы-болваны, но всего-навсего только болваны, хотя и автоматы. А шпиончики — пусть хоть и плохие, но люди. Они очень хотят есть и пить и не хотят валяться, живыми или мертвыми, в яме с очень грязной и очень холодной водой.

Во-вторых, своими кадрами по радио управлял фон Гадке, который был настолько стар, что путал правое и левое. А раз он путал правое и левое, то можно было надеяться, что он и еще что-нибудь перепутает.

На площадке молодняка творилось нечто невероятно-неописуемо-невообразимое. Там шла такая драка, какой еще даже в кино не было!

Там вращался клубок из тридцати одного тела, издававший одновременно

О-О-О!

А-А-А!

Ы-Ы-Ы!

У-У-У!

У-у-у!

Ррррр!

Гаврики действовали только силой, а их противники — хитростью, ловкостью, подлостью да еще несколько раз подряд хитростью. Они до того мельтешили в глазах субъектов-болванов, что те никак не могли попасть в цель. Хуже того, один из них как ткнул кулаком в другого — так тот хлоп на землю. И не успел он, как говорится, очухаться, как оказался в клетке сложенным вдвое, будто перочинный ножик.

Дежурный офицер тут же защелкнул замок и доложил генералу Шито-Крыто:

— Один — ноль, ведут шпиончики.

Фон Гадке путал уже не только правое и левое, а — все. Он кричал в радиопередатчик одни лишь ругательства, чем вконец запутал и себя, и свои кадры. В самом деле, а что же делать, если слышишь такую, извините за выражение, команду:

— Чтоб вы сдохли!

Гаврики остановились, пытаясь сообразить, как выполнить эту команду. Воспользовавшись их замешательством, шпиончики повалили своих противников, утащили их в клетки, защелкнули на всякие замки и сели, чтобы отдышаться.

Дежурный офицер доложил начальству:

— Шеф, драка закончилась со счетом три — ноль в пользу ваших питомчиков.

— Выдать им по котлетке и бутылке фруктовки! — И генерал Шито-Крыто захохотал.

А высокий гость низенького роста сорвал со своей головки панамку и затопал по ней ножками, обутыми в сапожки разных цветов.

Втопав панамку ножками в землю площадки молдняка — место своего великого позора и грандиозного несчастья, фон Гадке побрел прочь, провожаемый насмешливыми воплями шпиончиков.

Он намеревался сразу пройти к генералу Шито-Крыто, но в приемной офицер Лахит преградил ему путь и сказал без всякого уважения:

— Велено обожждать!

— Как — обожждать!!

— Как все. Стоя на ногах. Или сидя на полу. Если хотите, встаньте на голову. Как вам будет удобнее.

— Я есть высокий гость господин оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке!

— Вот именно тебе и велено обожждать,— совсем без всякого уважения сказал офицер Лахит.— Шеф очень занят. Он не любит, когда его беспокоят по сущим пустякам.

«Я пустяк да еще сущий,— подумал фон Гадке.— Значит, дело мое пахнет неприятным безобразием. Если он заберет у меня гавриков, меня выгонят со службы. Тогда как же я сумею напакостить человечеству!»

От жуткой мысли, что никто, кроме него, человечеству не сумеет напакостить как следует, у фон Гадке остановилось сердчишко. Но — дернулось и, к сожалению, стало стучать дальше.

В приемной не было ни одного дивана, ни одного кресла, ни одного стула, даже ни одной табуретки не было. Офицер Лахит преспокойно сидел на столе.

Фон Гадке устал стоять и попросил:

— Напомните обо мне господину генералу. Не такой уж я сущий пустяк. Кроме того, я пожилой человек, ноги у меня размерами меньше обычных, я не могу долго стоять на них.

— Меня твои ноги не касаются. Хочешь — жди. Не хочешь — уходи.

Не следует думать, что генерал Шито-Крыто намеренно унижал фон Гадке: дескать, мои шпиончики расправились с твоими гавриками, так и торчи у меня в приемной.

Нет, генерал Шито-Крыто ничего такого не говорил офицеру Лахиту. Грубил офицер Лахит сам, по своей собственной инициативе.

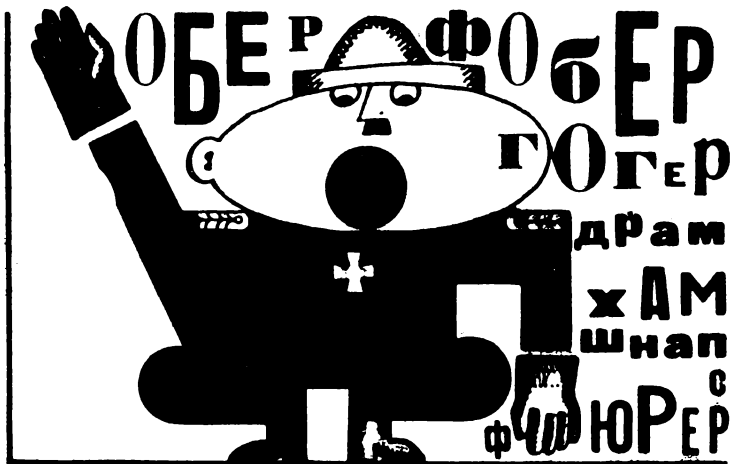
На самом же деле фон Гадке заставляли ждать в приемной потому, что генерал Шито-Крыто действительно был очень занят. Он сидел и глубоко переживал: Стрекоза не прислала очередного сообщения. Значит, что-то случилось. Но — что! Операция была продумана и подготовлена самым тщательным образом, исключены все возможности провала... Давай сюда этого фон

ГАДКЕ!

Г Л А В А № 26

**СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ГОСПОДИНА ОБЕРФОБЕР-
ДРАМХАМШНАПСФЮРЕРА ФОН ГАДКЕ**

**ВОЙДЯ В КАБИНЕТ И ВЯ
ЛО КРИКНУВ «МАЙЛЬ!»,
ФОН ГАДКЕ БЕЗ СИЛ ПЛЮ
ХНУЛСЯ В КРЕСЛО, С БЛА
ЖЕНСТВОМ ВЫТЯНУЛ**

ножки и заговорил:

— Поздравляю с победой, не знаю, заслуженной ли. Я до сих пор не понимаю, что случилось.

— Сначала надо расплатиться,— грозно сказал генерал Шито-Крыто.— Твои гаврики в количестве трех штук теперь мои. Как ты вернешься без них в Центхрапштаб!

— Мне здорово попадет. Меня выгонят в отставку или подвергнут почетной спиртизации.

— Да, невеселые перспективы. Предлагаю тебе работать у меня. Отвечай быстро: да или нет!

— Пожалейте меня! — в ужасе попросил фон Гадке.— Дайте мне время на размышление! Я голоден. Прикажите накормить меня. На голодный желудок я совершенно не соображаю.

— Мне некогда, понимаешь! — начал сердиться генерал Шито-Крыто. — Я убежден, что почти все замечательные мысли приходили в голову именно на голодный желудок. Набитый желудок бывает только у набитых дураков! И вот на голодный желудок отвечай: согласен работать у меня или нет! Если согласен, тебя ждет прекрасный обед, сохранение чина и повышение оклада. Если не согласен, тебя на голодный желудок ждет прекрасный самолет, а дома ждет почетная спиртизация. Если ни да ни нет — ни обеда тогда тебе, ни самолета, топай пешком на все четыре стороны! — И генерал Шито-Крыто так заррррррычал, что фон Гадке крикнул:

— СОГЛАСЕН!

ДА!

СОГЛАСЕН!

ДА!

— О'кейно! Ты ешь, летишь домой и возвращаешься ко мне с секретной технической документацией по обработке и обучению твоих болванов.

— Согласен!

Да!

Согласен!

Да!

Собрав остатки силенок, оберфобердрамхамшнапс-фюрер ответил по возможности гордо:

— Дай мне времени подумать.

Генерал Шито-Крыто встал, уперся руками в стол, взглядом уперся в растерянного, испуганного, трясущегося от голода фон Гадке и сквозь зубы проговорил:

— Хватит валять дурака. У меня нет на это времени и желания. Подпиши вот это! — приказал он самым грозным голосом. — Ну! — И подал фон Гадке листок бумаги с текстом, отпечатанным на пишущей машинке:

СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

**Я, нижеподписавшийся, оберфобердрамхамшнапс-
фюрер фон Гадке, от всей души и всего ума даю
полное и безоговорочное согласие служить верой и
правдой, печенкой и селезенкой генералу Шито-
Крыто и никому больше.**

**Обязуюсь под страхом смертной казни через под-
вешивание к потолку за левую ногу предоставить
«Гробу и молнии» секрет обработки и обучения
гавриков. В случае, если струшу и забоюсь служить
генералу Шито-Крыто, приму крысиный яд.**

К сему

(оберфобердрамхамшнапсфюрер

фон Гадке)

— Эт... эт... это... это...— фон Гадке покачулся.— Вы... вы... вы... родок!

— Это не имеет никакого отношения к делу,— безразлично сказал генерал Шито-Крыто.

От голода головка фон Гадке кружилась, он мало что понимал из происходившего. Ведь большую часть его организмика занимал пищеварительный аппарат!

Фон Гадке скрипнул зубами, сжал кулачки, на две с половиной секунды потерял сознание, восемь раз дернулся всем тельцем и невнятно проговорил:

— Проклинают этот день когда прибыл сюда...

— Что! Что!

Фон Гадке с трудом сообразил своей совершенно пустой головкой, что последние силы покидают его. Он подписал смертельное обязательство и, еле переставляя ножки, поплелся обедать.

Сев за обильно накрытый стол, он начал глотать пищу и плакать. Такого еще не бывало: шпионить за самим собой! У самого себя выкрасть секретную документацию!

Все кушанья казались ему солеными: столько текло из него слез.

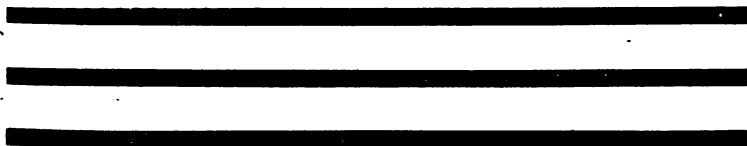
Наглотавшись еды, фон Гадке постепенно начал кое-что соображать. А почему бы ему и не пошпионить за самим собой! Оригинально получится. Тем более приятно обмануть Центрхапштаб и барона Барана. Они ему — почетную спиртизацию, а он у них своих гавриков украдет!

Тут его вызвал генерал Шито-Крыто и, не предложив присесть, заговорил:

— Твоих заслуг в борьбе с детьми у тебя никто не отнимет. Ты принес людям много горя. Это прекрасно. Но ты постарел, а твои взгляды устарели. Мы же стремимся

работать по-новому, на строго научной основе. Мы ценим пожилые опытные кадры. Помни, что ты подписал смертельное обязательство. Не вздумай меня надуть. Жду твоего возвращения. Пока! Гуд буд!

— Майль! — вяло ответил фон Гадке и поплелся, чтобы сначала сесть в автомашину, затем в самолет и лететь навстречу своей фон-Гадской судьбе.

Г Л А В А № 27

ПОДОЗРЕНИЯ ОФИЦЕРА ЛАХИТА

**ОФИЦЕР ЛАХИТ ДОЛО
ЖИЛ:**

**—СТРЕКОЗА СООБЩИЛА,
ШЕФ, ЧТО ВСЕ ИДЕТ НОР
МАЛЬНО. СВОИМ ЧЕРЕ**

дом. Муравей действует отлично, однако обстановка очень сложная, возможны неожиданности.

— Передай ей, что меня не интересует, какая там обстановка! Меня не интересует старый хрыч Муравей! Удивляюсь, почему он до сих пор жив. Передай ей, чтоб торопилась!.. Ну! Чего стоишь!

— Осмелюсь, шеф...— осторожно заметил офицер Лахит.— Меня смущают два последних сообщения Стрекозы.

— Чем смущают!

— Видите ли, я довольно продолжительное время работал у господина генерала Батона. Не уверен, что служба пошла мне на пользу. Я только поглупел и обленился.

— Короче!

— Я писал под его диктовку много писем, телеграмм, приказов...

— Доносов!

— Нет, доносы он писал исключительно сам.

— Короче!

— Мне кажется, что в двух последних сообщениях Стрекозы чувствуется рука Муравья, то есть Батона, доверять которому нет никаких оснований.

— А это что значит!

— Не могу знать.

— Значит, я должен знать! — закричал генерал Шито-Крыто. — Если сообщения передает Муравей, то что тогда со Стрекозой!!

— Понятия не имею. Мое дело — предупредить. Вы напрасно доверили Батону...

— Я послал его на верную смерть. И если я услышу от тебя еще хоть раз критику в свой адрес, висеть тебе под потолком за левую ногу. Понял!

— Так точно. Напоминаний не потребуется, шеф. Я предельно исполнительен.

— А может быть, ты предельно предателен! А может быть, ты на каждом шагу обманываешь меня!

Офицер Лахит скромно опустил глаза, пожал плечами, ответил очень скромным тоном:

— Вам виднее, шеф.

— Я бы давно уничтожил тебя! — Генерал Шито-Крыто погрозил ему кулаком. — Но я обожаю мерзавцев. Я знаю, что будущее принадлежит им.

— Я ваш ученик, шеф.

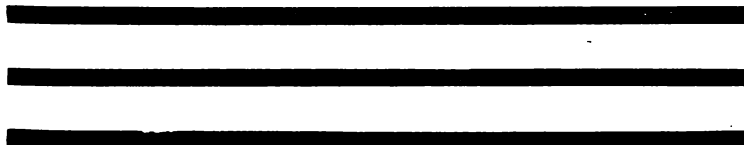
Генерал Шито-Крыто довольно хмыкнул, удовлетворенно крякнул и сказал:

— То-то! Ступай!

Оставшись один, генерал Шито-Крыто быстро-быстро, крепко-крепко постучал по столу своей огромной, без

единого волоска головой, чтобы выбить из нее кипящую злобу. Выбив злобу, он занялся своим обычным делом, то есть стал думать, размышлять, рассчитывать, прикидывать, взвешивать, изучать, сравнивать, делать выводы...

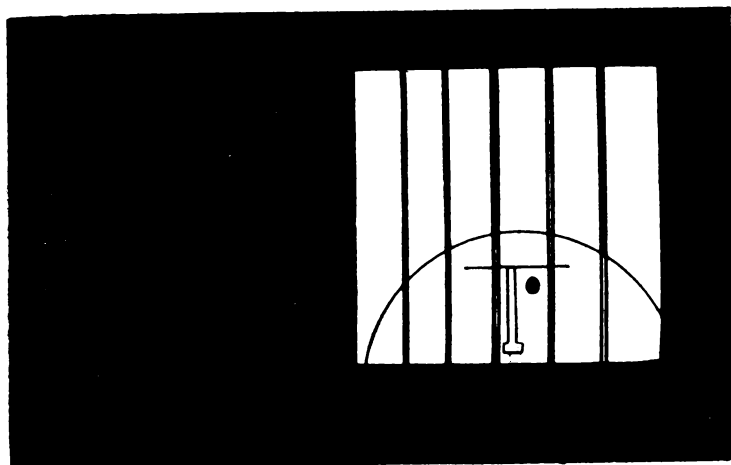
Ведь он, не уставая, готовился доложить Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию — ох, страшно подумать! — план новой операции «Братцы-тунейдцы».

Г Л А В А № 28

**БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ БАТОН НАКОНЕЦ-ТО ОБРЕТАЕТ ПОД-
ЛИННОЕ ПОЛНОЕ СЧАСТЬЕ**

**НАКОНЕЦ-ТО, НА СКЛОНЕ
ДНЕЙ СВОИХ, БЫВШИЙ ГЕ
НЕРАЛ БАТОН, БЫВШИЙ
РЯДОВОЙ БАТОН, БЫВ
ШИЙ АГЕНТ МУРАВЕЙ И**

бывший дедушка Николай Степанович Уткин обрел свое подлинное полное счастье.

Эх, знал бы он об этом удовольствии — лежать одному в одиночной камере, — давно бы попросился сюда! Ведь именно о таком райском образе жизни он и мечтал всю жизнь.

Да ведь он и в шпионы-то пошел из-за нее, из-за своей собственной лени. Папа его, шпион, захотел, чтобы сынок пошел по отцовской дорожке. А сыну лень было спорить. Вот и попал в шпионы. И до генерала дослужился. Но оказалось, что должность генеральская хлопотливая.

Другое дело — вот тут, в тюрьме. Лежал Батон то на спине, то на левом боку, то на животе, то на правом бо-

ку — благодать с красотой! Только и заботы — определить, на какое место перевернуться, когда какое-нибудь место отлежишь.

И мечталось Батону: сюда бы еще да его генеральскую кровать!

Вспоминал он от нечего делать свою жизнь, морщился, сердился на самого себя: если уж уродился лентяем, так будь им, не лезь в генералы, живи себе тихонько.

Человек, считал Батон, вырастает лентяем не по своей воле. Вот он однажды один-единственный раз не умылся утром и почувствовал такое облегчение, что с тех пор всю свою батонскую жизнь старался не умываться и всегда испытывал от этого великолепное облегчение!

И не надо, несправедливо это, ругать человека за то, что он не любит умываться. Пусть себе! Каждому свое. Нравилось Батону в детстве ходить с мокрым носом, так, вы думаете, разрешали ему это! Как бы не так! Но, скажите, кому какое дело до моего собственного носа!! Ведь если бы не изобрели носовых платков, никому бы ведь и в голову не пришло вытирать мокрый нос!

А у нас повелось так. Придумает какой-нибудь чудака зубную щетку — и вот, пожалуйста, все обязаны чистить зачем-то зубы!

В подобных приятных уму и сердцу размышлениях проводил Батон немногие остававшиеся от сна часы. И еще он любил думать о том, что генерал Шито-Крыто оказался в дураках. Читает, будучи в дураках, сообщения своей любимой Стрекозы и не подозревает, что сочинял их нелюбимый Муравей. Шито ты, Крыто ты несчастное! Вот тебе прекрасный повод лопнуть от дикой злобы или разбить свою огромную голову об стену.

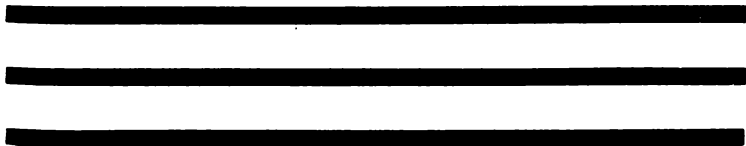
Рассуждая таким образом, бывший генерал Батон, он же бывший рядовой Батон, он же бывший агент Мура-

вей, он же бывший дедушка Николай Степанович Уткин, а теперь просто очень счастливый человек, лежал себе, изредка переворачиваясь с боку на бок, и ничего больше не требовал от судьбы. Лежать бы вот так до конца дней своих... Красота!

Но, как известно, счастье не бывает долгим. Об этом хорошо знают, например, прогульщики. Прогуляешь день, прогуляешь два, может быть, и на третий день счастье выпадет, а потом попадет тебе!

Вот Батон и беспокоился: долго ли продлится его

СЧАСТЬЕ!

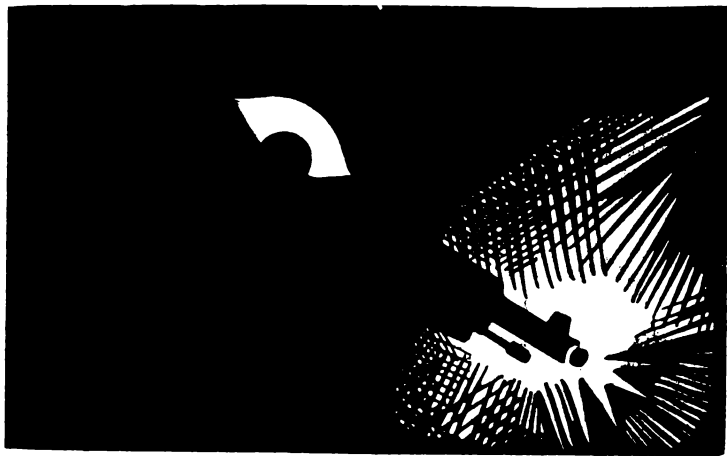

Г Л А В А № 29

МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА СТРЕКОЗУ ЛОВЯТ И ПРЯЧУТ В

МЕШОК

**БЫЛА КРОМЕШНАЯ НОЧЬ.
В ТЕМНОТЕ ОКОЛО ЗДА
НИЯ, НА КАРНИЗЕ КОТО
РОГО НЕПОДВИЖНО ЗА
СТЫЛА СТРЕКОЗА, НАТЯ**

нули сетку. Стрекоза и во тьме крошечной видела не хуже кошки, несколько раз стреляла и ранила несколько человек.

Ни в одном окне не горел свет. Улица потонула во мраке.

На Стрекозу навели яркий луч прожектора, чтобы он слепил ее и она ничего бы не видела.

Задача предстояла сложная: надо было взять младшего сержанта так, чтобы она не успела выстрелить в себя.

По совету агента Муравья для нее был заготовлен специальный мешок из нервущейся ткани и с крепкими завязками.

— Пора начинать,— сказал полковник Егоров, снял

пиджак, ботинки, носки и остался в легком спортивном костюме.— Вспомню-ка молодость!

— Товарищ полковник! — обратился к нему младший лейтенант Юрий Васильков.— Разрешите мне! У меня все-таки второй разряд по акробатике! Разобьетесь вы! Или покалечитесь!

— Знаю я вас, акробатов,— весело ответил полковник Егоров.— Потом среди друзей хвастаться будете: дескать, им, полковникам, хорошо, командуют только, а мы, акробаты, на высоте четвертого этажа трудимся... Приготовиться! — скомандовал он.— Начали!

Взвыли сирены, одна громче другой, одна протяжнее другой, так взвыли, будто в городе враз загорелось девятнадцать домов.

Полковник Егоров забрался на подоконник, спустился на карниз, пролез под оконной рамой и выпрямился, прижавшись спиной к стене. Между нами говоря, было ему страшно. Даже если упасть на сетку, то все равно надо было на всякий случай попрощаться с родными и близкими.

Не дыша почти, он осторожно переставлял ноги. Пятки больно упирались в карниз, а носки — в воздухе. От этого создавалось впечатление, что ноги вот-вот сведет судорогой.

Стрекоза стояла с закрытыми глазами, держа руку с пистолетом наготове. Вот и надо было как-то отобрать у нее пистолет.

В таких случаях говорят: секунды казались часами. Полковнику Егорову представлялось, что он на карнизе уже не первый год!

Сирены выли, сменяя одна другую.

Оставалось каких-нибудь полметра, и можно было хватать Стрекозу за руку с пистолетом.

Но тут Стрекоза вдруг шевельнулась, понюхала воз-

дух, отвернулась от луча прожектора и вытянула руку с пистолетом в сторону полковника Егорова.

Раздумывать было уже некогда, и он схватил младшего сержанта за руку.

Стрекоза, как пойманная за хвост мартышка, извивалась в воздухе, норовя укусить полковника Егорова в руку. Он второй рукой выхватил у нее пистолет и выпустил Стрекозу.

И сам, потеряв равновесие, полетел следом. Ему показалось, что летел он очень долго, и о многом успел подумать, два раза пожалел о том, что не имеет по акробатике хотя бы третьего разряда.

Загорелись огни. Смолкли сирены.

Еле-еле Стрекозу завязали в мешок. Врач торопливо смазывал йодом искушенных и исцарапанных младшим сержантом людей.

— Целехонек,— сказал, ощупывая себя, полковник Егоров.— Вот только в голове шумит. Спасибо, товарищи, за работу.

Он поехал в больницу справиться о здоровье Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Экая получилась досада! Пора уже было готовиться к переброске бывшего ЫХ-000 в «Гроб и молнию» — и вот на тебе! Одно только и утешение, что все могло закончиться куда хуже.

Но почему не проходит шум в голове? Не хватало еще, чтобы и с ним что-нибудь стряслось!

В больнице его не обрадовали, сказали:

— Рана очень опасная. Пуля разрывная. Задеты кости. Принимаем все меры.

— Если бы вы знали, как нам нужен этот человек! Вы даже себе представить не можете, до чего он нам необходим и как можно скорее!

В голове полковника Егорова уже не только шумело, но и гудело, трещало, скрипело. Он проглотил несколько

таблеток и поехал узнать, как ведет себя младший сержант Стрекоза.

По дороге полковнику Егорову стало совсем плохо. В глазах то темнело, то плавали разноцветные круги, а в ушах отдаленным эхом трещали выстрелы, слышались чьи-то голоса. Пересиливая недомогание, он проговорил:

— Интересная все-таки эта особа, Стрекоза...

Она все еще была в мешке.

— Кусается, царапается, никакого сладу нет,— сообщил младший лейтенант Юрий Васильков.— Пришлось ее обратно в мешок завязать.

— Слушай, младший сержант,— сказал полковник Егоров.— У тебя голова хоть немного соображает? Если ты не будешь пайнкой, мы сообщим генералу Шитокрыто, что ты предала его.

— Он не поверит! — крикнула из мешка Стрекоза.— Он не поверит! Он умный! Он самый, самый, самый умный! Саркофиги ид! [ругательство].

— Фруктовки хочешь?

— Бидл харл! Сафера!

Полковник Егоров сокрушенно покачал головой, недоуменно развел руками, сказал:

— Она, наверное, и в куклы ни разу в жизни не играла. Так шпионкой и родилась. Вот задача... Слушай, Стрекоза, а может, мы все-таки не будем терять времени даром! А!

Стрекоза не ответила, только зло пискнула, и полковник Егоров снова заговорил:

— Не знаю, чему тебя там учили, но ты должна понимать, что если попалась, то уже от нас не уйдешь и тебе все равно придется...

— Я вас всех уничтожу! — раздалось из мешка. —

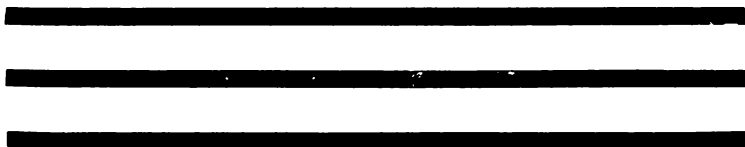
Загрызу! Бэлла стэлла драга! Вивато бум хамо! (очень грубые ругательства).

Младший лейтенант Юрий Васильков предложил:

— Товарищ полковник, ехали бы вы отдыхать.

— Ну ладно. До завтра. Пошевели-ка, Стрекоза, своими мозгишками. Только зря время потеряем, если будешь отмалчиваться да ругаться неприличными словами. Постыдилась бы, деточка!

Полковник Егоров поехал домой, но угодил в больницу: в машине он потерял сознание.

Г Л А В А № 30

**ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ЕГО КТО-ТО
ЗДОРОВО ВОДИТ ЗА НОС**

**ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО
ОЦЕПЕНЕЛ. ВОТ УЖЕ ШЕ
СТНАДЦАТЬ С ПОЛОВИ
НОЙ МИНУТ ОН БЫЛ НЕ
ПОДВИЖЕН, ГЛАЗА ВЫПУ**

— Не извольте беспокоиться! Не извольте беспокоиться! Будем ждать! Будем ждать! — свирепо передразнил генерал Шито-Крыто. — Я боюсь, я просто содрогаюсь от мысли, что тут опять пахнет предательством! Уууууу! — Он так ударил кулаком по столу, что все четыре ножки на два сантиметра каждая погрузились в цементный пол. — А ты, Лахит! Жук ты, вот ты кто! Сначала ты мне морочил мою огромную голову тем, что будто бы сообщения шлет старый хрыч Муравей, а не Стрекоза. Сейчас ты болтаешь, что вышла заминка. Дорого мне эта заминка может обойтись! Имей в виду: я не могу работать в обстановке заминок и предательств! Я не люблю, когда меня предают! Я сам люблю предавать! — Он побагровел, затем побелел, потом почернел и рывкнул: — Сгоняй сотрудников и шпионов!

Успокоившись немного и вернув себе обычный цвет лица, генерал Шито-Крыто вбежал в зал, вспрыгнул на трибуну, ударом кулака разбил ее в щепки и закричал:

— Вас согнали сюда, господа вы такие, в последний раз напомнить о том, чтобы вы не только мозгами, но и каждой почкой, каждой печенкой и даже каждой селезенкой уразумели важность поставленной перед вами задачи. Сегодня я докладываю Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию об операции «Братцы-тунядцы». Как вам известно, вам ничего о ней не будет известно. Каждый будет знать только свое конкретно-подлое задание. Завтра в нашей организации вводится чрезвычайное сверхвоенное положение. Если кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь заметит у кого-нибудь что-нибудь подозрительное, немедленно доносить мне, не задумываясь! Главное, мне и, главное, не задумываясь! Не уставайте писать анонимные доносы! Наша сила во взаимном недоверии! Всех во всем всегда и везде подозревайте! И мы победим! По местам — вон!

Вернувшись в кабинет, генерал Шито-Крыто шесть минут посидел спокойно, не двигаясь, чтобы набраться сил для доклада Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию.

Тут совершенно не вовремя, как нарочно, как назло, будто специально, в кабинет проник офицер Лахит и доложил:

— Сообщение от Стрекозы, шеф. Она извиняется за молчание, вызванное неблагоприятными обстоятельствами, подчеркивает героическую работу Муравья.

— Плевать мне на этого героического склеротического Муравья! — завопил генерал Шито-Крыто. — Он давно должен былдохнуть! Где сведения! Где сведения! Сведения где!!

— Успокойтесь, шеф. Вам скоро ехать на доклад.

— Ты уверен, что это сообщение прислала Стрекоза!

— Нет. Это чистой воды Батон.

— Уууууу! — взвыл начальник «Гроба и молнии». — Ты вгонишь меня в гроб!

— Успокойтесь, шеф. У вас сегодня великий день. И хотя нам известно, что нам ничего не известно о гениальной операции «Братцы-тунеядцы», мы знаем, что она закончится вашей полнейшей победой над светлыми силами. Мы рады служить под вашим безошибочным и беззаминочным руководством, — очень вкрадчиво говорил офицер Лахит. — Мы вас боимся, а это значит, что очень уважаем.

(Ну вот, объясните мне, уважаемые читатели, почему при этих словах грозный генерал Шито-Крыто улыбнулся? Ага, ему приятно, что его хвалят. Увы, человек устроен так, что иногда самая грубая, незаслуженная похвала ему приятнее правды. Поэтому внимательно смотрите, кто вас и за что хвалит. И не сразу сердитесь и обижайтесь, когда вас ругают.)

— И все-таки кто-то здорово водит меня за нос. Найду!

— Я помогу вам, шеф.

В машине генерал Шито-Крыто старался не думать о предстоящем докладе и обсуждении. Больше всего он опасался тех военных начальников, которые только хвастались да спорили, кто воюет лучше. Они не хотят ничего знать, только бы — воевать! Они даже когда в гости друг к другу ходят, то за столом сидят с оружием в руках: в одной руке ложка или вилка, во второй — пистолет. Залетит в комнату муха, и вояки поднимут такую пальбу, словно самолет подстреливают.

«Может, вы и умные, но дураки, — думал о них грозный генерал Шито-Крыто. — Я вам подготовлю настоящую большую войну. Без меня вас все равно рано или поздно разобьют. Когда воюют бомбами, пулями, ракетами, снарядами — это не самая страшная война. Воевать надо и головой. Сейчас надо воевать не против армии врага, а против самого главного, самого ценного, самого дорогого, что у него есть! Вот это будет война! Такой еще не бывало! И придумал ее я, генерал Шито-Крыто! Запомните мое имя!»

КОНЕЦ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ,

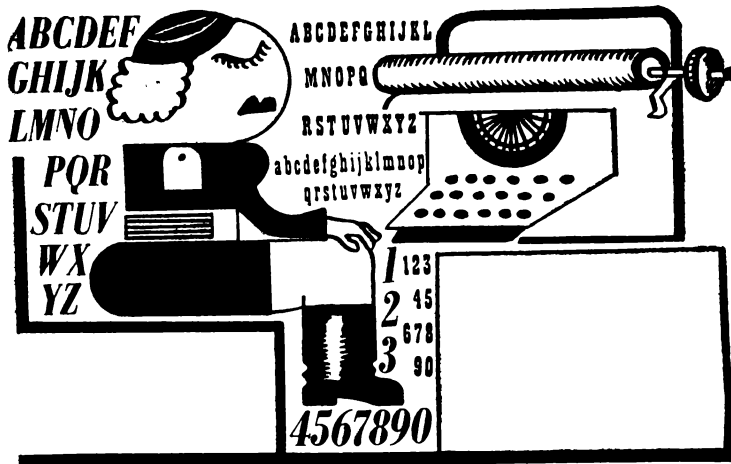
состоящая всего из одной главы № 31,

**самая
короткая,
но зато
чуть ли
не самая
важная
в романе**

Г Л А В А № 31

**ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ШИТО-КРЫТО —
УТВЕРЖДЕНИЕ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ „БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ“
САМЫМ ВЫСОКИМ САМЫМ ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕМ**

**ЗАЛ ДЛЯ СЕРЬЕЗНЫХ ЗА
СЕДАНИЙ САМОГО ВЫСО
КОГО САМОГО ВЕРХОВНО
ГО ГЛАВНОКОМАНДОВА
НИЯ БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН.**

Тут собрались только генералы и адмиралы; и даже стенографистки по званию были не ниже, чем мадам-майоры.

Маршалы на ответственные заседания не ходили, чтобы не ошибаться и не потерять авторитет. Двое оставшихся в живых фельдмаршалов давно притворялись глухими и только читали протоколы заседаний, а прочитав протоколы, долго качали седыми головами, и никто, даже они сами, не знал, что они этим хотят выразить.

Самый главный супер-генерал предоставил слово начальнику шпионской организации «Гроб и молния».

Поначалу генерал Шито-Крыто говорил спокойно и даже несколько туманно:

— Все мы всё знаем. Всё мы все понимаем. У нас

есть отличные войска и такое замечательное оружие, что, имея его, ничего и не надо знать, ничего и не надо понимать, а только кнопки нажимать. Но ведь не секрет, что у наших врагов и оружие не хуже, и кнопки у них есть. Воевать нам очень хочется, но воевать очень опасно.

Необходимо придумать новый вид войны. За это и взялись мы, шпионы. И вот почему. Сколько мы ни старались, наша шпионская работа зашла в тупик. Мы приносим мало пользы. Организация «Гроб и молния» предлагает начать новую, невиданную доселе войну. Войну без танков, пушек, самолетов и пулеметов. Без кораблей и подводных лодок. Это будет самая страшная война за всю историю всего человечества. Это будет потрясающая по своей подлости, жестокости, мерзости, вероломству и коварству огромная война! — И генерал Шито-Крыто начал нервно пить прямо из графина.

Обычно невозмутимые, мадам-майоры вытаращили на него глаза, высоко держа в руках сверхшарики в ручки.

— В чем же дело? В чем же дело! — хором спросили четыре генерала и один адмирал. — Скорее отвечайте! Скорее отвечайте!

Докладчик не мог оторваться от графина, тем более, что в нем оказалась не вода, а крошон.

— Суть, смысл быстрее! Суть, смысл быстрее! — в нетерпении потребовали уже семь генералов и три адмирала. — Или суть, или смысл! А то графин отберем!

— Не мешайте мне! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я волнуюсь! Вот вам суть. Вот вам смысл! Дети! Дети! Дети! Чилдрен! Киндер! Анфан! Бамбини! — Голос его стал хриплым, временами в нем прорывались какие-то лающие звуки. — Убьешь солдата, а у него растет сын или два сына, или сын и две дочери! Вот мы и уничтожим всех детей, и у наших врагов не будет будущего!

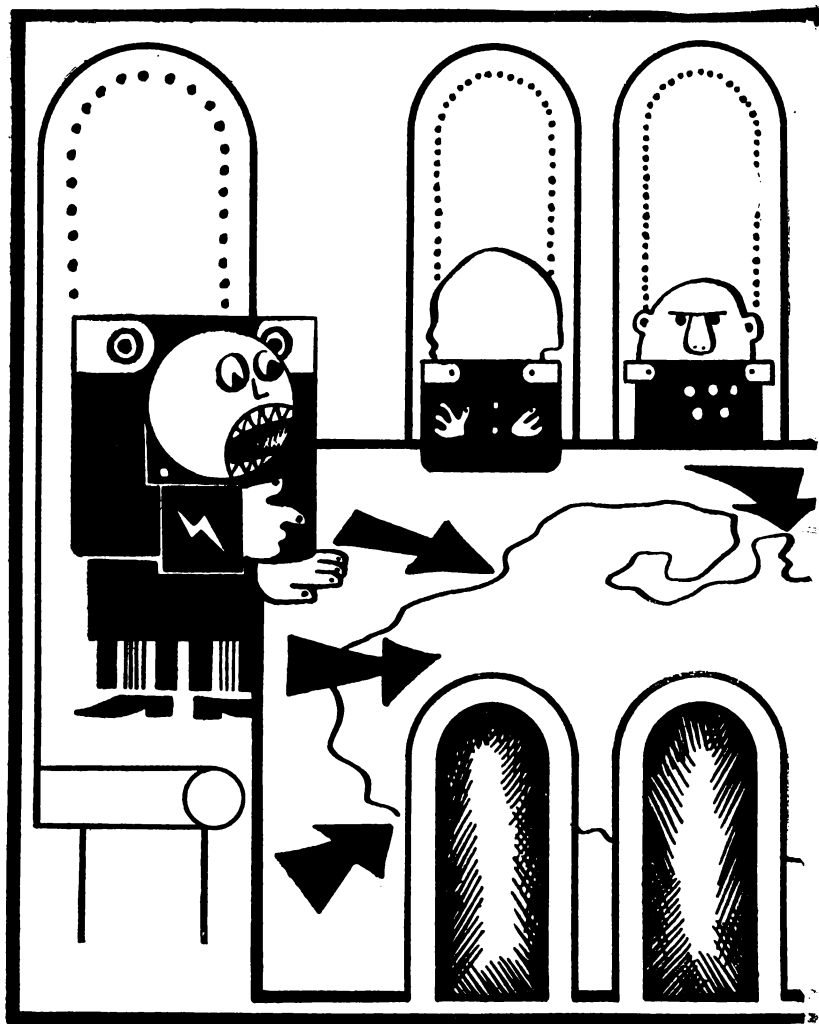
— Мысль любопытная, но невыполнимая! — на весь зал прокричал самый старый генерал. Говорили, что он совсем не спит, чтобы не прозевать начало новой большой войны, и от многолетней бессоницы плохо соображает. — Где же вы найдете такое глупое государство, которое будет спокойно ждать, пока вы перебьете — бах! бах! бах! — всех его детей! И с каких пор детоубийство стало считаться войной!

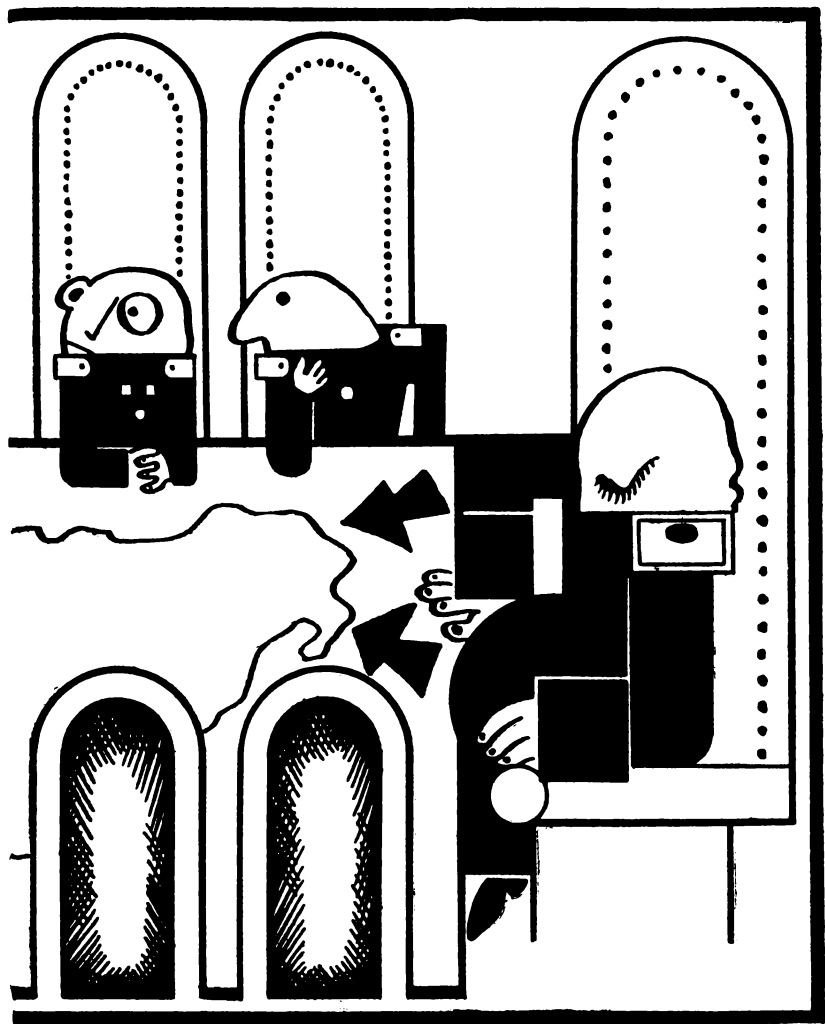
— Мы не будем убивать детей, — сурово объяснил генерал Шито-Крыто. — Они сами уничтожат себя! Себя! Сами! Уничтожат!

Все члены самого Высокого самого Верховного Главногокомандования в изумлении уставились на докладчика, а самый старый генерал неизвестно отчего хихикнул, застыдился своего хихикства и спросил очень ехидно:

— Они... эти... дети... что! Будут кушать друг друга! — Он вскочил и закричал: — Хочу настоящей войны! Не хочу с детишками возиться! Стрелять хочу! Убивать хочу! Бах! Бах! Бах!

— Смысл операции «Братцы-тунеядцы» заключается в следующем! — совершенно громовым голосом продолжал генерал Шито-Крыто. — С момента появления на свет божий, поймите вы это, ребенок не только ребенок, но и будущий солдат или даже генерал, будущий рабочий или ученый, то есть будущий гражданин враждебного нам государства. А так как ни один ребенок об этом, слава богу, не догадывается, то долго валяет дурака. Этим мы и воспользуемся. Наша задача — сделать так, чтобы дети наших врагов росли избалованными, ленивыми, капризными, больными, грязными. Мы добьемся, чтобы они плохо учились, дрались, дразнились, не умывались, слонялись без дела, сквернословили, хулиганили, не уважали старших и обижали младших. Но главная, основная, кардинальная задача нашей операции — сде-

лать детей ленивыми, ибо ленивый ребенок — уже враг своего государства и наш активный, надежный помощник. И мы, шпионы, говорим: да здравствует лентяй — наша опора в борьбе с человечеством! Слава двоечникам и троечникам — нашим друзьям!

Нами совместно с большой группой ученых и разного рода специалистов разработан подробнейший и наидетальнейший план мероприятий, направленных на моральное, а затем и физическое изуродование детей способами массового обленивания-оболванивания. Мы даже осваиваем специальный препарат — балдин. Введение его в кровь ребенка гарантирует развитие в нем, в ребенке, невероятной лени, которая в отдельных случаях приводит к смертельному исходу.

Прошу Самое Высокое Самое Верховное Главнo-командование утвердить план операции «Братцы-тунеядцы», дать мне особейшие полномочия и удесятeрить финансовые ассигнования. У меня все.

— А я так и не понял! — гордо проскрипел самый старый генерал. — Они будут кушать друг друга или не будут? А если будут, то с солью или нет?

— Не исключена и эта возможность, — устало ответил генерал Шито-Крыто. — Мы просто пока не представляем, что же может произойти, когда дети, все дети одуреют от лени. Но совершенно очевидно, что есть друг друга они будут без соли, конечно. Ведь им лень будет солить! Кстати, мы планируем и отдельные случаи детского самоедства.

— Глупо, глупо, глупо! — проскрипел самый старый генерал. — Хочу настоящей войны! Стрелять хочу! Сам! Пулями! Чтобы убивать! Бах, бах, бах, бах!

— У меня возник вопрос, — сказал, медленно поднимаясь, самый мрачный генерал, который в свое время расплакался от бессильной злобы, когда узнал об окон-

чании последней большой войны, и с тех пор ни разу не улыбнулся даже тогда, когда его специально щекотали врачи.— А нельзя ли все-таки скомбинировать действия ваших будто бы бабушек с действиями регулярных войск! Вы врагов — бабушками, а мы врагов — пушками! Я лично детей, конечно, ненавижу. Из них действительно вырастает черт-те что. Но мы военные, мы стрелять хотим!

— Все хотят убивать, но убивать можно по-разному! — раздался громкий радостный голос. Это заговорил самый веселый генерал, известный тем, что не мог без смеха смотреть в кино, как снаряды или бомбы попадают в жилые дома.— Давайте уничтожать хоть детей, хоть людей, только бы со смеху не лопнуть! — И он долго и раскатисто хохотал, держась за живот руками, хохотал, пока не устал.

— Я в восторге от плана операции «Братцы-тунеядцы», — сказал самый молодой генерал. Он еще ни разу не воевал, но зато прочитал все книги на всех языках про все войны.— Стрелять, убивать умеет, извините за выражение, любой дурак. А вы вдумайтесь в глубочайший смысл операции «Братцы-тунеядцы»! У наших врагов после ее выполнения не будет ни солдат, ни генералов, ни рабочих, ни ученых, никого не будет, кроме лодырей, лентяев, тунеядцев и лоботрясов обоего пола! Это же замечательно! Я бы сказал, гениально, но не уверен, что все присутствующие знают значение этого слова. Я всей своей молодой душой за операцию «Братцы-тунеядцы»! Скатертью ей дорожка! Форберст!

С места вскочил, подпрыгнув метра на полтора, самый злой генерал и заорал:

— Глупости, враки, дурь, блажь, чепу-пух-пух-пух-пуха! — И больше он ничего не смог сказать, потому что его трясло от злости.

Слова попросил самый добрый генерал. Он был такой добрый, что ни разу в жизни не ударил сам ни одного солдата: для этого у него были специальные специалисты по битью. Он сам и не стрелял ни разу, лишь приказывал стрелять, да и то нежным голосом.

— Прелестная затея, — сказал он, — совершенно в моем вкусе. Действительно, зачем уничтожать детей? Это — фи! — грубо. Жестоко, наконец. В самом деле, почему бы им самим не съесть друг друга? И неважно, с солью там или без соли, с горчицей или перцем. Это опять же дело вкуса. А о вкусах, как известно, не спорят. Замечательна идея детского самоедства. Очаровательна затея со сверхзаботливыми будто бы бабушками. Ведь известно, что один агент под видом бабушки может в отдельных случаях сделать столько зла, сколько не под силу взводу морской пехоты. И, главное, все тонко, я бы сказал, даже изящно-грациозно. Обеими руками, ни одна из которых ни разу в жизни не ударила ни одного солдата, голосую за операцию «Братцы-тунеядцы»!

Следующим поднялся с места самый глупый генерал, который и генералом-то стал лишь из-за того, что никогда ничего не понимал и поэтому всех слушался, выполнял все приказы, совершенно не разумея их смысла. Он заговорил, с трудом подбирая слова:

— Жареная картошка на вареной муке с детским травматизмом при рекогносцировке. Лени много, а дым идет параллельно в чернильницу атаки левым флангом льготно. Не люблю этих, забыл кого, но во вторник без субботы морские соединения в пояснице. Я голосую без прорыва по фронту фрагментарно.

Встал самый умный генерал. Он был на очень хорошем счету у начальства, потому что никогда ни с кем не спорил и никогда ни с кем не соглашался. Никто никогда не знал, о чем он и что думает и думает ли вообще.

Самый умный генерал встал, постоял, о чем-то и что-то думая, пожал плечами, погрозил кому-то пальцем, улыбнулся, нахмурился и сел.

Долго еще длилось обсуждение. Все уже устали, многие хотели есть, а некоторые хотели и крепко поспать.

Обсуждение затянули адмиралы. Говорили они не так уж и много, но по морской привычке раскачивались после каждого слова по три-четыре минуты, будто у них под ногами была палуба корабля.

Стенографистки мадам-майоры по очереди падали в обмороки от усталости.

— Закругляйсь! — раздалась команда самого главного супер-генерала. — Прения прекра... тить!

Все облегченно вздохнули. Дело в том, что обсуждение было пустой формальностью и ровным счетом ничего не значило. Результат зависел лишь от того, что решит сам самый главный супер-генерал.

— Встать! — снова раздалась команда. — Смирно! Молчать! Слушать! Свое мнение заааа...быть!

В тишине слышно было только, как трясло самого злобо-генерала. Других звуков не было.

Тишина была такая тихая, какая она и должна быть, когда решается судьба всего человечества.

— Утверждаем и одобряем план операции «Братцы-тунейдцы», — сказал самый главный супер-генерал. — Новое всегда пробивает с трудом дорогу даже в шпионском деле. Мы выполняем все просьбы генерала Шито-Крыто, кроме одной. Он просит удесятить финансовые ассигнования, а мы их ушестнадцатеряем. В случае провала операции всей организации «Гроб и молния» во главе с генералом Шито-Крыто — крышка! Разойдись!

Сидя в машине, генерал Шито-Крыто успел поспать, полностью восстановить силы, и в свой огромный кабинет

он вошел бодрым, уверенным, грозным, готовым на любой трудный труд.

— Поздравляю, шеф, с грандиозным успехом! — сказал офицер Лахит.

Генерал Шито-Крыто разрешил себе поспать еще полтора часа и сел за работу. Ему бездельничать было некогда.

**КОНЕЦ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ,
САМОЙ КОРОТКОЙ, НО ЗАТО ЧУТЬ ЛИ НЕ САМОЙ
ВАЖНОЙ В РОМАНЕ**

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,

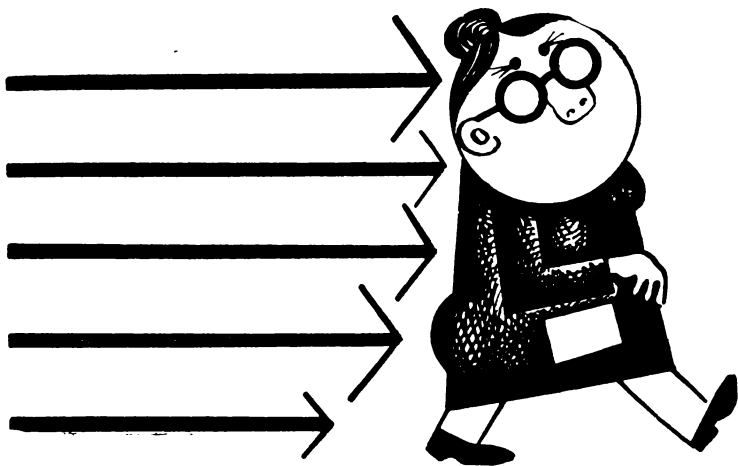
**в которой все продолжает идти своим чередом,
но обстановка усложняется, поэтому название
такое:**

**„ВСЁ
В ЖИЗНИ
БЫВАЕТ“**

Г Л А В А № 32

**БАБУШКА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ФАКТИЧЕСКИ УХОДИТ
ИЗ СЕМЬИ, БРОСАЯ ЕЕ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ**

**МИР И ПОКОЙ ТАК И НЕ
ВЕРНУЛИСЬ В СЕМЬЮ ПРУ
ТКОВЫХ. ТОЛИКА, КАК
ВЫ ПОМНИТЕ, ВЫЛЕЧИЛИ,
ОН СНОВА СТАЛ НОР**

мальным ребенком, а вот с бабушкой Александрой Петровной творилось что-то не очень нормальное.

— Надоело мне бабушкой быть, — часто заявляла она. — Обманули вы меня сто два раза или больше. В няньку при внуке и всей семье превратили. А внук от моих забот хворает всякими опасными болезнями. Значит, вредно ему бабушку иметь. А мне вредно заботливой быть. Буду я отныне и всегда жить своей личной полнокровной жизнью.

И она действительно зажила своей личной и, на первый взгляд, непонятной жизнью, хотя, может быть, и полнокровной. Рано утром, когда семья еще только начинала просыпаться, бабушка уходила из дому и возвращалась довольно поздно вечером.

Первым ощутил последствия такого странного поведения папа Юрий Анатольевич. Он сказал:

— Фактически это уход из семьи. Бросание ее на произвол судьбы. Это чревато тяжелыми результатами.

Собственно, тяжелые результаты личной полнокровной жизни бабушки были уже налицо.

Готовить еду, стирать белье, прибирать квартиру никто, кроме Александры Петровны, толком не умел, а тем более не хотел, да и уметь не собирался.

— Избаловала я вас всех, — говорила теперь бабушка. — И нянкой я у вас была, и кухаркой, и судомойкой, и поломойкой, и прачкой... Хватит!

Какое-то время семья стойко мучилась. Но с каждым днем положение становилось все более напряженным.

Однажды Юрий Анатольевич не выдержал и, дождавшись возвращения Александры Петровны, заговорил, сдерживая справедливое, как он считал, негодование:

— Объясните мне, дорогая Александра Петровна, по крайней мере, причины вашего почти противоестественного поведения. То, что сейчас происходит в нашей семье, называется конфликтом. Обстановка совершенно ненормальна и неприлична. Слушаю ваш ответ.

— Ответ мой будет такой, — сказала бабушка. — В семье у нас не конфликт, а забастовка. Хочу добиться, чтобы все вы стали самостоятельными, независимыми от меня людьми. А то ведь росли вы полутунеядцами, а внук — вообще круглым лентяем. Вот я сейчас много лекций слушаю, раньше-то мне некогда было образованием заниматься. Вчера, например, лекцию для допризывников слушала. За час поумнела! Там гвардии полковник в отставке прямо заявил: хочешь быть настоящим воином, отличником боевой и политической подготовки — научись обходиться без бабушки! Ясно! И еще рассказал гвардии полковник в отставке, что, когда призыв-

ников на место службы привезут, сразу делят: налево тех, которые без бабушки шагу ступить не могут, направо — нормальных. А завтра лекция в Доме политпросвещения, знаете, как называется! «Взрослый человек как результат развития ребенка». Сходим!

— На лекцию можно и сходить, — уныло произнес Юрий Анатольевич. — Вы считаете, что избаловали внука. Хорошо. Но при чем здесь, например, я! Я-то почему без обедов сижу!

— И тебя еще не поздно перевоспитать, — весело ответила бабушка, — и из тебя еще можно сделать самостоятельного человека. Сам себя содержать научишься. Из белоручки превратишься в сильного мужчину.

Мама была до того расстроена, что ничего не говорила, лишь вздыхала через каждые пять-шесть минут.

Зато папа почти непрестанно рассуждал сам с собой на кухне:

— В нашей семье вместо порядка образовался большой беспорядок, потому что раньше у семьи был глава — я. Я осуществлял общее руководство, поэтому готовились завтраки, обеды и ужины, имелось свежее, глаженное электрическим утюгом белье и были другие бытовые удобства. И вдруг бабушка объявляет забастовку, и все летит кувырком. Моих указаний выполнять некому. Как бы мне снова стать главой семьи и убедить бабушку навести в ней прежний порядок!

А Толик размышлял о том, почему бабушка перестала с ним дружить. Ведь какая у них была дружба! Ни с одним мальчишкой он так не дружил, как с бабушкой! Но, к сожалению, он и забыл, что в свое время сам отказался от этой дружбы, когда бабушка хотела с ним вместе шпиона поймать.

— Ты почему со мной больше не дружишь! — спросил ее однажды Толик, и она ответила:

— Дружить я с тобой перестала, чтобы вреда тебе не приносить. Я на все для тебя была готова. За ЦСКА с тобой болела, хотя сердце кровью обливалось, когда у моего любимого «Спартака» выигрывали. А вот что ты, дорогой внук, для меня сделал! Да ровным счетиком ничегошеньки! Шпиона — и то поймал один. Выдающимся человеком без меня стал!

— Так ведь это болезнь была! Серьезная! Опасная!

— И в этом я была виновата. Частично, конечно. И не дружба у нас с тобой была, а лакейство с моей стороны. Проанализировала я свою жизнь и решила: бабушки — тоже люди. И они имеют право жить не хуже внуков и внучек. Как поется в песне: старикам везде у нас дорога. А то растете выдающимися тунеядцами.

Толик ничего не понял. Он просто не мог привыкнуть к мысли, что бабушка способна заниматься чем-нибудь другим, кроме чисто бабушкиных обязанностей.

— А тебе не жалко меня! — спросил он.

— Нет. Я слышала в одной лекции, что жалость унижает человека.

— Пусть унижает! Зато человек нормально жить будет. Ты разве не видишь, как мама устает! А папа вчера со страшным насморком ушел без носового платка!

— А у тебя почти у всех рубашек почти все пуговицы отлетели! — радостно воскликнула бабушка. — Ты пойми: самое последнее дело, когда человек не может без посторонней помощи обойтись! Стыд такому человеку и позор такому человеку!

К ночи, когда окончились телевизионные передачи, папа Юрий Анатольевич собрал на кухне заседание семейного совета.

— Зачем! Я устала. Я спать хочу, — сказала мама.

— Пока я еще почти глава семьи, — гордо произнес папа. — Может быть, я в последний раз глава семьи. Мы

должны принять твердое и разумное единогласное решение, как жить дальше. Ребенок остался без присмотра. Я остался без носовых платков. Вот вам результат бабушкиного каприза, который она называет забастовкой.

— Мы не имеем права заставлять ее работать, если она не хочет,— сказала, зевая, мама.— Она пожилой человек и имеет право отдохнуть. Давайте учиться вести домашнее хозяйство все вместе.

— Великолепно! Великолепно! — очень иронически сказал папа.— Завтра же поступаю на курсы кройки и шитья или на курсы молодых хозяек! Но я, к вашему сведению, экономист, у меня высшее образование и ответственная умственная работа! Почему же я должен стирать, извините, носовые платки!

— Отнеси их в прачечную! — очень раздраженно сказала мама.— У меня тоже высшее образование и ответственная умственная работа! Я воспитываю и учу детей!

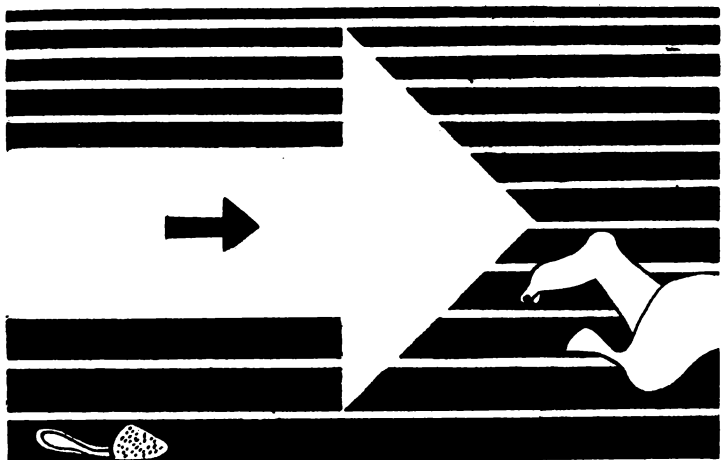
— Значит, выхода нет! — мрачно спросил папа.— Кстати, я не виноват, что меня всю жизнь обслуживали бабушки. В детстве у меня их было две. А сейчас меня бросили на произвол быта. Может быть, мне уйти с работы и выучиться на домработницу? Нет, нет и нет! Надо вернуть бабушку в семью!

Увы, не знал Юрий Анатольевич, не подозревал, что еще дальше-то будет! Ведь забастовка бабушки только только началась...

Г Л А В А № 33

**БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ БАТОН ДАЕТ СОГЛАСИЕ ВЫПОЛНИТЬ
ЗАДАНИЕ ПОЛКОВНИКА ЕГОРОВА**

**ПОЛКОВНИК ЕГОРОВ СБЕ
ЖАЛ ИЗ БОЛЬНИЦЫ, ЗА
ХВАТИВ С СОБОЙ ВСЕ ЛЕ
КАРСТВА, КОТОРЫЕ БЫЛИ
НА СТОЛИКЕ ПЕРЕД ЕГО**

постелью.

(Вот этим поступком он опять поставил меня, автора, в неловкое положение. Если положительные герои ведут себя неправильно, попадает ведь за это, как ни странно, в первую очередь автору! Единственное, чем я могу оправдать моего героя, так тем, что ему было стыдно за свое поведение и нельзя ему было отсутствовать хотя бы один день.)

Перво-наперво надо было решить, какие сообщения посылать в «Гроб и молнию» и что делать со Стрекозой. Сколько времени можно держать ее в мешке!

— Да вы в клетку ее! — посоветовал Батон.— Пользы от нее вам никакой. Она ни слова не выдаст, а при первом удобном случае кого-нибудь загрызет. А генералу Шито-Крыто я бы послал такое сообщение: «Попались

мы, голубчики, из-за вашей любимой Стрекозы. Чувствую себя прекрасно. А вам всем скоро будет крышка. Батон, бывший генерал, ныне счастливый человек». Но если вы, гражданин полковник, хотите доконать Шито-Крыто, попробуйте связаться с офицером Лахитом. Это проныра, каких свет не видел. Кого угодно обведет вокруг пальца и оставит с носом. Обожает денежки.

— Как с ним связаться!

— А что я буду за это иметь!

— А что вам надо!

— Еще по крайней мере два матраца.

— Договорились.

— Очень мерсибо! — Батон весь расплылся в счастливой улыбке.— Я намекну ему, что мы попались, но что я ни о чем не жалею, попрошу, чтобы он принял одного важного гостя, который даст ему возможность неплохо подзаработать.

— Деловой разговор,— насмешливо одобрил полковник Егоров.— То, что мы сообщим Лахиту, не станет известно его шефу!

— Ни в коем случае.

— В чем гарантия, что он не подведет нас!

— В подлости. Лахит — проныра не только по специальности, но и по призванию. У него душа проныры, ум проныры, организм проныры. Ему необходимо проныривать, то есть обманывать, куда-то пролезать, кого-то запутывать. А вы даете ему возможность еще и подзаработать. Когда-нибудь он вас предаст, но не сразу.

— Матрацы вы получите сегодня же. Диктуйте текст сообщения Лахиту.

Текст получился такой:

«Имеем трещину. Питаюсь манной кашей. Привыкла. Ждите дорогой весточки. Ваша до гроба и молнии Стрекозочка».

— Лахит все поймет,— сказал Батон.— С его помощью вы разделаетесь с Шито-Крыто почти запросто. Но ловите момент, когда Лахиту станет выгодно продать вас.

Отпустив Батона, полковник Егоров проглотил несколько таблеток, порошков, пилюль, выпил капли из трех флакончиков и одной бутылочки и спросил дежурного:

— Что госпожа Стрекоза подделывает?

— В мешке, как обычно. Выпускать нельзя: кусается и царапается, спасу нет.

— На что реагирует положительно?

— Изредка на фруктовку. Пищу не принимает.

— Отправьте вот это сообщение. Об ответе доложите немедленно, где бы я ни был.

— Есть, товарищ полковник. Из больницы звонили, требовали, чтобы...

— Спасибо, спасибо. Идите.

Голова болела непрестанно. А работать надо было именно головой. Нельзя же сидеть сложа руки или лежать в больнице и ждать-гадать, чего там замыслил генерал Шито-Крыто. Ведь задание Стрекозы неизвестно, удалось только определить, что она должна была уничтожить БХ-000 и что-то (а что!) сделать с Толиком Прутковым.

Из главного управления советуют: не торопитесь, не спешите, поможем, подскажем. Но полковник Егоров чувствовал, что медлить нельзя.

А если... отпустить Стрекозу? Что она будет делать без рации, без денег, без документов, без оружия? Может быть, она все-таки попытается выполнить задание? Тут мы его и узнаем.

— Товарищ полковник, сообщение от Лахита.

Лахит ответил так:

«Рад за вас. Питайтесь манной кашей. Я ее тоже обожаю. Жду дорогой весточки. Ваш Лахитик».

— Все понятно! — весело сказал полковник Егоров.— Вызовите к восемнадцати ноль-ноль оперативную группу. А сейчас ко мне Батона.

Батон явился заспанный; сев в кресло, шесть раз сладко зевнул, три раза с хрустом потянулся. Он прочитал сообщение, еще раз сладко зевнул, еще раз потянулся, но уже без хруста, сказал:

— Он согласен. Можете посылать к нему человека. Входной пароль: «Перекос карбюратора».

— А пароль для выхода!

— Он меняется три раза в сутки. К Лахиту обращаться по этому вопросу нет смысла. Теперь он согласен иметь дело только с вашим человеком и только на месте.

— Господин бывший генерал! — сказал полковник Егоров. — А если мы пообещаем вам свободу, вы окажете нам еще одну услугу!

— Не нужна мне никакая свобода! — испуганно вскрикнул Батон. — На что мне она! Мне и так нравится.

— А если я переведу вас в карцер!

— За что, гражданин полковник!! Ах, да! Я забыл, что я у вас в плену. Простите, забыл. Слушаю вас.

— Что будет делать Стрекоза, если ей, предположим, удастся убежать!

— Она все сделает, чтобы выполнить задание.

— Почему она интересовалась Толиком Прутиковым!

— Вероятнее всего для того, чтобы обезвредить его.

— А если я предложу вам сбежать со Стрекозой!

— Она же меня изуродует. Ее опасно выпускать. Она же улизнет. Ее никому не поймать. Нет, нет, я отказываюсь! Лучше карцер! Поймите меня и пожалейте меня, гражданин полковник! Я готов делать для вас все, что угодно, но только лежать!

— Лежа! — переспросил полковник Егоров.— А что, если действительно лежа! А! Предположим, вы лежите и умираете...

— Как — умираю! Уже!!

— Я сказал «предположим». Вы лежите, умираете и просите привести к вам вашего командира — младшего сержанта Стрекозу. Вы хотите проститься с ней перед смертью и кое-что ей посоветовать. Мы придумаем, что именно вы посоветуете ей перед своей якобы смертью.

— Страшно. Но я согласен. Лежа я согласен на все.

Батона увели, а полковник Егоров опять проглотил несколько порошков, пилюль и таблеток.

— Соедините меня с доктором Азбарагузом,— попросил он дежурного и вдруг сквозь плотную тупую боль в голове уловил ясную мысль: Стрекозу надо познакомиться с Толиком Прутиковым. Интересно, что она будет с ним делать!

— Товарищ полковник, доктор Азбарагуз уехал в Дом политического просвещения читать лекцию «Взрослый человек как результат развития ребенка».

— Стрекозе сообщите, что Муравей серьезно заболел и, может быть, умрет. В Доме политпросвещения я буду в зале у крайнего правого входа.

В машине полковник Егоров пытался отдохнуть, пытался хотя бы закрыть глаза, но что-то тревожило его, словно он ехал не на любопытную лекцию, а на опасное

ЗАДАНИЕ.

Г Л А В А № 34

**ЛЕКЦИЯ „ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ
РЕБЕНКА“ И ПЕРВЫЕ РЕПЛИКИ ИЗ ЗАЛА***

**ЗАЛ ДОМА ПОЛИТИЧЕ
СКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
БЫЛ НЕ ПРОСТО ПЕРЕПОЛ
НЕН, А ПЕРЕПЕРЕПОЛНЕН.
ПОЛКОВНИКУ ЕГОРОВУ**

Итак, • Взрос Человек КАК Результат Развития Ребенка

пришлось стоять сжатым со всех сторон возбужденными, напуганными бабушками и дедушками, мамами и папами. Много было детей, но они как-то попрятались среди взрослых.

Психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз долго переживал гул зала и заговорил лишь тогда, когда гул утих.

— Меня не удивляет тот факт, — начал ученый, заметно волнуясь, — что на мою лекцию собралось такое значительное количество заинтересованных лиц. Дело здесь, конечно, не в моем более чем скромном научном имени, а в самой теме самой лекции. Итак, взрослый человек как результат развития ребенка. Разработка этой трудной и благороднейшей в своей неблагодарности теме

* Главы № 34 и № 35 написаны специально для взрослых, дети их могут не читать. (Примечание автора.)

я посвятил всю свою сознательную научную жизнь. Как всякое научное открытие, работа моя встретила не только поклонников-сторонников, но и немало разнообразных противников.

Приступаю к изложению своих взглядов на ребенка. У некоторых из нас, родителей, у трех-четырех бабушек и частично у дедушек, неверный, ненаучный и, в конечном итоге, вредный для ребенка взгляд на ребенка.

Примерно ползала возмущенно прогудело.

— Мы все время забываем, — повысил голос Моисей Григорьевич, — что ребенок, пусть самого незначительного возраста, — это уже человек и в недалеком будущем взрослый человек. И если вы зададите мне вполне резонный вопрос: откуда берутся плохие люди, — я очень логично отвечу: в основном из плохих детей. Обычный пример: пятимесячный карапуз стукнул бабушку, простите, по очкам. А что говорит бабушка, как она реагирует на этот насильственный акт?

Из зала раздался восторженный голос:

— Ах ты, шалунишка ненаглядненький!

— Вот именно! — грозно сказал психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбарагуз. — А это вовсе не шалунишка ненаглядненький, а хулиган пятимесячного возраста! Сдачи ему дать надо!

— Это младенцу-то? — хором спросило примерно бабушек сорок.

— Он не только младенец, но и будущий взрослый человек! Бьющий бабушек по очкам в будущем способен и на убийство! Поймите это, иначе — крах воспитательной системы!

Зал вздрогнул.

— Потрясающее наблюдение! Не все двоечники жулики, но почти все жулики — бывшие двоечники! Далее! Почему бабушка в нашем свободном обществе находится почти в рабстве у внука или внучки?

— Это не рабство, а счастье! — крикнула бабушка из последнего ряда.

— Это не счастье, а безобразие! — строго поправил Моисей Григорьевич.

— Детство должно быть радостным и счастливым! — прогремел чей-то дедский голос.

— Не только детство, — ответил Моисей Григорьевич, — но и вся жизнь человека должна быть радостной и счастливой! А вы знаете, кто из взрослых страдает больше других? Как раз те самые, которых избаловали в детстве. Вот что пишет, например, в дневнике Вася Терехин, десяти лет: «Когда родители просят меня что-нибудь сделать, мне хочется умереть!» Далее! Избалованный в детстве и во взрослую жизнь входит совершенно неприспособленным! Повторяю свой первый научный вывод: в недалеком будущем, если мы не примем меры, избалованность и ленивость детей превысит все допустимые нормы, станет социальной проблемой, потребует немедленного разрешения.

— Говорите, пожалуйста, по-русски, — попросила старушка из первого ряда, — а то мне страшно, а вот отчего страшно, я не пойму.

— Я говорю по-научному, — объяснил Моисей Григорьевич, — иначе я не умею, ибо я ученый. Перехожу к самому главному. Что является основным врагом ребенка, врагом номер один?

Зал так притих, словно он был не перепереполненным, а совершенно пустым. Бабушки настороженно вытянули шеи, повернув к трибуне то ухо, которое лучше слышало. Дедушки же, наоборот, втянули головы в плечи, словно ожидая удара. Папы и мамы виновато и ободряюще улыбались друг другу. И даже дети в такой обстановке абсолютно присмирели.

Моисей Григорьевич продолжал:

— Мы, ученые, еще с древнейших времен отвечаем: основной враг ребенка, враг номер один — это лень, *lenia tunejadica*. Я не буду останавливаться на чисто научной стороне данного вопроса. Постараюсь передать его сугубо практический смысл.

Лень особенно страшна тем, что мало кто считает ее заболеванием и, тем более, очень опасным, иногда неизлечимым. Тунеяд-

ство проникает в организм человека неизвестными медицине путями. Последствия таких заболеваний ужасны. Полная или частичная потеря трудоспособности, полная — и особенно часто — частичная потеря умственных способностей. Функциональные расстройства всего организма. Больной Ромашов Алик, тринадцати лет. Привык часами сидеть неподвижно, поджав под себя левую ногу и размышляя о том, как бы и чем бы заболеть, чтобы не идти в школу. Левая нога немеет, но ему было лень заменить ее правой, и постепенно левая нога высохла. Сейчас Ромашов Алик содержится в качестве экспоната в одном научном институте.

Просто невозможно в рамках небольшой лекции хотя бы перечислить разнообразнейшие виды заболевания ленью у детей. В моем научном труде их описано двести шесть.

Задумайтесь над этим! Известно, что сам ребенок часто излечиться от тунеядства не может. Ему требуется большая помощь семьи, школы, всего общества.

Тунеядничество легче предупредить, чем вылечить. Довольно большая группа довольно известных западных ученых утверждает, что человек ленив по природе и практически лень неизлечима. Мы придерживаемся обратной точки зрения! Но мы за то, чтобы взрослые поняли опасность, которую несет с собой заболевание ленью. Все силы на борьбу с ней! Помните: сегодня — милый ленивый карпуз, а завтра, может быть, мягко выражаясь, негодяйчик, которому лень быть хорошим человеком.

Тут все бабушки в зале ахнули, а дедушки возмущенно крикнули. Папы и мамы ободряюще улыбнулись друг другу. Дети удовлетворенно хихикнули.

— Я заканчиваю, — устало сказал Моисей Григорьевич. — Не сомневаюсь в нашей победе. Мы окажем народу огромную помощь, если всеобщими усилиями примемся за полное искоренение лени у детей.

Объявили перерыв. Такой поднялся галдеж, словно учеников двадцати пяти школ одновременно выпустили на большую перемену в один двор.

Полковник Егоров разыскал Моисея Григорьевича, крепко пожал ему руку, проговорил:

— Вы начинаете великое дело. Кстати, для сведения, вам надо знать, что некоторые иностранные разведки начинают готовить агентов прямо-таки чуть ли не с грудного возраста.

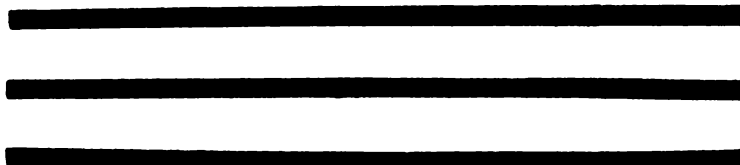
— Вот видите! — с большим жаром воскликнул Моисей Григорьевич. — Шпионы оценили значимость ребенка, а иные бабушки упорно считают своих внуков и внучек лапушками да кисаньками вплоть до призыва в армию или даже во время учебы в институте.

— У меня к вам вопрос. Агенты, которых мы задержали у вас в больнице, не пытались увидеть Толика Прутикова?

— Они за этим и пришли. Но я не разрешил.

— Спасибо, — поблагодарил полковник Егоров. — К сожалению, не имею возможности послушать диспут. Дела. Достанется же вам от бабушек!

— О, РАДИ НАУКИ Я ГОТОВ НА ЛЮБЫЕ МУКИ!

Г Л А В А № 35

ВЗВОЛНОВАННОЕ, ВРЕМЕНАМИ ДАЖЕ НЕРВНОЕ ОБСУЖДЕ-
НИЕ ЛЕКЦИИ М. Г. АЗБАРАГУЗА

КОГДА ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА
МОИСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
ПОЯВИЛСЯ НА СЦЕНЕ, В
ЗАЛЕ СРАЗУ НАСТУПИЛА
КАКАЯ-ТО ТРЕВОЖНАЯ

тишина, прерываемая глухим ворчанием дедушек и вздохами бабушек. Папы и мамы никаких звуков не издавали. Дети с интересом примолкли.

Первой к трибуне взбежала бабушка из первого ряда и торопливо заговорила:

— Ничего я почти не поняла. Ничего я почти не поняла. Значит, лекция плохая. А то, что я все-таки ухитрилась понять, это ужасно. Вредно. Чудовищно! Предположим, всем детям грозит лень. Прекрасно! То есть, наоборот, плохо. Но при чем здесь мы, бабушки?! Вы возвели на нас клевету и напраслину. Пусть это научно, но нечестно!

Все бабушки заулыбались и согласно закачали головами.

— По-вашему, получается, — еще торопливее продолжала бабушка из первого ряда, — что мы воспитываем только лентяев. Но

кто тогда воспитывает, например, Героев Советского Союза? Тоже мы, бабушки!

И под бурные аплодисменты бабушек она гордо села на свое место в первом ряду.

Вторым на трибуну поднялся очень высокий дед с очень короткой бородкой и сказал:

— Хорошо, что наука взялась за бабушек. Они — это действительно большая сила, но и зло тоже значительное. Простой арифметический подсчет наглядно показывает, что на сегодняшний день бабушки пока воспитывают больше лентяев, чем Героев Советского Союза. Шумите, шумите сколько вам угодно! — обратился он к бабушкам в зале. — Истину вам все равно не заглушить! А истина заключается в том, что внуков мы балуем, подходим к ним с заниженными требованиями. Мне известны случаи, когда люди в возрасте

девяти-десяти лет не умеют правильно намазывать масло на хлеб, хотя есть умеют здорово. Я беру на себя обязательство: из двух имеющихся у меня внуков хотя бы одного вырастить настоящим человеком. Чего и вам желаю.

— Я не знаю, зачем нас сюда пригласили? — всхлипывая навесь зал, спросила бабушка из последнего ряда. — Не нужна мне ваша трибуна! Я буду говорить правду со своего места! Зачем нас сюда позвали? Чтобы обидеть нас и наших чудесных, замечательных, удивительных внуков и внучек? А за что? Я считаю, что ребенок должен расти здоровым. Вот моя основная задача. По-вашему же, получается, что ленивый, но здоровый ребенок хуже, чем трудолюбивый, но, извините за выражение, рахитик. Где логика? Может быть, в этом есть наука, но логики нет. — Она помолчала, чтобы унять слезы, уняла их и заговорила дальше: — Я кормлю, родители и школа обязаны

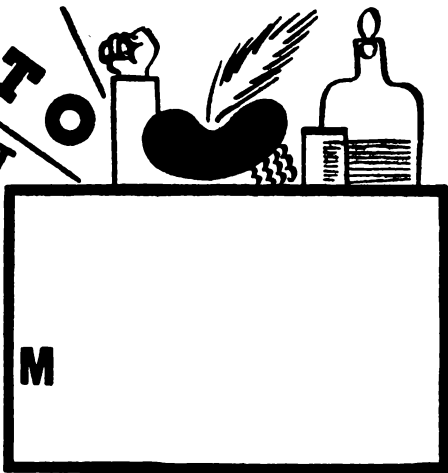

воспитывать. Я обожаю своего внука и не стыжусь этого чувства. В нем, в моем очаровательном внуке, смысл моей жизни. И мне совсем не трудно намазать ему хлеб маслом! Я это делаю с радостью и удовольствием. Лишь бы ел! У меня всё!

— Можно вопрос? — Никто и не заметил, как на сцене оказалась такая маленькая старушка, что ее самой не было видно, а за трибуной виднелась лишь черная шляпка с белым перышком. — Кто тут боится, что мы не умеем воспитывать? Кто тут сеет слухи, что мы выращиваем только лентяев? Наука, оказывается, боится. Вот так новость! А к чему нас наука призывает? По-научному получается, что не будет ленивых детей, зато появятся ленивые бабушки! Интересно, что мы будем делать, если нам запретят все силы и здоровье отдавать детям?

— На заданные вопросы отвечу я! — это заявила бабушка Алек-

КТО
тут СЕЕТ
СЛУХИ
ЧТО МЫ
выращиваем
ТОЛЬКО
ЛЕНТЯЕВ!

на ЗАДАнные

**во
просы**

отвечу

сандра Петровна. Она серьезно прошла через весь зал, поднялась на сцену, встала рядом с трибуной. — Ленивая бабушка — понятие такое же неестественное, как, например, понятие «идеальный ребенок». Я полностью признаю все научные претензии в наш адрес. По-моему, современная бабушка состоит из нескольких частей. Она и нянька, и прачка, и повар, и так далее. Но сколько бы профессий она ни совмещала, своей собственной, личной полнокровной жизни у нее нет. Бабушки годами не ходят в театры, не участвуют в художественной самодеятельности, совершенно не занимаются спортом. Поэтому я дома объявила забастовку под лозунгом: хватит! Не могу я забыть и о том, что своим сверхзаботливым отношением я довела внука до болезни. И вот вам результат моего освобождения: недавно внук научился наливать суп в тарелку совершенно

самостоятельно. Я доведу его до того, что он и варить суп научится! Долой ленивых внуков и да здравствуют свободные бабушки!

Диспут длился до глубокой ночи. Сначала выступали по одному и выходили к трибуне, но затем, чтобы дать возможность выступить всем желающим, стали говорить по несколько ораторов сразу и с мест. Выступали бабушки и дедушки. Папы и мамы долго отмалчивались. Первым из родителей выступил Юрий Анатольевич. Он сказал:

— Не оспаривая научных выводов уважаемого лектора, позволю категорически не согласиться с ним в части бабушек. Нельзя всех бабушек стричь под одну гребенку. Бабушки бывают разными. Я считаю профессию бабушки одной из самых почетных. — Он переждал восторженные аплодисменты и продолжал: — Все мы, родители, со временем превратимся кто в бабушек, кто в дедушек. Сейчас мы

мучимся с детьми, а в будущем нам предстоит терпеть внучат. Но мы же совершенно не подготовлены к тому, чтобы стать полноценными бабушками и дедушками. Словом, во весь рост встает проблема прабабушек и прадедушек. Что я хочу этим заявить? Слава бабушкам и дедушкам, которые еще немало поработают в качестве прабабушек и прадедушек!

Когда все уже совершенно устали и пора было заканчивать прения, на трибуну поднялась учительница Зинаида Петровна. Тут зал примолк.

— Как опытный педагог, — сказала учительница Зинаида Петровна, — я считаю прослушанную мною лекцию совершенно антипедагогичной. Утверждение, что наши дети будто бы находятся в какой-то опасности, нелепо и вредно. Товарищ ученый не знает жизни, оторван от нее. Конечно, встречаются ленивые дети, но в целом-то

наша жизнь прекрасна и удивительна, как сказал поэт. Никто этих слов пока не отменял. И уверять, что наши дети воспитываются неправильно, значит, не быть в курсе работы школы. Мы не против бабушек и дедушек, но нам важнее поднять сознательность родителей. Многие из них не ходят даже на родительские собрания.

В заключение выступил психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич Азбаргуз. Он ответил на многочисленные вопросы и сказал, в частности, следующее:

— Я продолжаю и буду продолжать утверждать, что бабушки и дедушки уже сыграли свою историческую роль в развитии общества и должны уступить дорогу самим детям. Современная наука требует от современного ребенка ранней самостоятельности. Мы работали свод научных рекомендаций, который поможет добиться того, чтобы уже в возрасте трех-четырех лет ребенок был вполне сознательным и самостоятельным. И главное: если мы как можно быстрее не поймем всю опасность наступающей лени, не примем мер для борьбы с нею, наплачемся.

Семья Прутиковых домой шла молча. Толик хотел спать и на каждом шагу спотыкался.

— Интересно, — у самого дома сказал папа, — а что мы будем есть?

— Чаю поьем, — неестественно веселым и громким голосом отозвалась мама. — На ночь есть вредно.

— Знаю, знаю! — сразу рассердился папа. — Утром окажется, что и завтракать вредно! Хорошо еще, что спать не вредно!

— Чаю поьем! Чаю поьем! — уже совершенно неестественно веселым и громким голосом повторила мама. — Пить чай — это очень полезно.

— Особенно без заварки и без сахара, — со смехом сказала бабушка. — Никто ведь не догадался в магазин сходить. А я была занята.

— Уважаемая Александра Петровна, — сквозь зубы выговорил папа Юрий Анатольевич, — вы можете не заботиться обо мне. В конце концов, я вам чужой человек. Но я отец вашего внука!

Я муж вашей дочери! Неужели это не дает мне права потребовать хотя бы стакан чая?!

— Я очень хочу есть, — зевая, сказал Толик. — Мне не уснуть без еды.

— Видите, уважаемая Александра Петровна, до чего вы довели ранее вами любимого внука? — воскликнул папа.

— Ссориться при ребенке непедагогично, — сказала бабушка. — Я вот позавчера в Доме санитарного просвещения слушала лекцию «Ранний склероз у детей». Лектор прямо заявил, что ссоры родителей угрожают ребенку сердечно-сосудистыми заболеваниями. Родите-

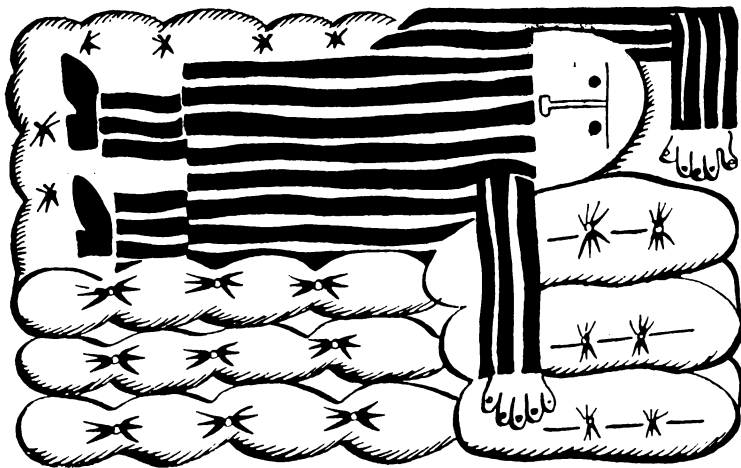
ТЕЛЯМ В ТАКИХ СЛУЧАЯХ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ.

Г Л А В А № 36

ПРОЩАНИЕ АГЕНТА МУРАВЬЯ С МЛАДШИМ СЕРЖАНТОМ

СТРЕКОЗОЙ

**— Я УМИРАЮ, — ЕЛЕ СЛЫШ
НЫМ ГОЛОСОМ СКАЗАЛ
АГЕНТ МУРАВЕЙ МЛАД
ШЕМУ СЕРЖАНТУ СТРЕКО
ЗЕ, КОГДА ОНИ ВДВОЕМ**

остались в камере. — Перед смертью я хочу тебе сообщить кое-что очень важное. Ты можешь отсюда убежать.

— Ври давай больше!

— Перед смертью не врут.

— Все всегда врут! — отрезала Стрекоза. — Что тебе от меня надо, старый фентих!

— Только не ругайся, пожалуйста! — попросил Батон. — Не выношу я этих... слов. Я бы сам сбежал отсюда, но неожиданно оказался при смерти. Если ты хочешь убежать, тебе надо притвориться, что ты заболела.

— А это что такое!

— Ах, ведь ты ни разу не болела. Ну, притворись почти мертвой.

— Дохлой, что ли!

— Ну дохлой, по-вашему. Дыши громко-громко. И кричи: «Ах! Эх! Ох! Юх!» Тебя перевезут в другое помещение. Там и в дороге никого не кусай и не царапай,— объяснял агент Муравей.— Ночью спокойно вылезай в форточку. Охраны почти нет. Дежурные только у ворот. Если вернешься домой, передай моим родителям, что я погиб достойно, хотя и в чине рядового.

— Достойно, достойно! — проворчала Стрекоза.— Подымай и ни о чем не беспокойся. К твоим старикам я не пойду. Ненавижу всех стариков и старух. Откуда же ты, такой глупый, узнал, как можно сбежать!

— Во-первых, я не глупый! — обиделся Батон.— Во-вторых, если ты не перестанешь грубить...

— Смолкни! Скажи спасибо, что я оставила тебя в живых! Как называется то помещение, куда меня перевезут!

— Больница. Главное, больше никого не кусай и не царапай. Ночью вылезай в форточку и — ап! — через забор. И ты на свободе... Но если тебя снова схватят, а я не умру, а сбегу, что мне делать!

Стрекоза пожала плечами, сказала:

— Тебя сюда послали только для того, чтобы ты не вернулся.

— Это же безобразие! — Батон не поленился даже сесть.— Я же бывший генерал! У меня заслуги! Ведь я принимал на работу этого Шито-Крыто! Я, к вашему сведению...

— Хватит! — оборвала Стрекоза.— Никого ты не интересуешь! Последний раз спрашиваю: не врешь?

— Нет.

В камеру вошел полковник Егоров, спросил:

— Поговорили!

— Спасибо, гражданин полковник,— ложась, упавшим

голосом ответил агент Муравей, — спасибо, что разрешили мне перед моей близкой смертью это свидание. Я чувствую, что мой командир — госпожа младший сержант Стрекоза — тоже серьезно болеет.

— Ах! Эх! Ох! Юх! — произнесла Стрекоза.

— О, да она действительно больна! — воскликнул полковник Егоров и приказал: — Немедленно отправить заключенную Стрекозу в больницу! — И, когда ее увели, спросил: — Она согласна?

— Только будьте начеку,— сказал Батон.— Она может улизнуть. Это же не человек, а шпиончик. И вообще, что за типы в нашей организации! Меня, бывшего руководителя, оказывается, послали сюда на верную, запланированную ими смерть. И учтите, господин полковник, что я выполнил еще одну вашу просьбу.

— Это была не просьба, а приказ. Не забывайте, господин Батон, что мы с вами враги. Вы много лет работали против нас.

— Я так работал против вас, что меня разжаловали из генералов прямо в рядовые! — воскликнул Батон. — Если бы так все работали против вас!.. Мне сохраняют три матраца и одиночное заключение!

— Вполне возможно, что суд учтет ваше раскаяние и некоторые заслуги перед нами.

Вздыхнув, Батон погрузился в сон, а полковник Егоров пошел принять таблетки, пилюли и порошки и думать О ТОМ, КАК БЫ ВЫВЕДАТЬ У СТРЕКОЗЫ СМЫСЛ ЕЕ ЗАДАНИЯ.

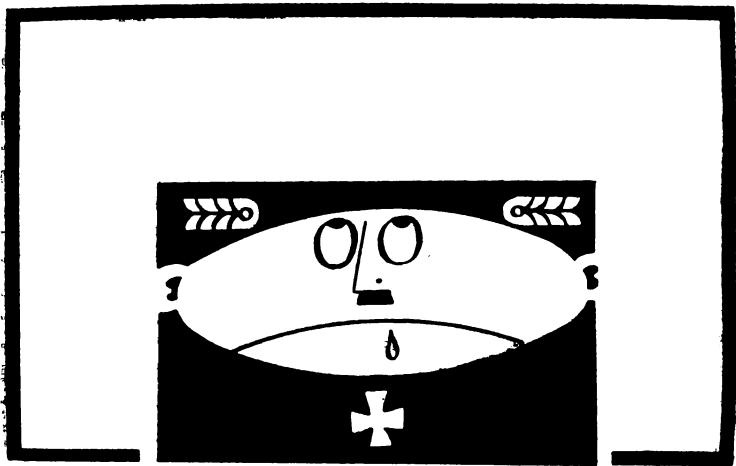
[REDACTED]

[REDACTED]

Г Л А В А № 37

ОТКРОВЕНИЯ ОФИЦЕРА ЛАХИТА СТАВЯТ ГЕНЕРАЛА ШИ-
ТО-КРЫТО В ГРАНДИОЗНЫЙ ТУПИК

**И ХОТЯ ВСЕ ИСПЫТАНИЯ
ВСЕХ ОТРЯДОВ, ГРУПП, ДЕ
САНТОВ И РОТ ОПЕРАЦИИ
«БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ» ПРО
ХОДИЛИ ПО ЗАРАНЕЕ**

намеченному плану, генерал Шито-Крыто был мрачен и зол.

За последние дни он разбил в щепки три дубовых письменных стола, и ему в кабинет поставили огромный чугунный стол на толстых стальных ножках.

Стрекоза опять замолчала, и это было в высшей степени подозрительно. Фон Гадке врал, что очень захворал, не выполнял своего смертельного обязательства, и это тоже было в высшей степени подозрительно!

И генерала Шито-Крыто грыз вопрос: почему он не может все делать один! Ведь никому нельзя верить! На каждом шагу тебя могут обмануть, надуть, предать, продать!

Но еще страшнее, до мурашек по огромной, без еди-

ного волоска голове, был второй вопрос: а можно ли доверять самому себе!! А вдруг предашь самого себя!! Ведь был же случай самодоноса с бывшим генералом Батоном!

В озлобленном, воспаленном воображении генерала Шито-Крыто возникал большой лист бумаги. На нем длинными буквами, его, генерала Шито-Крыто, почерком был написан донос на него, на генерала Шито-Крыто!!!

Лоб покрывался очень холодной испариной, поджилки очень мелко тряслись, сердце очень сильно сжималось от сладкого ощущения нечеловеческой подлости. Еще бы мгновение — и он бросился бы к столу и настрочил бы, что генерал Шито-Крыто есть изменник, предатель и надуватель... Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование сначала бы не поверило своим собственным глазам, а потом бы приказало восхищенно и растроганно:

— Арестовать, расстрелять и поставить памятник! Это первый среди нас самопредатель!

«Уж не болен ли я!» — пронеслось в его похожей на арбуз, футбольный мяч и глобус голове, и он закричал:

— Офицер Лахит, быстро ко мне! Отвечай, не задумываясь: я нормальный или нет!

— Никак нет, шеф.

— Что — никак нет! Я нормальный или ненормальный!

— Так точно, шеф.

— Что — так точно!

— Вы гениальный, а значит, и ненормальный. Что вас беспокоит, шеф!

— Временами мне кажется, что я могу предать... самого себя!

— О, это наше профессиональное заболевание от переутомления! Например, вы читаете слишком много до-

носов. Зачем! Позвольте доносы читать мне, пусть ваша гениальная голова отдохнет хотя бы от них. Зачем вам тратить на пустяки ваше драгоценное время и не менее драгоценное здоровье! — очень лъстиво говорил офицер Лахит.

— Ага-а-ааа! — рывкнул генерал Шито-Крыто. — А тебе можно верить?

— Конечно нет, шеф, — скромно, но с достоинством ответил офицер Лахит. — Верить мне нельзя, но следить за мной можно. Вообще лучше следить, чем доверять.

— Хорошо, занимайся доносами. Как быть со Стрекозой и Муравьем? Ведь если Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование узнает об этом провале, мне несдобровать вместе с тобой.

— Нет, я-то выкручусь, шеф. Обо мне не беспокойтесь. Я думаю о вас. Стрекозу и Муравья надо забыть.

— То есть как это — забыть?

— То есть так — забыть и всё. Вычеркнуть Стрекозу и Муравья из памяти и документов. Как будто их и не было. Значит, и провала не было и быть не могло.

— Но ведь они... были! Может быть, они даже и сейчас есть.

— Уничтожить всяческие о них упоминания, — вкрадчиво советовал офицер Лахит. — Ведь они провалились, это уже ясно, шеф. А раз они не будут значиться в документах, значит, они и не проваливались, значит, вы опять работали безошибочно и беззаминочно.

— Недопонимаю, — растерянно пробормотал генерал Шито-Крыто. — Впервые в жизни недопонимаю... Был ли Батон!

— Не был. Никогда никакого Батона не было, шеф.

— А кто же руководил «Тиграми-выдрами» до меня?

— Главный штаб.

— Ты далеко пойдешь, — устало произнес, опускаясь

в кресло, генерал Шито-Крыто.— До этого даже я не мог додуматься. Однако ты предлагаешь мне не больше не меньше, как исказить историю нашей организации!

— Не исказить, шеф, а подчистить. Подметаем же мы улицы, моем полы, почему бы и из истории нашей организации не убрать... ну, те незначительные факты, которые кого-нибудь раздражают! Отдайте мне приказ, и я всё сделаю.

— Ты...— Генерал Шито-Крыто долго и неуверенно думал.— В общем, подметай! И еще. Припугни фон Гадке! Он медлит.

— Слушаюсь, шеф!

И офицер Лахит выскользнул из кабинета, а генерал Шито-Крыто включил телевизор, пододвинул к себе микрофон и сказал в него:

— Проверяю готовность первой части операции «Братцы-тунеядцы». Докладывайте.

Поворот рычажка — на экране появился старикан с ехидной физиономией и заговорил:

— Шеф, первая рота ворчливых будто бы пенсионеров находится в наиполнейшей боевой готовности. Состав укомплектован, почти обучен, горит желанием действовать в рамках инструкции. Господа офицеры, средние и нижние чины! — скомандовал он. — Выполняйте задачу номер тринадцать. Мальчишки во дворе не хулиганят, не безобразничают, а мирно беседуют, играют в шахматы, поливают цветы. Вы должны детей обидеть, оскорбить, вывести из себя. Начинай!

На экране один за другим появлялись старики и ворчали:

— Хулиганить им и то лень стало!

— Они, видите ли, беседуют! Болтуны!

— Я в их годы сено возил. Отцу помогал...

— Сообщить надо по месту работы родителей!..

Генерал Шито-Крыто выключил телевизор.

Еще месяц-полтора подготовки — и по воздуху, по воде и под водой, по земле и под землей агенты «Гроба и молнии» отправятся на выполнение первой части операции «Братцы-тунеядцы».

Близок, близок заветный день... Но почему так тревожно на душе!

В кабинет прошмыгнул офицер Лахит с криками:

— Шеф! Шеф! Возвращается Стрекоза!

— Прекрасно! Значит, она выполнила задание!

— Не вижу в этом ничего прекрасного, шеф, — растерянно сказал офицер Лахит. — Она не может возвратиться.

— Почему?

— Потому что ее не существует. Я только что уничтожил по вашему приказанию все документы и упоминания о Стрекозе.

— Молчать! — заорал генерал Шито-Крыто. — Ты хочешь меня запутать! Сначала ты убедил меня, что Стрекоза провалилась. Потом ты доказал мне, что надо подчистить историю нашей организации. А сейчас оказалось, что Стрекоза возвращается! Я не верю тебе! Ни единому твоему слову! За левую ногу к потолку тебя!

— Успокойтесь, шеф! — взмолился офицер Лахит. — У вас просто нервное переутомление. Ваш гениальный мозг устал от титанической работы и непрерывной деятельности! Успокойтесь, поберегите себя для великих дел! Не занимайтесь пустяками!

— Ладно, ладно! — грубо остановил его начальник «Гроба и молнии», с трудом сдержав довольную улыбку. — Я чувствую, что ты самым нахальным образом обманываешь меня, но не могу определить, в чем и как.

— Не тратьте зря силы, шеф. Вам это все равно не узнать. Я служу вам, и если иногда вас обманываю, то

для вашей же пользы. Надо решить вопрос со Стрекозой.

— Она выполнила задание. Я должен узнать результаты.

— А если она не выполнила задания?

— Не может быть!

— Все может быть, шеф. Так я отдаю ей ваш приказ: если задания не выполнила, выполняй.

Генерал Шито-Крыто все еще злился, но офицер Лахит смотрел на него таким влюбленным, преданным и верным взглядом, что начальник «Гроба и молнии» сказал уже почти без раздражения:

— Действуй... Но чтоб все было решено в самое ближайшее время!.. Да, кстати. Почему у тебя такой странный чин — офицер? Не лейтенант, не капитан, не майор?

— Видите ли, шеф, я не мелочен. Какая мне разница — лейтенант или майор? Все равно офицер. Я сразу стану генералом.

— А как ты оказался моим помощником? Я вот только сейчас вспомнил, что не отдавал такого приказа.

— Я и не ждал приказа. Когда моего бывшего шефа из генералов разжаловали в рядовые, я сразу перешел в ваш кабинет, первым поздравил вас с генеральским чином и выполнил первое ваше генеральское приказание.

— В таком случае по документам ты не являешься моим помощником?

— Никак нет, являюсь. Однажды, когда у вас было замечательное настроение, я сам напечатал на пишущей машинке приказ, а вы его подписали.

Генерал Шито-Крыто побагровел, затем побелел, потом посинел и, снова став багровым, хрипло спросил:

— Не много ли на себя берешь, нахал, наглец и проходимец? Не метишь ли ты на мое место!

Офицер Лахит с почтением поклонился и ответил:

— Грош цена подчиненному, который не мечтает занять место начальника. Но мечты — это всего лишь мечты. Я служу вам с большой радостью, гордостью и страхом. Я боюсь вас, уважаю, но дурак я буду, если откажусь от возможности занять ваше кресло.

— Мороз по коже от твоей подлости и наглости! А если я тебя сейчас же к потолку за левую ногу!

— Воля ваша. — Лахит очень низко поклонился. — Сейчас вы находитесь в расцвете сил и способностей. Я учусь у вас, стараюсь быть вам необходимым. Сейчас я еще слаб против вас. Можете не волноваться.

Отпустив офицера Лахита, генерал Шито-Крыто с ненавистью подумал: «Хорошая растет у нас смена. Ей пальца в рот не клади, голову отгрызет».

Поспав пять с половиной минут, он отправился на площадку молодняка, которую обязательно посещал ежедневно. Любовь его к шпиончикам все росла и росла, особенно после замечательной победы над фон-гадскими гавриками.

Очень нравилось генералу Шито-Крыто наблюдать за шпиончиками в непогоду. Как-то налетела гроза и буря с дождем и градом величиной с бильярдный шар. Градом убило шесть сторожевых собак, двух солдат из охраны и трех дежурных, а шпиончики отделались только здоровенными шишками.

Генералу Шито-Крыто было радостно смотреть, как мужественно переносят любые муки его воспитаннички.

Когда долго стояла хорошая погода, шпиончиков из пожарных шлангов обливали ледяной водой, а потом обдували мощными ветродуями.

Сейчас в клетках сидела новая партия, поэтому на площадке молодняка стоял сплошной плач и вой.

— Когда первая драка! — заботливо спросил генерал Шито-Крыто.

— Через два дня, шеф, — с гордостью ответил дежурный офицер. — Неплохие экземпляры. Шестеро уже отличились, здорово злы.

— Ночью ни в коем случае не давайте им спать, — ласково посоветовал начальник «Гроба и молнии». — Включайте и выключайте прожекторы, чаще стреляйте, побольше выпустите собак.

— Будет исполнено, шеф!

Невдалеке от площадки молодняка находилось здание шпионской школы. Здесь шпиончики жили уже по-солдатски и учились по восемнадцать часов в сутки. За учебу отметок не ставили. Плохо ответил — получай по зубам или по уху, хорошо ответил — пинок, средне ответил — увесистый подзатыльник. Поэтому все шпиончики были, по-нашему, почти круглыми отличниками.

До глубокой ночи осматривал свои владения генерал Шито-Крыто. Везде был полный порядок, везде шла работа, а вот на душе у него было очень тревожно. Всем своим существом генерал Шито-Крыто чуял какую-то опасность, но не мог определить хотя бы примерно, откуда она исходит. Все нити подозрения сводились к офицеру Лахиту, но, как говорится, уцепиться было не за что. Не имея генерал Шито-Крыто огромной силы воли, умения держать себя в руках, схватил бы он свой огромный письменный стол и запустил бы им прямо в своего помощника, чтоб от обоих — от стола и помощника — ничего не осталось!

А в приемной его и ждал офицер Лахит, и сказал с вызывающе невинным выражением лица:

— Осмелюсь выразить свое предположение, шеф. Дополнительно проанализировав последнее сообщение

Стрекозы, я пришел к глубокому выводу, что оно поддельное. Кроме руки Батона, чувствуется еще чья-то.

От изумления и негодования генерал Шито-Крыто заикался. Его огромная, без единого волоска голова дергалась с такой силой, что он схватился за нее руками, чтобы она не оторвалась от шеи.

— У меня у самого в голове ералаш, — почтительно и очень сочувственно проговорил офицер Лахит. — Мне даже страшновато. Мы с вами оба запутались в чем-то. Предлагаю кардинальное решение: вконец и навсегда Стрекозу и Муравья забыть.

— Подожд... ик!.. ди... ик! Ты... ик!.. Про... ик!.. ны... ик!.. ра... ик!

— Совершенно с вами согласен, шеф. Только зря вы так сильно реагируете на события. Вам просто надо отдохнуть. Вы не спите уже полторы недели. Ваша гениальная голова устала.

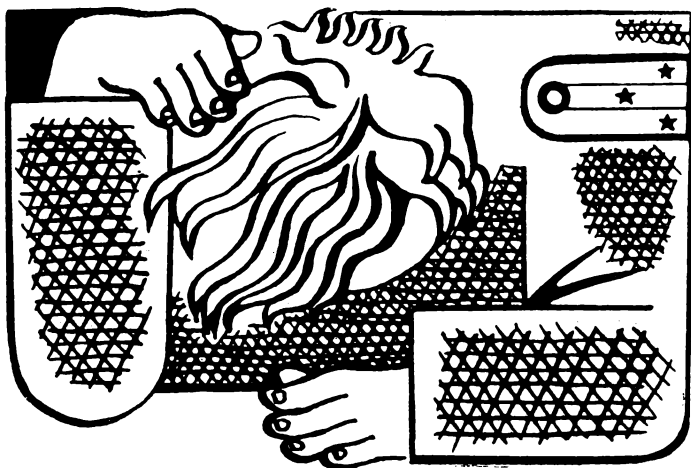
И голова генерала Шито-Крыто постепенно затихла, перестала дергаться, и он захрапел.

А офицер Лахит, глядя голову своего гениального начальника, неторопливо читал лежащие на столе секретные бумаги, одну из них спрятал в карман и лишь тогда вынырнул из кабинета.

Г Л А В А № 38

АГЕНТ БУГЕМОТ ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ТОЛИКА ПРУТИКОВА

**ГОЛОВА У ПОЛКОВНИКА
ЕГОРОВА ПРЯМО РАСКА
ЛЫВАЛАСЬ ОТ ТУПОЙ НЕ
ПРОХОДЯЩЕЙ БОЛИ. ТАБ
ЛЕТКИ, ПОРОШКИ, ПИЛЮ**

ли и капли уже не помогали, не приносили никакого, хотя бы кратковременного облегчения. Он, конечно, понимал, что надо немедленно лечь в больницу, но еще яснее он понимал, что лечь в больницу у него нет даже сотой доли возможности.

Вот Стрекоза находилась в больнице. Здесь все было готово к ее побегу, даже шарниры у форточки смазали, чтобы скрипом не спугнуть агента.

И если бы полковник Егоров не обладал привычкой все всегдашний раз обдумать, то еще неизвестно, что бы получилось из задуманного. Поначалу план побега Стрекозы казался заманчивым, а теперь настораживал. Предположим, Стрекоза разыщет Толика Прутикова, а дальше! А если у нее задание обезвредить его!

Возник вопрос: что делать, если шпион тебя запутал! Ответ получился такой: надо запутать шпиона.

— Приготовьте мешок, — сказал полковник Егоров, — и дайте мне с собой двух парней покрепче. Кто знает, чем Стрекоза не шутит!

Далее он рассуждал следующим образом. А нельзя ли Стрекозе вместо Толика Прутикова показать просто человека невысокого роста! Например, агента из диверсионной группы «Фрукты-овощи» Бугемота! А! Он коротышка, пусть и толстый. Зачем рисковать жизнью мальчика! Лучше будет, если шпионы станут сами бороться со шпионами!

Бугемот явился, как всегда, мрачный, как всегда, не поздоровался и, как всегда, начал жаловаться:

— Ядохну от скуки, гражданин полковник. На допросы вызывают редко. Допросы короткие. Я давно переловил в камере всех мух. Прикажите напустить ко мне всяких насекомых! Я бы с интересом их ловил и не скучал.

— Есть работа, господин Бугемот. Займетесь от нечего делать!

— Если я согласен мух ловить, так зачем мне от работы отказываться! Я, конечно, имею в виду работу по специальности, а не дрова колоть или землю копать.

— Вы помните Толика Прутикова!

— Еще бы!

— Мы задержали одного из ваших шпиончиков — Стрекозу.

— Гражданин полковник! — Бугемот очень обиделся. — Почему многие люди принимают меня за дурака! Неужели вы могли поверить, что я поддамся на такой глупый обман! Стрекозу невозможно поймать. Ее на площадке молодняка боялись не только дежурные солдаты, но и сторожевые псы.

— И тем не менее мы ее задержали. В этом вы убе-

дитесь сами, если знаете ее в лицо. Стрекоза прибыла к нам, чтобы обезвредить БХ-три нуля и разыскать Толика Прутикова. Зачем он ей понадобился, мы точно не знаем. Мы организуем вам встречу, вы назовете себя Толиком Прутиковым, а мы посмотрим, что из этого получится.

— А что я буду за это иметь?

— А в чем вы нуждаетесь?

— Чтобы хоть на допросы чаще вызывали и подольше спрашивали. А то скука смертная.

— Договорились. Значит, действовать будем так...

У входа в комнату, где лежала притворявшаяся больной Стрекоза, остался полковник Егоров с двумя товарищами, один из которых держал наготове мешок.

Бугемот с бутылкой фруктовой воды вошел в комнату, где было полутемно, и мрачно сказал:

— Пей.

Стрекоза схватила бутылку и не оторвалась от горлышка, пока не выпила все.

— Слушай, — прошептал, как его научили, Бугемот, — меня зовут Толик Прутиков.

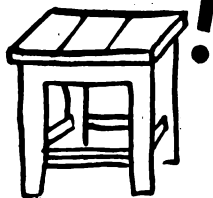
А у полковника Егорова в этот самый момент в голове как будто что-то разорвалось, и на мгновение он оглох, но уже в следующее мгновение рванул дверь на себя.

Стрекоза душила Бугемота. От неожиданности тот вытаращил глаза, раскрыл, задыхаясь, рот и не сопротивлялся. Полковник Егоров оторвал Стрекозу от Бугемота, отшвырнул ее в сторону. Бугемот рухнул на пол.

И тут полковник Егоров совершил ошибку, едва не стоившую ему жизни. Вместо того, чтобы броситься за Стрекозой или хотя бы занять оборонительную позицию, он нагнулся к упавшему на пол Бугемоту.

И тут же Стрекоза ударила полковника Егорова табуреткой по голове. И только тогда подросли его помощ-

МУРИР,
ПРО
ВОКТ!

ники, засунули кусавшуюся и царапавшуюся Стрекозу в мешок и крепко-накрепко завязали.

Полковник Егоров стоял и виновато и удивленно улыбался, ощупывая голову, из которой без следа выскочила боль. Говорят, что клин клином вышибают. Неизвестно, насколько это верно по отношению к медицине, но факт остается фактом: от удара голова разболелась — от удара и вылечилась. Раздумывать над этим было некогда.

Бугемота усадили, дали понюхать нашатырного спирта, агент чихнул одиннадцать раз и мрачно сказал:

— Не завидую я Толику Прутикову. Хорошо, что шея у меня толстая, а то бы..

— Пока с ней бесполезно разговаривать, — сказал полковник Егоров, с удовольствием поглаживая голову, словно разыскивая, где могла спрятаться недавняя боль.

— Авэк доминг риголетто! (С кем тебя забросили!) — поинтересовался Бугемот, наклонившись к мешку.

— Саркофиго! (ругательство) — донеслось оттуда. — Мурир, провокт! (Умри, предатель!)

— Пока с ней бесполезно разговаривать, — сказал полковник Егоров, — да к тому же она вне себя от злости. Отправьте ее на место.

— Гражданин полковник, а гражданин полковник, — проворчал Бугемот, — если еще потребуется кого-то бить, душить или ломать, я к вашим услугам, Бейте, душите, ломайте меня. Мне это интересно.

— Учтем.

Радость, подобно беде, не приходит одна. Сегодня разрешили свидание с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. В больницу к нему и отправился полковник Егоров. Врачи очень удивились, когда узнали, каким оригинальным способом он вылечился. Но главный врач подумал и глупо-бокомысленно заключил:

— Все в жизни бывает. Она исключительно разнообразна.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк, выслушав новости, сказал:

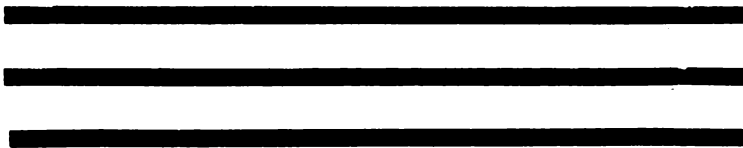
— Конечно, Шито-Крыто мстителен до предела. И все же у Стрекозы есть еще какое-то задание. Срочно высылайте агента к фон Гадке. Его встреча с Шито-Крыто наверняка закончилась тем, что один из них надул другого. Скорее всего досталось фон Гадке. Тогда можно его использовать.

— Спасибо, — поблагодарил полковник Егоров. — Скорее выздоравливайте. Время не терпит. Как только подлечитесь, сделаем вам пластическую операцию лица.

— Обещайте мне, — попросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — перед моим отбытием в «Гроб и молнию» рыбалку на так называемых утренней и вечерней зорьках. Я каждую ночь вижу во сне поплавки.

— Я обещаю вам рыбалку перед отправкой на задание и много рыбалок после благополучного возвращения, — сказал полковник Егоров, а, садясь в машину, подумал: «Да, все в жизни бывает. Она действительно исключительно разнообразна».

КОНЕЦ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ,

в которой происходит много серьезнейших событий, из них в название вынесены два:

**„НЕВЕДОМЫЙ
препарат
балдин“**

и

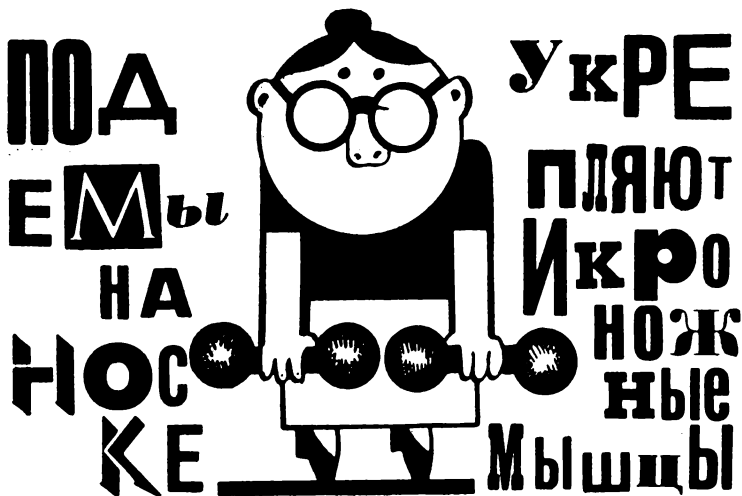
**„Визит
бывшего БХ-000,
а ныне
Бокса-Мокса,
в „Гроб и молнию“**

Г Л А В А № 39

НОВАЯ БОЛЕЗНЬ ТОЛИКА ПРУТИКОВА — ОПЯТЬ ЗАГАДКА

ДЛЯ МЕДИЦИНЫ

**БАБУШКА АЛЕКСАНДРА
ПЕТРОВНА ОСВАИВАЛА УС
ЛОЖНЕННЫЙ КОМПЛЕКС
УТРЕННЕЙ ЗАРЯДКИ С ГАН
ТЕЛЯМИ.**

— И-и-и раз! И-и-и два! — командовала она самой себе. — И-и-и три! — Запыхавшись с непривычки, надевала очки и вслух читала припиленную к стене вырезку из журнала: — Упражнение пятое... так-так... гантели в опущенной руке... подъемы на носке... укрепляет икроножные мышцы, улучшает форму голени... Прекрасно, продолжаем... И-и-и раз!

Папа Юрий Анатольевич жег в кухне колбасу на сковороде и привычно ворчал:

— Это не многогабаритная квартира со всеми удобствами, а крупногабаритный сумасшедший дом без всяких удобств и обслуживающего персонала. Скоро, по всей вероятности, бабуся займется штангой.

Он очень изменился за последнее время: похудел,

часто был небрит, перестал носить галстуки, ходил в неглаженных рубашках, мятом костюме; на висках от переживаний появилась седина. Он суетился и ворчал, и ворчал, и ворчал о том, как трудно жить в обстановке неуважения и сплошных бытовых неудобств. Вечерами Юрий Анатольевич пил чай с хлебом и вслух читал «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Мама чуть не плача стирала белье, а Толик учился гладить. За короткий промежуток времени они сожгли уют и стиральную машину. Мама тоже изменилась: похудела, постарела, потому что, как она говорила, хронически недосыпала.

Зато бабушка Александра Петровна словно помолодела. На городских соревнованиях пенсионеров она заняла второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров. Ей вручили посеребрённую медаль, диплом и букет цветов.

— Финишный рывок у меня плохо отработан, — озабоченно объяснила она Толику. — Тренироваться надо больше. Впереди — областные соревнования. На них я рассчитываю выступить лучше. Смущает одно — проблема свободного времени.

А Толику время, прямо скажем, девать было некуда. В пионерский лагерь он опоздал из-за болезни, в деревню бабушка ехать отказалась, а сам себе найти занятие он не умел, весь день ждал, когда можно было включить телевизор.

Бабушка же не знала ни минуты покоя, особенно когда записалась в народную дружину.

Однажды утром, когда бабушка занималась гантельной гимнастикой, папа хрустел на кухне горелой колбасой, а мама торопливо складывала вещи в чемодан, чтобы ехать в санаторий «подалее от этого ада», как она сказала, Толик не встал с постели.

— Ты поосторожней лежи-то, — посоветовала бабушка, — а то опять долежишься до болезни какой-нибудь.

— Странно у нас получается, — сказал внук, — всем ты помогаешь с утра до позднего вечера, а на родную семью ноль внимания.

— Раньше я приносила пользу одной только нашей родной семье, а сейчас приношу пользу обществу и себе, — ответила Александра Петровна, отдыхая после зарядки. — Раньше я была всего-навсего бабушкой, а теперь я, можно считать, общественный деятель. Вот сейчас мы впервые в стране, да и во всем мире, организуем комитет по работе с ленивыми детьми. — И она ушла принимать холодный душ, а потом и вообще ушла из дома.

Мама чмокнула сына в щеку, сказала:

— Вот я отдохну, подлечусь и смогу заменить вам бабушку. Не болей, долго у телевизора не сиди, слушайся папу, отвечай на мои письма аккуратно.

Оставшись один, Толик решил серьезно подумать о своей жизни и обязательно что-нибудь придумать. Конечно, хорошо бы вот так проваляться весь день в постели с книжечкой в руках. А завтра — что! Тоже вот так проваляться весь день в постели с книжечкой в руках!

А послезавтра!

А послепослезавтра!

Уж если говорить честно, то неплохо бы вот так и жизнь прожить — назло бросившей его бабушке. В этом нет ничего плохого. Одному нравится бегать, другому нравится прыгать, третьему — еще что-нибудь нравится, а Толику полежать приятно.

Но лежать нельзя. Лень развезет. Он тяжело вздохнул, закрыл глаза и перевернулся на спину. Во всем бабушка виновата! Ее сейчас и бабушкой-то назвать нель-

зя. Пусть она гордится, что стала общественным деятелем, но пусть ей будет стыдно за то, что она перестала быть нормальной бабушкой. Она второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров занимает, а внук с горя все себе бока отлежал.

А тут еще есть захотелось. Раньше-то, бывало, еще и есть не хочешь, а бабушка уже всюю гремит на кухне кастрюлями и сковородками.

Тогда — что же получилось! Значит, он без бабушки, как ноль без палочки! Значит, действительно у нее личная полнокровная жизнь, а у него — пустота в желудке!

Нет, он сам сейчас загремит кастрюлями и сковородками! Не такое уж это сложное дело!

Вскочив с постели, Толик бросился на кухню, включил газ, насыпал в кастрюлю картошки и поставил на плиту.

— Сами прокормимся! — жалобно крикнул он. — Еще как прокормимся! — еще жалобнее крикнул он.

Неожиданно ему стало весело. В самом деле, сколько можно зависеть от бабушки! И вообще зачем от кого-то зависеть, когда сам не дурак и кое-что умеешь делать! Вот если бы еще знать, как жарят картошку, да еще с мясом или хотя бы с колбасой, тогда бы ему и горевать не о чем! Но и вареную картошку тоже есть можно.

Не подумайте, что Толику очень уж хотелось заниматься всякими домашними делами. Ничего хорошего он в них, как всякий избалованный мальчишка, не видел. Но в Толике проснулся, как говорится, настоящий мужчина, то есть человек, который не боится никаких трудностей, не растеряется в любой обстановке, всегда найдет себе дело и ни от кого не зависит даже в мелочах.

Чтобы стать настоящим мужчиной, — а это дано далеко не каждому, — надо учиться все делать самому, и от

этого будешь таким сильным, что людям рядом с тобой жить станет легче, потому что они могут всегда надеяться на твою помощь.

Однако настоящий мужчина проснулся в Толике ненадолго, минут этак на одиннадцать-двенадцать, потому что быть настоящим мужчиной очень и очень нелегко.

А зачем есть вареную картошку? Ее же еще и чистить надо. Не лучше ли поваляться в кровати, подождать папу; а он здорово умеет готовить горелую колбасу!

Тем более, в кармане своего пиджака Толик обнаружил шоколадную плитку под названием «Стрекоза и Муравей». Восторженно ойкнув, он тут же проглотил неожиданную находку и стал думать: откуда могла оказаться у него шоколадка?

Тут ему стало лень думать, он с трудом добрался до кровати и лег еле дыша. Организм его изо всех сил с чем-то боролся. Толик хотел пошевелить рукой, но не смог. Что-то проникло ему не только в головной и спинной мозг, но даже в пятки.

К счастью, в это самое время вернулась бабушка. Едва взглянув на внука, она сразу почувствовала недоброе и торопливо завспоминала правила оказания первой помощи. Ах, да! Надо сделать искусственное дыхание!

Александра Петровна стащила внука на коврик, подложила подушку и уверенными, тренированными движениями стала сгибать и разгибать внуку руки.

— Раз, два! Раз, два! — сама себе командовала бабушка. — Раз, два! Раз, два! Дыши, голубчик, дыши! Раз, два! Раз, два! Ротик-то раскрывай! Вот так! Так вот!

На щеках внука появился слабый румянец.

— Глазки открой! Глазки открой! — командовала бабушка уже не самой себе, а Толику. — Вот так! Так вот!

И Толик открыл сначала один глаз, затем второй и очень тихонько попросил:

— Отстань...

— Спасать тебя надо, дорогой, спасать, а от чего спасать — сама пока не знаю!

— Оставь меня в покое. — И Толик закрыл сначала один глаз, затем и второй.

Бабушка взвалила внука на спину, сама себе командовала:

— В областную психиатрическую больницу как можно быстрее бегом марш!

Конечно, все прохожие во все глаза глазели на бегущую по улице бабушку, на спине которой висел внук. Один милиционер на всякий случай, для порядка, даже посвистел в свой свисток и стал смотреть в другую сторону, где ничего особенного не происходило.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич помог Александре Петровне поднять внука на четвертый этаж, спросил:

— Чего опять с выдающимся человеком приключилось! На сей раз у него хоть вес внешней раздутости соответствует. В кого он у вас такой болезненный! Мало, мало применяем мы методы физического воздействия на организм. Мой, ныне, правда, покойный, папаша возьмет, бывало, ремень и ласково так спросит: «Ну, чем болеть собираемся!» И использует этот ремень по назначению. И все дети здоровыми выросли, все в люди вышли. Я вот до старшего санитара дослужился.

— Никогда бы на такое изуверство не пошла. Не для того дети на свет появляются, чтобы их ремнем калечить.

— Зачем же калечить! — возмущился старший санитар Тимофеей Игнатьевич. — Профилактика. Предупреждение. Закалка организма. Повышение его сопротивляемости самым различным заболеваниям.

Увидев Толика, психоневропатолог Моисей Григорье-

вич Азбарагуз всплеснул руками, потом ими же схватился за голову, помолчал и сказал:

— Это организм или судьба! Я только что закончил научное описание его последнего заболевания и выздоровления... Быстро анализ крови, температуру и самый возбуждающий укол! Быстро, быстро, срочно, срочно! На всякий случай — кислородные подушки! Это же лень! Типичная лень!

— Лень! — растерянно спросила бабушка Александра Петровна. — Откуда! Не может быть! Ни за что не может быть! Я же его на самостоятельный путь развития перевела. Я по вашей научной теории действовала, в которую глубоко поверила!

— Я расстроен не меньше вашего, Александра Петровна, если не больше. Мы так мало знаем о причинах возникновения лени и способах ее лечения, что на каждом шагу нас подстерегают все новые и новые загадки. Будем лечить. Изучать. Экспериментировать. Наблюдать.

— И на сколько вы это растянете!

— Намеренно никто ничего тянуть не собирается. Но болезнь вашего внука почти совершенно не известна научному миру. Излечить человека от лени — это вам не зуб удалить.

— Я же в точности следовала вашим указаниям, — продолжала сокрушаться бабушка. — А что получилось! Ведь если бы я осталась нормальной бабушкой, а не пошла бы в общественные деятели городского масштаба, внук-то бы и не заболел, может!

— В принципе моя научная теория у меня лично не вызывает сомнений, — строго и обиженно сказал Моисей Григорьевич. — Вполне возможно, что очередная болезнь Толика — очередная научная загадка. Вот и будем ее разгадывать.

— Загадка или болезнь!

— И загадка, и болезнь. Вы слишком просто, то есть очень упрощенно, смотрите на клиническую действительность. Напомню вам старую, но вечно справедливую и глубокую истину: болезнь легче предупредить, чем излечить. Особенно это относится к заболеваниям, связанным с ленью. — Было похоже на то, что Моисей Григорьевич или начинал сердиться, или готовился прочесть научную лекцию.

На самом же деле он настороженно и обеспокоенно поглядывал в сторону старшего санитаря Тимофея Игнатьевича, который уже несколько раз открывал рот, пытаясь что-то сказать, но каждый раз Моисею Григорьевичу удавалось сдержать своего ретивого сотрудника.

Однако стоило доктору лишь на мгновение остановиться, как раздался нудный, недовольный голос.

— Я, конечно, очень крупно извиняюсь, — решительно вступил в разговор старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Но ведь человек я здесь не посторонний. Прислушайтесь хоть раз к моим мыслям. Не такие уж они глупые. Жизненным опытом проверенные. Почему бы вам этого парня хоть раз не выпороть! Без злобы ведь, не от жестокого сердца, а в чисто медицинских и научных целях это я предлагаю. Прозэкспериментируйте, вреда не будет. Своей судьбой гарантирую положительный результат.

— Современный ребенок, — раздраженно ответил Моисей Григорьевич, — к порке относится сугубо отрицательно. А тут еще серьезнейший случай опаснейшего заболевания. Не исключен и самый ужасный исход.

— Мне остается в прессу, то есть в печать, обратиться, — пригрозил старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Придется описать положение дел. Так, мол, и так: не приветствуют у нас новое в медицине.

— Пишите куда хотите и что хотите, — отмахнулся

Моисей Григорьевич. — Кстати, порка — это довольно древний метод.

— С чего бы это у него! — всхлипывая, спросила бабушка.

— Прямо скажу: не знаю. Еще прямее скажу: я просто обескуражен.

И если бы в последнее время бабушка не занималась спортом, то сейчас бы она обязательно упала в обморок, причем очень глубокий.

— Что же делать-то! — собрав всю силу воли, спросила она.

— Верить в науку, — ответил Моисей Григорьевич, — в ее безграничные, хотя до конца и не раскрытые возможности.

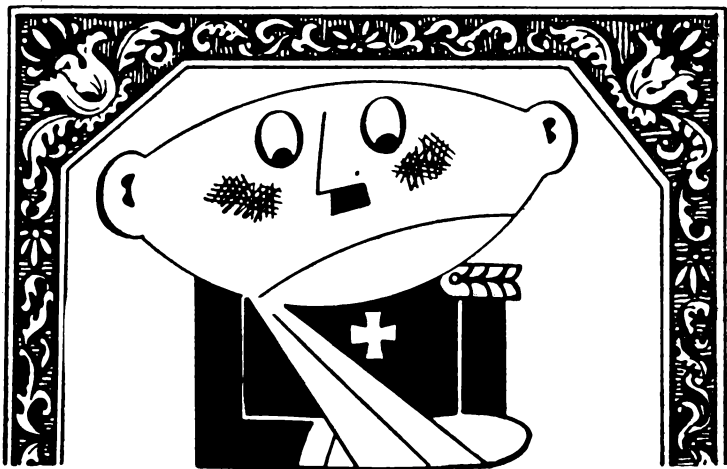
НАУКА СДЕЛАЕТ ВСЕ, ЧТОБЫ СПАСТИ ТОЛИКА.

Г Л А В А № 40

НА СЛУЖБЕ У ФОН ГАДКЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ФОН ХЛИПKE

ГОСПОДИН ОБЕРФОБЕР
ДРАМХАМШНАПСФЮРЕР
ФОН ГАДКЕ ОЧЕНЬ ХВО
РАЛ. ОН ОЧЕНЬ ЗАХВОРАЛ
СРАЗУ, КАК ВЕРНУЛСЯ

от генерала Шито-Крыто. Ведь впервые не фон Гадке обманул, а фон Гадке обманули. Как говорится, вор у вора дубинку украл да еще язык показал!

В бессильной ярости фон Гадке ударил по своему отражению в огромном зеркале. Зеркалу хоть бы хны, а кулачок, как говорится, вдребезги. Но ярость фон Гадке не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась в два с половиной раза.

Если вы помните, господин оберфобердрамхамшнапсфюрер путал правое и левое, и вот вместо левой ручки (черная перчаточка) пустил в ход правую (белая перчаточка) и искалечил ее (не перчаточку, конечно, а ручку).

«Как же я теперь буду есть! — в ужасной тревоге по-

думал он. — Я же не умею есть левой! А может, я разбил именно левую ручку! Как бы узнать!»

Внезапно он со страшным испугом обнаружил, что путает не только правое и левое, но и черное и белое!

В головке у него все перемешалось, ничего не мог он понять. Его тут же отвезли в госпиталь, сразу же положили на операционный стол, и пришлось ему (не столу, а фон Гадке) стонать и ругаться от диких болей.

Новый его адъютант (прежний угодил в тюрьму, потому что подал фон Гадке вместо ложки вилку), молоденький офицерик фон Хлипке сказал по дороге из госпиталя:

— В следующий раз, господин оберфобердрамхамшнапсфюрер, когда вами овладеет бессильная ярость, обращайтесь ко мне. Я ударю по зеркалу. Я разобью свой кулак. Ваш кулачок дороже вам и командованию, чем мой.

— Не понимаю, — признался фон Гадке, с тоской и любовью глядя на свою искалеченную руку в тяжелой гипсовой повязке. — Не понимаю и не соображаю, о чем ты болтаешь.

— Когда вами овладеет бессильная ярость, — услужливо и терпеливо повторил фон Хлипке, — вы подбегаете к зеркалу, замахиваетесь своим кулачком, а я ударяю по зеркалу своим кулаком. У вас пройдет бессильная ярость, а кулак разобьется мой, а не ваш, драгоценный.

— Но зато разобьется зеркало!

— Но зато пройдет и бессильная ярость.

— Мозги у тебя варят неплохо, — подумав несколько минут, сказал фон Гадке. — А откуда ты взялся! Кто ты такой!

— Меня прислали из Центрхапштаба по личному распоряжению господина барона Барана. Я очень услуж-

лив, я сделаю вашу жизнь почти райской. Мне это не трудно! Ведь вы для меня почти бог!

— Ну, это ты, хе-хе, загнул! А вот как я буду есть, отвечай!

— О, я вас прекрасно покормлю, дорогой мой господин оберфобердрамхамшнапсфюрер!

И действительно, фон Хлипке до того ловко кормил фон Гадке, что тому оставалось только рот открывать, жевать и глотать.

Наевшись, он почувствовал себя куда лучше прежнего, с удовольствием переваривал обильную пищу, спросил почти ласково:

— Где это ты научился так кормить!

— У нас была большая семья, а я в ней старший из детей, — объяснил фон Хлипке. — И кормить всех братьев и сестер с ложечки пришлось мне. И вообще в смысле услуг начальству я умею делать все. А если чего и не умею, то быстро научусь. — Фон Хлипке склонился и прошептал: — Я приставлен к вам, чтобы следить за вами.

— Цвайбилд! — очень крепко выругался фон Гадке. — А на каком таком подозрении!

— Вам давно перестали доверять в Центрхапштабе, — предельно ласково шептал фон Хлипке, в три погибели согнувшись в услужливом поклоне перед фон Гадке, — особенно с тех пор, как вы побывали у генерала Шито-Крыто. Есть подозрение, что вы вступили с ним в предательскую сделку.

— Драйбилд! — еще крепче выругался фон Гадке.

— Скоро состоится решение о том, чтобы отобрать у вас ваши кадры и передать их более молодому и, пардоньте, более умному специалисту.

— Фюрбилд! — совсем крепко выругался фон Гадке. — Это проделки барона Барана! Он всегда завидовал мне!.. А почему ты откровенен со мной! Ведь я могу пре-

дать тебя! Со всеми твоими фон-хлипскими печенками, почками и селезенками!

— Вряд ли вы это сделаете. — Фон Хлипке еще ниже и еще услужливее склонился перед ним. — Мне гораздо удобнее выдать вас, но я этого никогда не сделаю. Давайте работать вместе назло барону Барану.

— С какой это стати я, старый, опытный, уважаемый, матерый, знаменитый шпион, военный преступник и учитель шпионов, буду вступать в сделку с никому не известным молоденьким офицериком! И чем ты докажешь, что ты не жулик какой-нибудь!

— Тем, что буду служить вам изо всех моих сил. Ведь у вас никогда не было такого верного адъютанта. Мой предшественник, подумать только, осмелился подать вам вместо ложки вилку!

— О, это было ужасно! Я долго не мог понять, почему не могу зачерпнуть супа! А как я мог его зачерпнуть, если в руках у меня была вилка!.. Я никому никогда ни в чем не верил. И как мне верить тебе, если тебя ко мне подослали!

— Вы все поймете, господин оберфобердрамхамшнапсфюрер, если учтете, что я служу еще и у генерала Шито-Крыто.

— Так ведь ты двойной предатель! Ты бутерброд из предателей! Центрхапштабу ты предаешь Шито-Крыто, а ему предаешь Центрхапштаб! Почему бы тебе не быть и тройным предателем!

— А я и есть тройной предатель, потому что предаю Центрхапштаб и генерала Шито-Крыто вам.

— Короче говоря, Шито-Крыто подослал тебя в Центрхапштаб, а барон Баран подослал тебя ко мне!

Фон Хлипке очень скромно кивнул.

— Что предлагаешь! — спросил фон Гадке.

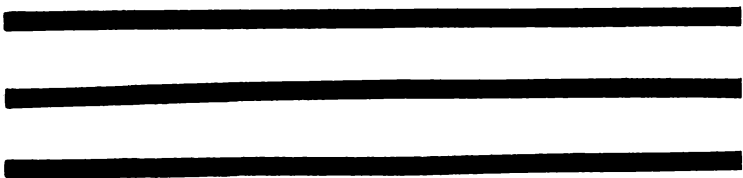
— Пока не знаю. Надо подумать.

Думали они несколько дней. Фон Гадке до того привык и полюбил есть из рук фон Хлипке, что стал отказываться ездить на перевязку. Есть новым способом было легко и интересно. Зачем же лечить руку, если она не нужна!

Незаметно для себя господин оберфобердрамхамшнапсфюрер совершенно забыл, в каком он находится положении. А положение его было наисерьезнейшее. С одной стороны, его допекал генерал Шито-Крыто, грозя выдать их сговор Центрхапштабу. С другой стороны, в Центрхапштабе все чаще и чаще распространялись слухи о том, что фон Гадке готовится почетная спиртизация.

Однажды, а именно в тот день, когда у фон Гадке сняли гипсовую повязку с кулачка, он как бы очнулся и впервые за последнее время поел один, самостоятельно. Есть было очень неудобно и даже невкусно. Он не столько поел, сколько устал, весь выпачкался в еде. Зато головка его вдруг заработала. Фон Гадке прислушался и стал ждать, когда в нее придет мысль.

Мысль долго не приходила, она застряла где-то в левом ухе, но фон Гадке уже сел в машину и приказал везти себя в Центрхапштаб. Не головкой еще, а всем остальным организмом он ощущал старую истину: не жди, когда тебя предадут, предавай сам. Хорошо кормил фон хлипке, но пора его предать!

Г Л А В А № 41

ТОЛИКУ ПРУТИКОВУ ГРОЗИТ СМЕРТЬ

ДНИ И НОЧИ НЕ ОТХОДИ
ЛИ ВРАЧИ И УЧЕНЫЕ ОТ
ПОСТЕЛИ ТОЛИКА ПРУТИ
КОВА.

КОНЕЧНО, ЭТО БЫЛА ОД

на из острейших форм лени — *lenia tynejadica* (лениа тунейадика).

Но в чем причина заболевания?

Толик до того обленился, что стал принимать пищу только в принудительном порядке. Моисей Григорьевич чувствовал приближение катастрофы.

Искусственное дыхание. Искусственное питание. Всё — искусственное. Но ведь это не могло продолжаться до бесконечности! Рано или поздно организм не выдержит, и Толик унесет с собой в могилу нерешенной крайне любопытную медицинскую загадку.

Наконец, консилиум опытейших врачей единодушно пришел к страшному выводу: случай с Толиком Прутиковым — первый в истории медицины, когда заболевание

ленью может окончиться смертельным исходом. Налицо наивысшая степень заболеваемости — лень жить.

Сам по себе случай этот, конечно, обогатит науку, послужит суровым уроком для всех тунеядцев всех возрастов и полов.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич решил рискнуть, решил пойти на опасный научный эксперимент, чтобы спасти лодыря. Заметив, что Толик не худеет, а толстеет, ученый, естественно, предположил, что организм его приспособился к новым условиям существования. Значит, с некоторых пор Толика не лечили, а, можно сказать, губили, развивали в нем лень. Ему стало лень дышать — пожалуйста, искусственное дыхание. Ему стало лень есть — к его услугам искусственное питание.

И Моисей Григорьевич перестал лечить Толика Прутикова, вернее, стал лечить его по-новому. Ученый запретил поддерживать в организме пациента жизнь искусственными приемами.

Тот начал задыхаться. У психоневропатолога похолодели руки, учащенно забилося сердце, но он внушал себе: вот сейчас Толику будет лень задыхаться!

Так оно и случилось.

И вскоре пациент впервые за последнее время открыл один глаз — левый.

— Как себя чувствуешь! — спросил Моисей Григорьевич, забыв, что говорить ему еще наверняка лень. — Над тобой висит смертельная опасность. Жизнь твоя в твоих руках. Ты болен острейшей формой лени. Если не перестанешь лодырничать, погибнешь, не окончив даже начальной школы.

По открытому левому глазу Толика было видно, что он (не глаз, конечно, а Толик) безумно хочет есть, но ему лень сказать об этом.

Через несколько дней наступила угроза голодной смерти.

Толик сох на глазах у всех, не открывая глаз. Жизнь его поддерживало лишь искусственное дыхание.

Что делать!!

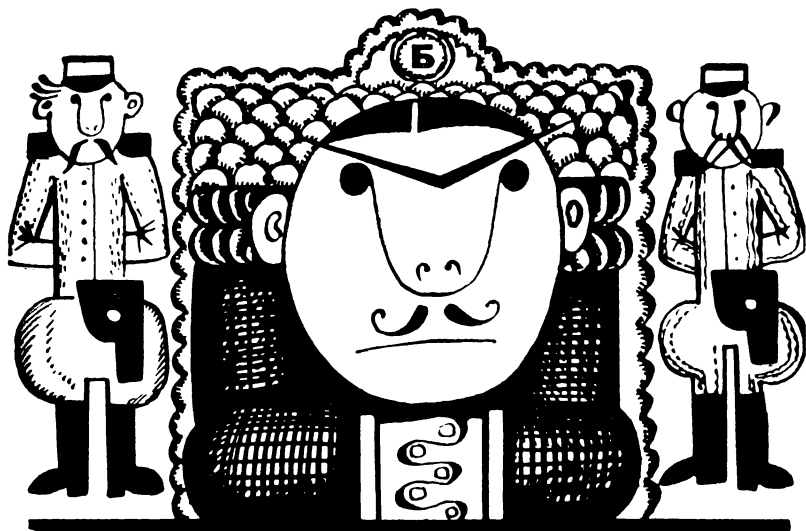
Моисей Григорьевич не спал уже несколько ночей подряд: жизнь мальчика, как говорится, висела на волоске. Но не только это угнетало ученого. Если больного не удастся вылечить, значит, под сомнением окажется вся теория Моисея Григорьевича.

Страшно подумать: а вдруг он идет по неправильному пути!!

Г Л А В А № 42

ФОН ГАДКЕ ВЫДАЕТ ФОН ХЛИПКЕ, КОТОРОГО, КАК ОКА-
ЗАЛОСЬ, ВОВСЕ НЕ БЫЛО

МАШИНУ ТРЯХНУЛО, И
МЫСЛЬ ИЗ УХА ПРОСКО
ЧИЛА В ГОЛОВКУ ФОН
ГАДКЕ: ПРЕДАВАЙ ФОН
ХЛИПКЕ СКОРЕЕ!

Господин оберфобердрамхамшнапсфюрер вошел в кабинет начальника Центрхапштаба барона Барана и сообщил:

— Подосланный вами ко мне фон Хлипке состоит на службе у генерала Шито-Крыто. Хе-хе. А вы думали, что я дурак. Хе-хе.

— Какой еще такой фон Хлипке! — удивился барон Баран. — И при чем тут хе-хе! Мы к вам никого не подсылали, только собирались.

— Господин начальник! — растерянно воскликнул фон Гадке. — Я не шутики шучу, я официально заявляю, без всяких хе-хе, что ваш фон Хлипке служит у генерала Шито-Крыто. Этот офицерик является тройным предателем.

— А кем являетесь вы!! — взъерился барон Баран. — Никакого фон Хлипке я не знаю! Первый раз слышу!

— Эээ...ыыыы...юююю... — Фон Гадке издавал только такие вот звуки, так как нижняя челюсть у него отвисла и не слушалась своего обалдевшего владельца.

— Мы были недовольны, что обучение гавриков идет крайне медленно, а у нас много заказов на них из разных стран, — сказал барон Баран. — Прошли слухи, что вы снюхались с Шито-Крыто. Но пока мы доверяли вам. Сейчас же я вынужден допросить вас. Какой фон Хлипке!

— Он меня кормил... — справившись со своей нижней челюстью, бормотал совершенно обескураженный фон Гадке. — Он меня поил... он за меня думал...

— Кто! Кто!

— Фон... он меня кормил... Хлипке... он считал меня почти богом... он думал за меня...

— Взять! — страшным голосом приказал охране барон Баран. — Сигнал полнейшей наибоевейшей тревоги! Обыскать всё! Обыскать всех! Найти офицера фон Хлипке! А фон Гадке в тюрьму!

— Меня в тюрьму!!

— Тебя в тюрьму!

— За что!

— Потом разберемся!

— Я буду жаловаться!

— Взять его! — в ярости заорал барон Баран. — Бросить его в самую лучшую тюрьму!

И фон Гадке очутился в камере. Мало сказать, что он оступел или обалдел. На некоторое время он даже забыл, кто он такой, и не понимал, что с ним происходит, как называется помещение, куда его втолкнули.

Маленькая его головка была тяжелой, хотя в ней не было ни одной мысли.

Всю жизнь он сам арестовывал и сажал в тюрьмы... Ну и что! Почему именно сейчас он об этом вспомнил! И почему кричал на него барон Баран!

Оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке стоял посреди камеры, мелко дрожал, ничего не соображал, хотел помолиться господу богу, но вместо этого выругался. И грубое ругательство привело его в себя, как боевая команда. Он понемногу начал соображать.

Что же случилось!

И тут-то до него дошло, что он находится в камере! Значит, его, господина оберфобердрамхамшнапсфюрера, арестовали! Он честно кого-то предал, и его же за это же в тюрьму! Белиберда! Должны были арестовать и посадить того, кого предали, а не того, кто предал! Если так будет продолжаться, то скоро все предатели окажутся в тюрьмах! Чуть ли не!

К тому же фон Гадке захотел есть, а если вы вспомните, что его организм состоял в основном из пищеварительного аппарата, то поймете, как несладко приходилось фон Гадке, когда он хотел есть. Голод с каждой минутой становился все сильнее и острее, и фон Гадке начало казаться, что если его сейчас же не накормят, он может съесть самого себя!

Где же фон Хлипке! Барон Баран сказал, что никакого фон Хлипке не было! Как — не было!! А кто кормил и поил фон Гадке!

— Я есть хочу! — испуганно и жалобно завопил он. — Есть я хочу! Хочу есть я! — И сам себя стал успокаивать: — Ничего, ничего, вот придет фон Хлипке и накормит фон Гадке! Вот прибежит фон Хлипке и обкормит фон Гадке!

Тут его вызвали к барону Барану. Никакого фон Хлипке разыскать не удалось. Никто о нем ничего не знал. Его просто не было. Зато исчезла вся секретная техниче-

ская документация по обработке и обучению гавриков. Все опытные образцы были приведены в полную негодность: у одних не двигались руки, у других не действовали ноги, у третьих — ни руки, ни ноги не шевелились, и у всех совершенно не работала голова!

Когда фон Гадке услышал об этом, у него отнялся язык, и он, фон Гадке, ни слова не мог произнести в свое оправдание. Написать что-нибудь в свое оправдание он тоже не мог: руки свело судорогами.

А мог бы он сказать, например, так:

— Эй вы, главари Центрхапштаба! Да это же я! Господин оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке! У меня самый длинный чин в мире! У меня много заслуг! Я принес людям столько горя, что они давно должны были бы меня уничтожить! А что сделали вы! Новой большой войны организовать не можете! Дайте мне власть, солдат, денег, оружия, допустите меня кнопки нажимать — и узнаете, каков я!

Барон Баран сидел, смотрел на него и думал, вернее, не думал, а гадал: как бы наказать фон Гадке! Надо его расстрелять. Он вполне заслужил это. Хорошо, мы его расстреляем. Но ведь тогда всем станет ясно, особенно молодежи, что даже такие кадры, как фон Гадке, бывают дураками. Трудно будет воспитывать подрастающее поколение шпионов на таких примерах.

Задача стояла двойная: сохранить образ фон Гадке для потомства и уничтожить — для современников.

И барон Баран приказал:

— Подвергнуть господина оберфобердрамхамшнапсфюрера фон Гадке почетной спиртизации, предварительно хорошо его накормив!

Пока фон Гадке глотал пищу, во дворе центральной шпионской школы на высоком пьедестале поставили стеклянную банку, наполнили ее чистейшим спиртом.

**Фон Гадке должен сам туда опуститься и заспиртоваться. Проходя мимо, молодые шпионы будут кричать:
— Майль!**

О такой судьбе мечтал каждый старый шпион. Но фон Гадке мечтал о другом: он хотел жить, чтобы сделать ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ОГРОМНУЮ ПАКОСТЫ!

Г Л А В А № 43

ПРЕПАРАТ БАЛДИН (BALDINE) В ДЕЙСТВИИ

ПОЛКОВНИК ЕГОРОВ КРЕП
КО ПОЖАЛРУКУМЛАДШЕ
МУ ЛЕЙТЕНАНТУ ЮРИЮ
ВАСИЛЬКОВУ И СКАЗАЛ:
—КОМАНДОВАНИЕ ВЫНЕС

КОМАНДОВАНИЕ

ВЫнесло **ВАМ** благодарность

ло вам благодарность за отличное выполнение сложного задания и присвоило вам звание лейтенанта. Долго будут помнить в Центрхапштабе имя фон Хлипке! А теперь вам новое задание — займитесь младшим сержантом Стрекозой. Надо ее в человеческий вид приводить. Надо узнать, с каким заданием она к нам припорхала.

— Мне с тремя фон Гадке легче справиться, чем с одной Стрекозой. Она же кусается и царапается.

— Действуйте. О результатах докладывать ежедневно.

— Есть!

Настроение у полковника Егорова было среднее, потому что план операции «Братцы-тунеядцы» был неизвестен, и командование настойчиво требовало ускорить и

усилить работу в этом направлении. Вопрос о засылке в «Гроб и молнию» бывшего ЫХ-000 в принципе был решен положительно, хотя все подчеркивали большую долю риска.

В самом деле, была ли полная уверенность в том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк не подведет?

— Я полностью уверен, — отвечал командованию полковник Егоров, — что не подведет. И какое наше дело бывает без риска! ЫХ-три нуля знает все ходы и выходы в «Гробе и молнии». А нашему агенту даже в случае успеха потребуется времени в несколько раз больше, чем агенту «Тигров-выдров».

Пока обсуждали всяческие уточнения и варианты, Фонди-Монди-Дунди-Пэку сделали пластическую операцию лица, и узнать его теперь было невозможно, он даже сам себя не мог узнать.

Как только он был подготовлен к заданию, полковник Егоров сказал:

— Едем на рыбалку!

На вечерней зорьке клев был отличный, и они от радости просидели у костра всю ночь. Бывший ЫХ-000 рассказывал о своей трудной и подлой шпионской жизни, и в его исповеди для полковника Егорова было много не только интересного, но и полезного.

На утренней зорьке клевало еще лучше, окуни попадались куда крупнее вчерашних, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк действовал уже как заправский рыбак — не дергал и сам не дергался и лишь один раз взвизгнул от восторга.

— Когда вернетесь с задания, — сказал полковник Егоров, — закончим все дела, я возьму отпуск и уедем рыбачить на целый месяц.

— Я только об этом и мечтаю. Кстати, как поживает Батон?

— Счастлив невероятно. Хохотал, как ребенок, когда

выпросил вторую подушку. Иногда глазам своим не верю, что бывают такие лентяи.

— Зато от скольких хлопот он вас избавил!

— Да, лентяй — всегда находка для противника.

В понедельник, едва полковник Егоров явился на службу, ему позвонил психоневропатолог. Моисей Григорьевич Азбарагуз и взволнованным голосом сообщил:

— Потрясающее событие! Невероятное! Не укладывающееся в голове событие! Толик Прутиков снова болен. На сей раз острейшая форма лени. Но это не главное. В его крови мы обнаружили совершенно не известный ранее химический элемент. Мы ввели его трем котят — и трое котят мгновенно стали ленивыми. Вам не пригодится научное описание этого невиданного препарата и его действия на живой организм!

— Я к вам заеду, Моисей Григорьевич, и с интересом ознакомлюсь с вашим открытием.

Надо отметить, что за годы своей службы полковник Егоров привык ничему не удивляться и на все обращать самое пристальное внимание. Казалось бы, какое ему дело до каких-то трех обленившихся котят! На первый взгляд, чепуха невообразимая. Да нет, не чепуха. На всякий случай надо узнать и о котятках. Тем более, что с ними связан вопрос о новом химическом препарате, вызывающем заболевание ленью.

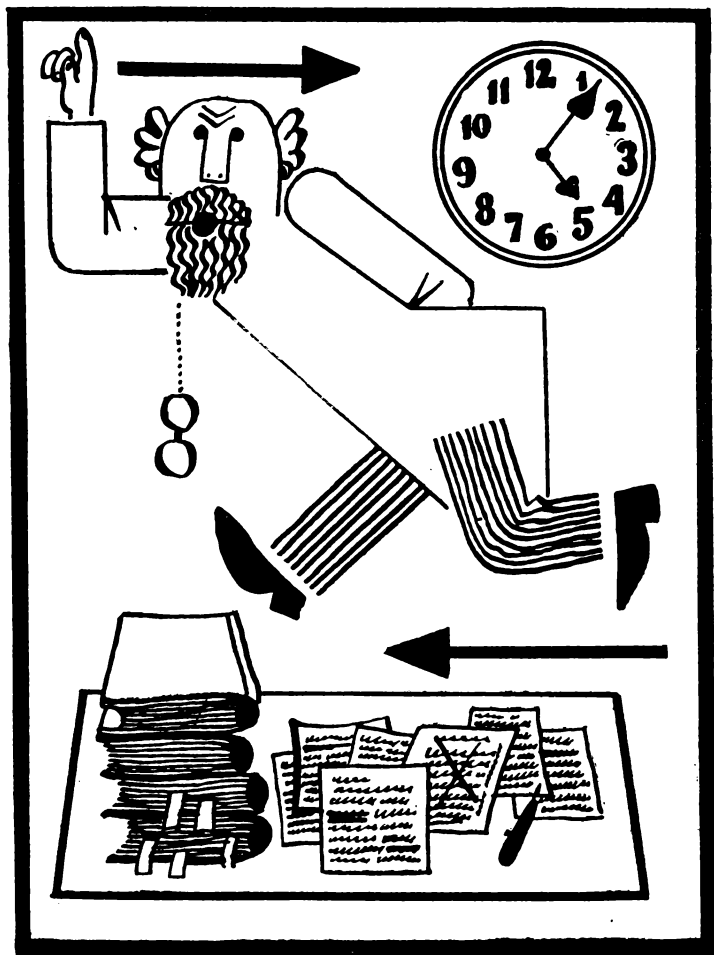
— Товарищ полковник, к вам лейтенант Васильков!

— Пусть войдет.

Но лейтенант Васильков не вошел, а ввалился в кабинет, постоял, шатаясь, у дверей, затем, еле переставляя ноги, добрался до кресла и упал в него.

Мне опять придется повторить, что за годы своей службы полковник Егоров привык ничему не удивляться. Он только спросил:

— Что с вами!

— Мне... лень... — еле слышным голосом выговорил лейтенант Васильков.

— Что, что?

— Мне... лень...

— И отвечать лень!

— Всё... лень...

— Машину! — приказал полковник Егоров. — Со мной в больницу к доктору Азбаругузу!

Вот вам и три ленивых котенка! Не отнесись он внимательно к странному, на первый взгляд, сообщению Моисея Григорьевича, то и не знал бы, что сейчас делать.

Осмотрев лейтенанта Василькова, Моисей Григорьевич удовлетворенно заключил:

— Да, острейшее заболевание ленью. Срочно делаем анализ крови. Те же признаки, что и у Толика Прутикова.

— Это становится любопытным, — задумчиво проговорил полковник Егоров. — Видимо, у него еле-еле хватило сознания и сил, чтобы явиться ко мне и доложить. Доктор, а это надолго!

— Понятия не имею. Первый случай. Главное — определить источник заражения.

Принесли результат анализа крови. Едва взглянув на него, Моисей Григорьевич в очень большом изумлении и неменьшем волнении воскликнул:

— Тот же самый препарат! Я его условно назвал балдин (baldine)!

— Невероятно! — внешне спокойно сказал полковник Егоров. — Невероятно, но факт. Дайте мне ваше научное описание балдина. Лейтенанта оставляю у вас. Весьма возможно, что мы найдем источник заражения.

Вернувшись в свой кабинет, он отдал приказание самым тщательным образом обыскать Стрекозу и ее камеру.

И вскоре перед ним лежал маленький кармашек, срезанный с платья Стрекозы, а в кармашке крошечные почти бесцветные таблетки.

— На анализ в лабораторию, — приказал полковник Егоров и уже заранее был уверен, что таблетки содержат балдин.

Тогда значит, что одно из заданий Стрекозы заключалось в том, чтобы испробовать действие балдина. Видимо, Стрекоза ухитрилась подsunуть таблетку лейтенанту Василькову. Но кто и как дал балдин Толику Прутикову? Кто! Ясно, что Стрекоза. Как — узнаем.

Дежурный принес результат химического анализа таблеток, изъятых у Стрекозы. Он в точности повторял формулу балдина, выведенную Моисеем Григорьевичем.

Вот ведь как бывает! С трудом взяли Стрекозу, а сделать простейшую вещь — обыскать — забыли! Девочка девочкой внешне, платье голубенькое, и никому в голову не пришло отнестись к ней как к настоящему агенту.

Ну ладно! Итак, генерал Шито-Крыто задумал отравить людей ленью, оболванить их. Ничего, ничего, господин генерал, еще посмотрим, кто кого оболванит!

А может быть, операция «Братцы-тунейдцы» и заключается в применении балдина!

Полковник Егоров был, как говорится, не из робкого десятка, но и у него мурашки по спине пробежали, когда он представил себе, что же случится, если посланцы генерала Шито-Крыто бросят балдин, например, в продукты!

Он тут же доложил командованию о результатах сегодняшнего открытия и получил приказ: немедленно приступить к выполнению работ, направленных против операции «Братцы-тунейдцы».

Первым делом был вызван агент Бокс-Мокс, бывший 19Х-000. Выслушав приказ, он сказал:

— я готов. Шлите сообщение Лахиту, чтобы ждал дорогой весточки, то есть меня. И дайте мне с собой три таблетки балдина. Пусть их попробуют те, кто их придумал.

— Желаю успеха, — сказал полковник Егоров. — Мы предоставили вам возможность загладить хотя бы часть вашей вины перед людьми. Помогите им. Возвращайтесь!

Через три часа агент Бокс-Мокс, снабженный всем необходимым, кроме пароля для выхода с территории «Гроба и молнии», отбыл для выполнения сверхважного задания.

А вечером пришло сообщение об организации первого в мире научно-исследовательского института по борьбе с ленью (НИИПОБОСЛ), директором которого был назначен психоневропатолог и ученый Моисей Григорьевич

АЗБАРАГУЗ.

Г Л А В А № 44

ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО ПОДОЗРЕВАЕТ И НЕГОДУЕТ, А

ОФИЦЕР ЛАХИТ ПРИНИМАЕТ АГЕНТА БОКСА-МОКСА

НЕ БЕЗ ОСНОВАНИЙ ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО ПРОТИВ НЕГО ДЕЙСТВУЕТ НЕ ТОЛЬКО УМНЫЙ ВРАГ, НО И

плетет нити заговора еще некто, кто числится в друзьях.

Потерпела поражение диверсионная группа «Фрукты-овощи». Исчезли Стрекоза и Муравей. Как гром среди очень ясного неба, было сообщение о том, что фон Гадке постигла почетная спиртизация в стеклянной банке, а секретная техническая документация по обработке и обучению гавриков выкрадена. И кем? Каким-то неведомым фон Хлипке, которого и в глаза-то в Центрхапштабе никто не видел и который будто бы сотрудничал в «Гробе и молнии».

Временами генералу Шито-Крыто казалось, что он вот-вот лопнет от душившей его бессильной злобы. За последнее время он разбил два чугунных стола со стальными ножками, три раза проломил цементный пол в каби-

нете и едва не убил офицера Лахита, запустив в него сейфом.

В самой же организации «Гроб и молния» обстановка накалялась с каждым днем, хотя накаляться ей дальше вроде бы и некуда уже было.

Ежедневно создавались груды доносов. И хотя функционировал специальный отдел, занимавший пятиэтажное здание, с большим штатом сотрудников, они успевали только регистрировать доносы, а читать их и, тем более, принимать к сведению ни у кого уже времени не оставалось.

Поэтому в карцеры отправляли уже просто по очереди, а с работы увольняли наугад.

Выполняя основной приказ: всем всех во всем всегда везде подозревать, всем за всеми всегда везде следить, — сотрудники до того доусердствовались, что среди них стала свирепствовать болезнь, известная в науке под названием «раздвоение личности».

Заключалась эта болезнь в том, что сотрудник одновременно ощущал себя и тем, кто за кем-то следит, и тем, за кем кто-то следит. И сотрудник часто забывал, кем же он является в данный момент — следящим или выслеживаемым, — и впадал в путаницу: то следить побегит, то прятаться начнет, то остановится, чтобы дать возможность кому-то за ним подсмотреть, и все время ничего толком не соображает.

Никто из сотрудников уже не знал, кто в чем кого подозревает, но остановиться уже не могли, да и к тому же приказ есть приказ, надо его выполнять, к каким бы нелепым последствиям он ни приводил.

Генерал Шито-Крыто продолжал полагать, что именно в такой благоприятной обстановке вырастают настоящие кадры настоящих сотрудников настоящей шпионской организации.

Близилась к концу подготовка операции «Братцы-ту-неядцы». Представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования торопили, лезли в каждую мелочь, проверяли каждый шаг каждого участника.

Но даже они, представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования, не подозревали о существовании сто тринадцатого отдела, где производился балдин — сверхмощный стимулятор лени. Запасы его пока были невелики. Стоил он неимоверно дорого: одна таблетка — средний реактивный бомбардировщик. Ученые и их ученики спешно искали возможность удешевить производство балдина. Кстати, Стрекоза должна была подбросить таблетки балдина в детские садики (одна таблетка на двести человек).

Скоро, скоро, очень скоро начнется выполнение операции «Братцы-ту-неядцы»! Генерал Шито-Крыто давно уже не спал, почти не ел, а проверял, проверял и проверял, не доверял, не доверял и не доверял, а на сердце было все-таки ух, как беспокойно!

Нюхом он чуял, что где-то, вот тут, рядом с ним — предатель! Предатель крупный, хитрый, наглый, подлый — вроде него самого.

— Не верю я тебе, Лахит! — проорал, мучась подозрениями, генерал Шито-Крыто. — Я тебе ни капельки не верю, проныра ты несчастная!

— Было бы просто смешно, если бы вы мне верили, — любезно ответил офицер Лахит. — Вы бы тогда были не вы, а я был бы не я. Наша сила во взаимном недоверии. Предать вас — заманчиво, но опасно.

— Я подвешу тебя к потолку за левую ногу, если установлю факт предательства!

Офицер Лахит вынырнул из генеральского кабинета, пронырнул в свой кабинет. Здесь в кресле перед столом сидел незнакомец.

— Как вы сюда попали и кто вы такой? — прошипел офицер Лахит, вытащив пистолет.

— Если я проник сюда, — спокойно ответил незнакомец, — то, вероятно, знал, как проникнуть. Меня зовут Бокс-Мокс. Я привез привет от Батона.

— Спасибо. А как Стрекоза?

— Сидит в мешке.

— Прелестно. А что с этим мерзавцем ЫХ-три нуля?

— Понятия не имею. Вся диверсионная группа «Фрукты-овощи» находится под особой охраной.

Офицер Лахит спрятал пистолет, сел за свой стол и спросил настороженно:

— Что вас интересует?

— Сущий пустяк. План операции «Братцы-тунеядцы».

— Ха! И это вы считаете сущим пустяком?

— Для вас это пустяк. Действительно сущий.

— Что я буду иметь за этот пустяк?

— Мне не приказано торговаться. Назовите сумму. Платим наличными в хорошей валюте.

— Вы деловой человек! — обрадовался Лахит. — Но вам известно, что господин генерал Шито-Крыто при допросах и наказаниях использует только один метод — подвешивание к потолку за левую ногу!

— Я не только деловой человек, — все так же спокойно говорил Бокс-Мокс, — я крупный агент. А вы пугаете меня, как школьника. Шито-Крыто в ваших руках. Сделка со мной дает вам реальнейшую возможность оставить его в дураках и занять его место. Оформляйте меня к вам на работу.

— Хорошо. Пишите. Вот бумага. Ручка.

— Что писать?

— Донос на меня.

— В чем вас обвинять?

— Не имеет значения. В чем угодно.

Едва Бокс-Мокс успел настрочить донос, в кабинет ворвался багровый от возбуждения генерал Шито-Крыто и прохрипел:

— А это кто?!

— Я осмелился предложить свои услуги, господин генерал, — ответил Бокс-Мокс вставая. — Во время последней большой войны я работал в девятом отделе.

— А после?

— Мне долго пришлось скрываться. Исколесил весь мир.

— Твой голос удивительно напоминает мне голос одного предателя, — сквозь зубы процедил генерал Шито-Крыто. — Ты знаешь, как я разделяюсь с предателями!

— За левую ногу к потолку. Если, конечно, поймаете.

— А ты убежден, что от меня можно ускользнуть?

— Мне затруднительно ответить на ваш вопрос. Я не собираюсь ни предавать, ни ускользать.

— Бокс-Мокс — дельный человек, шеф, — сказал офицер Лахит. — Он уже успел написать на меня донос.

— Покажи.

Генерал Шито-Крыто взял из рук своего помощника лист бумаги, на котором было написано:

АНОНИМНЫЙ ДОНОС НА ОФИЦЕРА ЛАХИТА. ОН СПОСОБЕН НА САМОЕ ГРАНДИОЗНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО. СЛИШКОМ ЛЮБИТ ДЕНЬГИ. РАДИ НИХ ГОТОВ НА ЛЮБУЮ ПОДЛОСТЬ. ЯВЛЯЯСЬ ПРОНЫРОЙ, ОБМАНЫВАЕТ ВСЕХ. МЕТИТ В ГЕНЕРАЛЬСКОЕ КРЕСЛО. ЖДЕТ УДОБНОГО СЛУЧАЯ, ЧТОБЫ СЪЕСТЬ НАЧАЛЬСТВО.

— Какой же это донос! — усмехнулся генерал Шито-Крыто. — Это не донос, а чистая правда. Зарегистрируйте на всякий случай. Специальность!

— Универсал. Готов на все.

— Шеф, если моей рекомендации достаточно, — сказал офицер Лахит, — то я зачислю его в штат.

— Плевал я на твои рекомендации! Проверь его данные. Как ты относишься к детям?

— Простите, господин генерал, но это странный вопрос для шпиона. Я ненавижу их.

— Хорошо. — Генерал Шито-Крыто по-прежнему сверлил его взглядом. — А ты случайно не был знаком с Фонди-Монди-Дунди-Пэком?

— Я много слышал о нем.

— Слава богу, его больше нет в живых! Лахит, обязательно проверь данные Бокса-Мокса у врача Супостата! Все! Завтра последняя отработка операции. — И генерал Шито-Крыто стремительно вышел из кабинета.

— Вы держались прекрасно! — Офицер Лахит облегченно вздохнул. — С меня семь потов сошло. Как вы передадите мне деньги?

— Из рук в руки.

— Сегодня я покажу вас врачу Супостату, завтра...

— Никаких врачей Супостатов, никаких завтра. Сейчас же выкладывайте смысл операции «Братцы-тунейдцы»! Немедля!

— О, вас не надуть!

— А зачем вам меня надувать! Платим много и в хорошей валюте. Рассказывайте.

Всякое в своей трудной и подлой шпионской жизни слышал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Но то, что он услышал от офицера Лахита, настолько поразило его, что он еле воздерживался от восклицаний.

— Мы поставили своей целью испортить детей, — рассказывал офицер Лахит, — сделать их ужасно ленивыми.

Операция «Братцы-тунейдцы» продумана самым тщательным образом. Незаметно, совсем незаметно мы будем развивать в детях злость, зависть, зазнайство, нечистоплотность, капризность и — главное, главное, главное! — лень.

Ведь лень — это наш друг номер один. Ваш ленивый ребенок — наше будущее.

Основная наша надежда на самих детей. Один ленивец обязательно подготовит приятеля-тунеядца. И в конечном итоге — целое поколение людей вырастет ленивым. С такими мы справимся не только без атомной бомбы, но даже и без танков, авиации, артиллерии.

— Нам все ясно, — ответил Бокс-Мокс. — Потрясающе. Налейте мне вина. Я разволновался.

Офицер Лахит поставил на стол два бокала из темного стекла и отвернулся к шкафу за бутылкой. Бокс-Мокс бросил в один из бокалов таблетку балдина, взял оба бокала в руки. Когда вино было разлито, он протянул офицеру Лахиту бокал с растаявшей таблеткой.

Офицер Лахит выпил и широко зевнул.

— Пое... — он снова зевнул. — Пое...

— ...хали! — договорил Бокс-Мокс. — Какой пароль для выхода? Какой пароль для выхода!

Он тряс, тряс, тряс уснувшего офицера Лахита и, убедившись, что это бесполезно, стал искать в стене потайную дверь. Ох, ни разу в жизни так не нервничал Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Одну ошибку он уже совершил: не успел вывести пароль для выхода.

Найдя потайную дверь в стене, Бокс-Мокс взвалил офицера Лахита на себя, стащил его вниз по потайной лестнице, втащил в автомашину, посадил рядом с собой и, надев перчатки, чтобы не оставить отпечатки пальцев, взялся за руль.

Огромные ворота открылись, едва машина приблизилась к ним, и часовые, едва взглянув на нее, откозыряли.

На аэродроме Бокс-Мокс сдал офицера Лахита кому следует, сел в машину и вернулся обратно.

В кабинете он разыскал рацию и передал первое сообщение полковнику Егорову.

После этого Бокс-Мокс позволил себе передохнуть, не спеша выкурил сигарету, с грустью подумал, что сейчас ему придется туго, снял телефонную трубку и доложил генералу Шито-Крыто:

— Вот я уже один час одиннадцать минут сижу в кабинете и жду офицера Лахита. Не смею уйти, так как не получил разрешения. Что делать!

— жди, БОЛВАН! — БЫЛ ОТВЕТ.

Г Л А В А № 45

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ ПСИХОНЕВРОПАТОЛОГА М. Г. АЗБАРАГУЗА

**НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО
ПСИХОНЕВРОПАТОЛОГ
МОИСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
БЫЛ ОЧЕНЬ ЗАНЯТ РАБО
ТОЙ В НАУЧНО-ИССЛЕДО**

вательском институте по борьбе с ленью, он лично лечил Толика Прутикова и лейтенанта Василькова.

Лечил их переливанием крови, чтобы постепенно заменить зараженную кровь здоровой.

Но больные поправлялись медленно: видимо, балдин проник в головной и спинной мозг.

Лейтенант Васильков поправлялся значительно быстрее, потому что его организм был закаленнее и выносливее и не предрасположен к лени.

— Балдин — ужасно коварный препарат, — говорил полковнику Егорову Моисей Григорьевич, — по-видимому, в его основе кровь, взятая у очень ленивых людей или каких-то ленивых животных. Мои пациенты получили грандиозные дозы.

— Одна из задач вашего института — как можно скорее создать антибалдин, — сказал полковник Егоров. — У нас нет никакой гарантии, что уже в самое ближайшее время его не начнут применять. Сами понимаете, чем нам это грозит, если мы не будем готовы. Даже подумать страшно о том, что может произойти.

Скрипнула дверь, и раздался голос старшего санитары Тимофея Игнатьевича:

— Конечно, я вынужден очень извиниться. Виноват ведь я перед вами. По моей ведь вине болеет Толик Прутиков.

— Как!! Каким образом!!

— Помните, шпионы-то приходили! А я и не знал, что они шпионы. А внучка-то мне шоколадку сунула, чтобы я ее больному передал. Я и передал. А потом запаматовал. А сегодня с большим стыдом вспомнил.

— Это очень важное сообщение! — обрадовался Моисей Григорьевич. — А то мы тут поломали голову. Скоро мальчик выздоровеет.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич вроде бы тоже обрадовался, но проговорил мрачно:

— Мало мы все-таки методов физического воздействия на организм применяем. Раньше, бывало, мой, ныне покойный, папаша как возьмет в свои отцовские руки ремешок, так из моего детского организма не только лень, но и всякая болезнь улетучивалась.

— А ведь мысль... — неуверенно произнес Моисей Григорьевич. — Мысль — не в смысле ремешка, а в смысле физического воздействия на живой организм в принципе. Если лень вызывает желание не двигаться или нежелание двигаться, то мы должны заставить организм совершать движения. Очень, очень, очень логично! Сегодня же разрабатываем научный комплекс принудительных движений.

И старший санитар Тимофей Игнатьевич с таким сожалением посмотрел на психоневропатолога Моисея Григорьевича Азбарагуза, на полковника Егорова, как будто они ничего не понимали, а он знал все на свете.

Не успел он войти в кабинет, как ему принесли сообщение от Бокса-Мокса. Полковник Егоров не поверил своим глазам: Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже выполнил половину задания — он добыл офицера Лахита! Но — как!! Каким чудом он вытащил помощника генерала Шито-Крыто! Вытащил из самого центра «Гроба и молнии»!

Однако радовался полковник Егоров преждевременно, потому что сразу с аэродрома офицера Лахита пришлось везти к психоневропатологу Азбарагузу М. Г.

— Еще один, — сказал полковник Егоров. — Тоже угостился балдином. Это важная птица. Придется оставить здесь охрану. Вот его надо привести в себя как можно быстрее.

— Мне бы его доверили! — с большой завистью воскликнул старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Я бы его без всяких научных методов вылечил. Раньше науки куда меньше было, а ничего, тоже людьми выросли. Я вот до старшего санитара дорос.

Никто не обратил на его слова внимания.

Офицеру Лахиту сделали переливание крови.

— Будь моя воля, — сказал полковник Егоров, — я бы этому типу всю свою кровь отдал, только бы его скорей вылечить!

— Я все прекрасно сознаю, — сказал Моисей Григорьевич, — но не имею права рисковать. Для вас это важная птица, а для меня пациент.

— Желаю успехов! — сказал полковник Егоров и поехал в управление.

«Интересно все-таки устроена жизнь, — думал он по дороге. — Работал, как говорится, работал, дело свое

знал, а тут вдруг... дети, лень... крупнейший шпион сдается третьекласснику... Одна из самых коварных разведок мира задумывает совершенно чудовищную операцию, подобной которой не было в истории человечества, и каждый шаг связан с таким риском, что... — Полковник Егоров вздохнул так глубоко, что шофер притормозил, взглянул на начальника, а тот кивнул: ничего, ничего, трогай дальше. — И как бы я не сел в га-loшу с ЫХ-000, Фонди-Монди-Дунди-Пэком и Боксом-Моксом... Вот уж если он подведет...»

Тут полковник Егоров вздохнул так глубоко и громко, что шофер остановил машину и спросил:

— Что с вами, товарищ полковник?

— Пока — ничего. А может быть, очень плохо. Или очень хорошо. Поживем — увидим.

— Лицо у вас больное, товарищ полковник. — Шофер осторожно, будто действительно вез не полковника, а больного человека, тронул машину с места. — Нездоровое у вас лицо.

Полковник Егоров взглянул в зеркальце, сказал:

— Лицо нормальное. У вас дети есть?

— Двое.

— А сейчас, между нами говоря, детям всего мира, особенно нашей страны, грозит невероятная опасность. Вот почему у меня лицо нездоровое. Вот пойду я сейчас в свой кабинет, и если мне не принесут одно сообщение, то я весь буду нездоровый...

Вернувшись в управление, полковник Егоров получил второе сообщение от Бокса-Мокса: задание выполнено. Значит, в руках балдин! Вот это работа!

Но в душе полковника Егорова возникло недоброе предчувствие. В подобных случаях говорят: на душе словно кошки скребут.

К вечеру поступило еще сообщение от Бокса-Мокса,

подтвердившее, что недоброе предчувствие не было напрасным. Фонди-Монди-Дунди-Пэк на всякий случай желал счастливых рыбалок, обещал приложить все силы, чтобы передать сведения о балдине.

И чем бы ни занимался полковник Егоров, — а дел у него хватало, — из головы не выходила мысль о том, что бывший ЫХ-000 попал в очень большую беду.

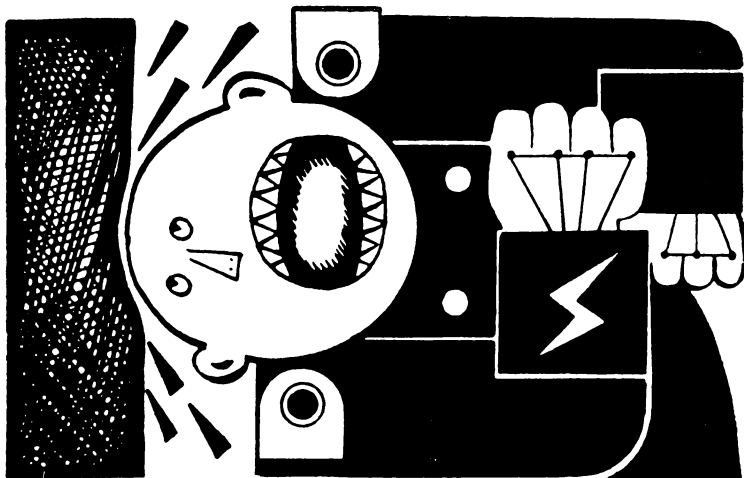
Было, правда, маленькое утешение: по неизвестным причинам офицер Лахит выздоравливал с поразительной БЫСТРОТОЙ.

Г Л А В А № 46

ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ ПРИНИМАЕТ

БАЛДИН

БРОСИВ ТРУБКУ НА РЫ
ЧАГ, ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫ
ТО ЗАСКРИПЕЛ ЗУБАМИ
И ПРИКАЗАЛ НЕЧЕЛОВЕ
ЧЕСКИМ ГОЛОСОМ:

— Немедленно ко мне офицера Лахита! Немедленно! Ко мне! Душа из него вон!

Но в это время душа могла выйти вон из самого генерала Шито-Крыто.

— Опять заминка! — вопил он. — Опять предательство! Убьюую-уууууу!

— Шеф, господина офицера Лахита нигде нет! Мы обыскали всю страну. Двадцать семь с половиной минут назад он вернулся в «Гроб и молнию» на своей машине, но сейчас его нигде нету.

— Ы-ы-ы-ы-о-о-оууу! — заревел генерал Шито-Крыто. — Предатель! Надуватель! — Он бросился к стене, постучался о нее своей огромной, без единого волоска головой и закричал в микрофон: — Если не найдете Ла-

хита, всех расстреляю, всех! Всех за левую ногу к потолку присобачу! Гав-гав!

И от невероятнейшего приступа невероятнейшей злобы генерал Шито-Крыто грохнулся в обморок.

Странно было видеть Боксу-Моксу, а тем более БХ-000 и Фонди-Монди-Дунди-Пэку, такого типа, как генерал Шито-Крыто, в бездействии. Сколько помнил его БХ-000, генерал даже тогда, когда был всего-навсего сержантом, всегда отличался неимоверной работоспособностью. Редко встречался человек, которому бы удалось застать Шито-Крыто отдыхающим или спящим.

А тут генерал свесил свою огромную, без единого волоска голову набок, похрапывал, посапывал, посвистывал — ну совсем как обыкновенный человек!

Но вот генерал Шито-Крыто дернулся раз, дернулся второй раз, издал звук, похожий на хрюканье, положил руки на стол и зашевелил бровями, пытаясь открыть глаза.

Когда он открыл глаза, Бокс-Мокс протягивал ему стакан воды и приговаривал:

— Выпейте, пройдет. Выпейте, поймают. Выпейте, пройдет. Выпейте, поймают.

Генерал Шито-Крыто, опираясь на Бокса-Мокса, с трудом поднялся, выпил воду и заговорил:

— Я всегда подозревал, что этот проныра предаст меня. Он всегда врал, что не умеет водить машину... Предатель... надуватель... Куда он мог деться! Куда! — он то багровел, то белел, то зеленел, два раза подряд посинел. Зевок перекошил его рот. — Что это!.. Срочно... телефон... балдин... сто тринадцатый отдел... кого-нибудь... что-нибудь... от лени... это же лень... — Он три раза зевнул во весь рот, чуть не разорвав его. — Все...пре...все...да... все...те...все...ли... — Он попытался приподняться, но, сморщенный ленью, захрапел.

Чтобы проверить степень воздействия препарата балдина на организм генерала Шито-Крыто, Бокс-Мокс подразнил его:

— Дурак ты дурачок, Шито-Крыто. Бездарная ты личность, Шито-Крыто. Болван ты неотесанный, господин генерал.

В ответ раздался мощный, похожий на рев сирены, храп.

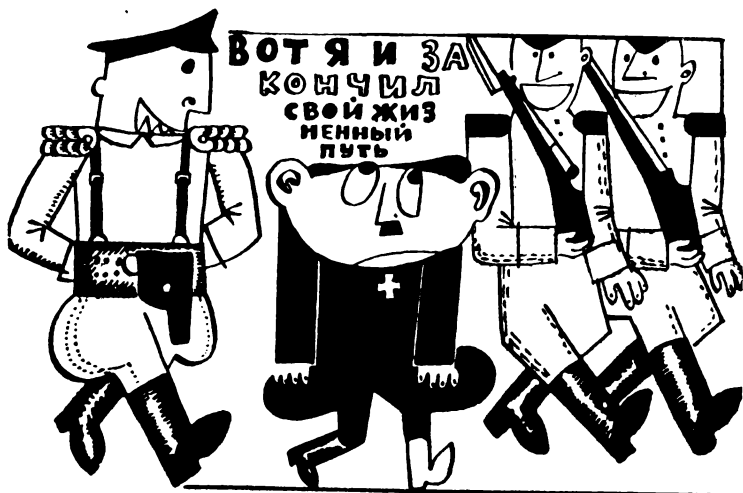
Бокс-Мокс снял телефонную трубку, вызвал сто тринадцатый отдел, сказал:

— Срочно к шефу все запасы балдина и все инструкции по изготовлению.

Г Л А В А № 47

**ФОН ГАДКЕ СПАСАЕТСЯ ОТ ПОЧЕТНОЙ СПИРТИЗАЦИИ И
УБЕГАЕТ ОТ СОЛДАТ ИЗ ОХРАНЫ ЦЕНТРХАПШТАБА**

**ВЕЧЕРОМ ГОСПОДИНА
ОБЕРФОБЕРДРАМХАМ
ШНАПСФЮРЕРА ФОН ГАД
КЕ ПРИВЕЗЛИ НА ПЛО
ЩАДЬ ПЕРЕД ШПИОН**

ской школой, чтобы подвергнуть почетной спиртизации.

Здесь на гранитном пьедестале стояла стеклянная банка, наполненная спиртом и закрытая притертой пробкой.

По инструкции, фон Гадке должен был выпить три литра спирта, добровольно ногами вниз опуститься в банку и замереть по стойке «смирно». Но конвоиры — два солдата и офицер — стали пить спирт сами.

«Вот я и закончил свой жизненный путь, — с очень большой грустью подумал фон Гадке. — Завтра здесь будет стоять почетный караул. Молодые шпионы, проходя мимо, будут кричать мне «Майль!» А ответить им я уже не смогу. Конечно, все это почетно, но глупо и несправедливо! Я не хочу уходить на тот свет с пустыми рука-

ми! Я должен сделать человечеству большую пакость! У меня отобрали гавриков, но я могу достать самолет и бомбу и шарахнуть ее куда следует!»

И фон Гадке улизнул от своих конвоиров.

Сделал он это просто: забежал в здание, влез в отверстие мусоропровода и полетел вниз. Надо было придумать, что же делать дальше, но фон Гадке не успел ничего сообразить, как внизу загремело, заскрежетало, и он оказался в кузове автомашины.

Долгое получилось путешествие. Через каждые несколько минут машина останавливалась, открывался кузов, и на фон Гадке обрушивалась груда мусора. И каждый раз он упрямо выкарабкивался наверх.

Я, автор, очень умоляю вас, читателей, обратить внимание на данный факт. Вот почему мерзавец, негодяй (и сами подберите все бранные, но справедливые слова) редко бывает лентяем! Они, эти безобразники, все действуют и действуют, а мы, в общем-то хорошие люди, часто занимаемся всякой ерундой...

Наконец, кузов был заполнен до предела, и машина помчалась дальше. Эх, надо выжить во что бы то ни стало! Назло барону Барану, назло всему Центрхапштабу, назло всему человечеству! Фон Гадке не собирался отправляться на тот свет, хе-хе, с пустыми руками. Он еще прихватит с собой несколько миллионов человек! Ради этого он готов перенести самые жестокие испытания и любые запахи.

Выжить, выжить, выжить, выжить, выжить, чтобы не дать жить другим!

Кузов раскрылся, опрокинулся, и фон Гадке прыгнул на землю перед железной коробкой, бункером, и на четвереньках помчался к воротам. Было уже темновато, и проскочить мимо дремавшего сторожа не стоило никакого труда.

— Кыш, кыш! — сквозь сон равнодушно крикнул сторож, полагая, что в ворота прошмыгнула кошка.

За воротами фон Гадке выпрямился во весь ростик и побежал по обочине шоссе. Ножки у него подкашивались, он спотыкался на каждом шагу и упал, больно ушибив коленки и содрав кожу на ладошках об асфальт.

Сразу встать не удалось. Он бы с удовольствием уснул прямо вот тут. Увы, нельзя! Времени у него в обрез. Еще неизвестно, что происходит сейчас в Центрхапштабе. Вполне возможно, что там объявлена полнейшая наибоевейшая тревога для поимки фон Гадке.

Огромным усилием воли он заставил себя подняться и побрел, еле-еле переставляя ножки. Оба сапожка и остатки перчаточек от грязи были уже одинакового цвета — черные. Мундир и галифе — в лохмотьях, все в пятнах и мусоре.

Конечно, появляться в таком виде в городе опасно: поймают.

Совсем стемнело. Силенок у фон Гадке почти не оставалось, но отчаяние и сознание безвыходности придали наглости, а наглость, как известно, на некоторое время способна заменять силенки.

Но страшнее всего были муки голода. Большую часть организмика фон Гадке занимал пищеварительный аппарат, и сейчас он трррребовал еды!

Дорога пошла под уклон, и фон Гадке побежал, вернее, его побежало, понесло. Но вот спуск окончился, фон Гадке остановился, покачнулся, попятился назад и упал, запутавшись в двух своих ножках.

Лежал он на спинке, раскинув ручки, и упрямо думал, превозмогая очень острые боли в пищеварительном аппарате: «Все равно я не умру. Все равно я выживу. Пусть меня лишили счастья бороться с детьми. Я достану самолет с бомбой и шарахну ее куда следует».

У самого своего фон-гадского сердчишка хранил он, хотя и знал на память, берег, как бесценное сокровище, карту мира, на которой были с военной точностью обозначены места наибольшего скопления детей. «Подождите у меня, малюточки-деточки...»

И он продолжал путь на четвереньках.

Преодолев подъем, фон Гадке встал на дрожащие ножки и опять продолжал двигаться вперед, поражаясь после каждого шага тому, что не упал. Временами он терял сознание, но, очнувшись, с гордостью и радостью обнаруживал, что идет, идет, идет... А потом он полетит, полетит, полетит... нажмет рычаг, и огромная бомба помчится к цели... Ах, как замечательно! Много-много детей погибнет!

Его совиные глаза уже видели впереди огни города. Сколько там еды! Пищи сколько! Очень острые боли в пищеварительном аппарате стали просто невыносимыми. Больше всего фон Гадке боялся, как бы он машинально не начал есть сам себя.

Рассудок у него помутился. Ножки переставлялись сами собой. Ручки сами собой размахивали. Шагал он военным шагом. Совиные глаза уже ничего не видели. Длиннейшие уши ничего не слышали. Острейший нос ничего не унюхивал. Широченный рот был широко раскрыт. Пищеварительный аппарат работал вхолостую, жадно и больно перегоняя большие количества воздуха.

Организмик фон Гадке вел своего владельца на запах съестного. Пахло любимым шпионским блюдом — сосисками с кислой тушеной капустой.

Ножки заработали быстро-быстро, ручки замахали чаще-чаще. Широченный рот раскрылся еще шире. Пищеварительный аппарат замер, приготовившись к большой работе.

Очнувшись, фон Гадке увидел огромный плакат:

**ГОСПОДИН
ОБЕРФОБЕРДРАМХАМШНАПСФЮРЕР
ФОН ГАДКЕ ПОДВЕРГНУТ**

ПОЧЕТНОЙ СПИРТИЗАЦИИ!

**Благодарные потомки-подонки
будут помнить о нем
несколько десятков лет!**

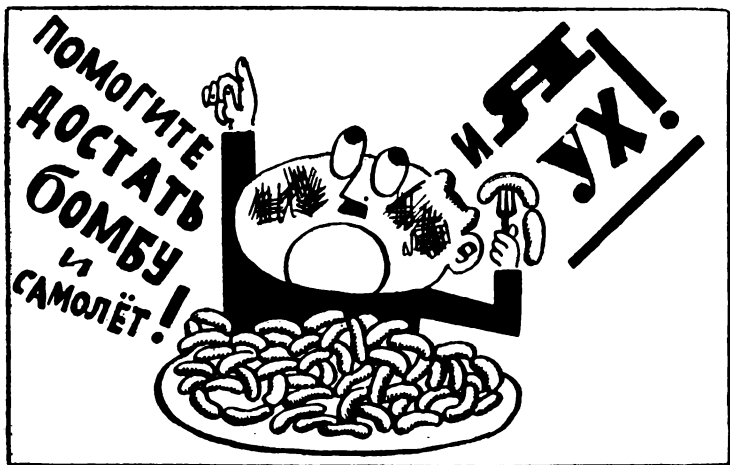
Оказалось, что он попал в шпионский ресторан «Руки хох!», где собрались старые шпионы на вечер, посвященный памяти знаменитого фон Гадке. Он, никем не замеченный, прошел к свободному столику, на котором висел груда сосисок с кислой тушеной капустой. Ручки его начали быстро складывать еду в широко раскрытый широченный рот.

Вокруг раздавалось громкое чавканье, а сквозь него голос:

— Из всех нас он был самый шпионистый шпион. Он принес людям столько горя, сколько не смогли принести мы все, вместе взятые. Жаль только, что он подвергся почетной спиртизации, не успев свершить главного дела своей жизни. Он ушел на тот свет с пустыми ручками. Несколько десятков лет он будет для шпионов положительным примером. Майль!

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — хором ответили старые шпионы.

Проглотив к этому моменту все сосиски и всю кислую тушеную капусту и облизав блюдо, фон Гадке бодро крикнул:

— Я жив! Я не заспиртовался! Сам майн бог привел меня сюда! Я против моей почетной спиртизации! Я не могу больше ждать, когда же наконец начнется новая большая война! Дайте мне самолет с бомбой, и я шарахну ее куда следует! Майль!

— Фи-и-и-иг... ма-а-а-айль... — нестройным, негромким и неуверенным хором отозвались старые шпионы.

— Бомбу! Самолет! Бомбу! Самолет! Шарахну! — И фон Гадке принялся за новую грудку сосисок с кислой тушеной капустой. — Мир давно не вздрагивал от огромного страха! А я — его — вздрогну!

Ответом ему было только громкое чавканье.

Самый старый шпион сказал:

— Если ты избежал почетной спиртизации, значит, ты не выполнил приказа командования. Ты предатель.

— Ты предатель, — глухо повторили старые шпионы.

Фон Гадке разделался уже с третьей грудой сосисок, слотал всю кислую тушеную капусту и яростно заговорил:

— Еще вопрос, кто предатель! А вы жалкие трусы! Бездельники и тунеядцы! Как вы можете спокойно есть сосиски с кислой тушеной капустой, когда в мире еще смеются дети! Скоро они подрастут и дадут нам жизни! Нельзя ждать, когда они подрастут и поумнеют. Дайте мне самолет с бомбой, и я ахну ее куда следует!

— Ты не выполнил приказа Центрхапштаба, — упрямо сказал самый старый шпион. — Ты должен храниться в банке со спиртом. Там в честь тебя стоит почетный караул из молодых кадров. А ты живой. Позор с безобразием!

— Не хотите мне помочь — не надо! — рявкнул фон Гадке. — Я сам достану самолет с бомбой! Вы обо мне еще услышите! Сосисочники вы несчастные! Капустники вы старые!

В дверях показались солдаты из охраны Центрхапштаба. Они расступились, и в зал вбежал барон Баран, закричал:

— Взять его!

ФОН ГАДКЕ ОЧЕНЬ ЛОВКО ВЫПРЫГНУЛ В ОКНО.

Г Л А В А № 48

**СТАРШИЙ САНИТАР ТИМОФЕЙ ИГНАТЬЕВИЧ ПРИМЕНЯЕТ
МЕТОД ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗМ ОФИ-
ЦЕРА ЛАХИТА**

**ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ БЫСТРО
ТА, С КОТОРОЙ ВЫЗДО
РАВЛИВАЛ ОФИЦЕР ЛА
ХИТ, ОБЪЯСНЯЛАСЬ ТЕМ,
ЧТО СТАРШИЙ САНИТАР**

Тимофей Игнатьевич втайне от медицинского персонала применял метод физического воздействия на заднюю поверхность шпионского организма.

Он, то есть старший санитар Тимофей Игнатьевич, брал ремень, проникал в палату и производил, как он выражался, санитарную обработку пациента.

Пациенту, естественно, было больно, и он, естественно, пытался вырваться, прыгал, бегал, скакал, а движения, тем более резкие, — одно из средств борьбы с ленью.

Вот и получалось, что комплексное использование обыкновенного ремня с научными методами давало наибольший эффект.

Однако первым из троих, зараженных балдином, поправился лейтенант Васильков. В одно прекрасное утро

он проснулся, лежал еще немного не двигаясь, потом встал и сам себе шепнул:

— Кажется, я чем-то был болен.

— Дорогой мой Юрочка! — растроганно воскликнул Моисей Григорьевич, увидев его. — Вы первый, кого я вылечил от заболевания ленью, вызванного введением в кровь препарата балдина!

— А что это такое!

— Со временем узнаете.

На другой день выздоровел офицер Лахит. Произошло это следующим образом.

Не надо забывать, что по специальности офицер Лахит был проныра. И едва только его сознание стало к нему возвращаться, он сразу начал хитрить. Он уже кое-что понимал, но вида не показывал. Сквозь огромную лень все настойчивее в голову пробивалась мысль о какой-то опасности.

Офицер Лахит очень боялся старшего санитаря Тимофея Игнатьевича, и это ощущение явилось как бы первым шагом к выздоровлению. С каждым сеансом санитарной обработки задней поверхности организма офицер Лахит все больше приходил в себя. И однажды он дал старшему санитарю Тимофею Игнатьевичу такую сдачу, что тот бухнулся на пол без памяти, а от сильного и резкого движения из организма больного выскочили остатки лени.

Хорошо еще, что тут же подоспела охрана.

И хотя старший санитар Тимофей Игнатьевич применял ненаучный метод лечения пациента, он, пациент, выздоровел, а сторонник метода физического воздействия на организм с этого дня гордо именовал себя жертвой науки.

Моисей Григорьевич сразу догадался о том, как в действительности протекал курс лечения, но все-таки

**Метод
Физического
воздействия**

на мадНюю

ПОВЕРХНОСТЬ

радовался. Вполне может быть, что старший санитар Тимофей Игнатьевич сделал какой-то маленький вклад в науку, хотя и ненаучным путем.

Но был ведь еще один больной, лечение которого пока не давало никаких результатов!

Но вот беда: лень-то у каждого своя! Предположим, если грипп или там ревматизм (или насморк хотя бы) имеют какие-то одинаковые признаки и требуют примерно одинаковых методов лечения, то лень-матушка, повторяю, у каждого своя. И к каждому лентяю надо найти, как говорят специалисты, индивидуальный подход и методы лечения. Ленивую Тамару надо лечить несколько иначе, чем, к примеру, ленивого Алешу.

Когда-нибудь, со временем, наука, конечно, добьется успеха в борьбе с ленью. Но ведь пока она этого добивается, может произойти масса неприятнейших событий. Например, вы, держащий данную книжку в руках, возьмете да и станете на горе всем родным и близким — тунеядцем! Вот какое серьезное создалось положение...

В организме Толика Прутикова образовалось два вида лени: одна — его собственная, и вторая — которая развивалась под действием балдина. Моисей Григорьевич старался вернуть мальчику вкус к пище, осознанное удовольствие двигаться. Этим да еще многочисленными влияниями крови людей энергичных и деятельных предполагалось удалить из детского организма оба вида лени.

Утром санитары с трудом будили мальчика и несли его под холодный душ.

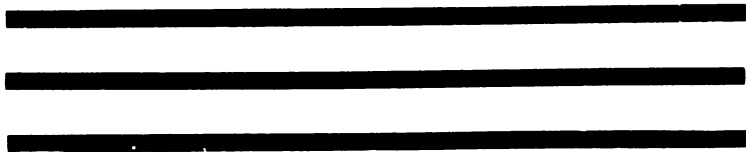
Затем Толика сажали в специальное кресло для кормления, в так называемое кормокресло. Руки вставлялись в зажимы, под подбородком укреплялось жевательное устройство. Включался мотор, и аппарат заставлял Толика брать пищу, класть ее в рот, жевать. На мгновение

через горло мальчика пропускался ток высокого напряжения, вызывал короткую спазму — пища проглатывалась.

Таким образом удалось избавиться от применения искусственного питания.

После завтрака Толика сажали на специальный велосипед или в специальную лодку, и аппараты заставляли мальчика крутить педали или грести.

Увы, все это пока не давало никаких положительных РЕЗУЛЬТАТОВ!

Г Л А В А № 49

ОФИЦЕР ЛАХИТ ТОРГУЕТСЯ И ОКОЛО ВОСЬМИ ЧАСОВ

РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОПЕРАЦИИ „БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ“

**—ПОЗДРАВЛЯЮ С ПОЛ
НЫМ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕМ,—
СКАЗАЛ ОФИЦЕРУ ЛАХИ
ТУ ПОЛКОВНИК ЕГОРОВ,—
РАССКАЗЫВАЙТЕ, ЧТО ВЫ**

Я ВЫ ДАЛ ЕМУ план ОПЕРАЦИИ

знаете о пребывании нашего агента Бокса-Мокса в «Гробе и молнии» и как ему удалось отправить вас к нам?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил офицер Лахит, судорожно обдумывая, как бы ему выкрутиться из этой истории. — Я выдал ему план операции «Братцы-тунеядцы», мы договорились об оплате, выпили по бокалу легкого вина, я захотел спать и больше ничегошеньки не помню. А если Бокс-Мокс не вернулся, значит, его уже подвесили к потолку за левую ногу.

— Сомневаюсь, — твердо сказал полковник Егоров. — Его не так легко разоблачить. Чтобы между нами не было недоразумений, чтобы не тянуть время, знайте, что Бокс-Мокс — это Фонди-Монди-Дунди-Пэк, бывший ВХ-три нуля.

— Эт...то непостижимо! Эт...то невероятно! — заикаясь, воскликнул офицер Лахит. — Недаром шефу его голос показался знакомым! Какая проницательность!

— Итак, не будем тратить время на уговоры. У нас находятся, как вы знаете, Стрекоза и Муравей, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи». Теперь к этой коллекции добавились и вы.

— А на что я могу рассчитывать! — испуганно, но деловито спросил офицер Лахит. — Свобода! Деньги! Или то и другое!

— Ни свободы, ни денег вы не получите. У вас есть возможность лишь смягчить свою участь.

— Но мне уже обещали заплатить! Слово надо держать! Меня еще никогда так подло не обманывали! В конце концов, это просто глупо — быть бесплатным предателем. Надо мной будет дико хохотать весь шпионский мир. Вы обязаны запла...

— Вы участник подлого и грязного дела, — перебил полковник Егоров. — Спасайте себе жизнь, а не торгуйтесь. Рассказывайте о плане операции «Братцы-тунейдцы».

— Это насилие, но я сдаюсь, — обиженно произнес офицер Лахит и начал рассказывать.

Надо сразу сказать, что с первых же слов, произнесенных офицером Лахитом, наступила такая тишина, что когда бы в помещении была хотя бы одна муха, то все бы услышали, если бы она полетела.

Офицер Лахит говорил с таким наслаждением, даже радостно, словно речь шла о рецепте нового сорта необыкновенно вкусного пирожного.

Жуткая стояла тишина.

И если бы существовало слово жутче, я бы написал, что с каждым словом офицера Лахита тишина жутче ла...

Говорил он четыре часа восемь минут, а если учесть,

что речь его переводили переводчики, то рассказ длился около восьми часов.

— Незаурядная гениальность генерала Шито-Крыто,— так заканчивал он,— заключается в том, что в плане операции «Братцы-тунеядцы» удачно сочетаются самые разнообразные способы испорчивания детей. Их, этих способов, в плане более четырехсот семидесяти. Бороться против нашей операции бессмысленно. Она неуязвима. Какой ребенок, например, поймет, что, перестав мыть руки перед едой, он действует нам на руку! А у какого ученика, скажите на милость, хватит ума, чтобы догадаться, что это мы всячески добиваемся, чтобы он стал двоечником или хотя бы троечником! И уж никакая сверхзаботливая бабушка никогда не узнает, что, балуя внука, она фактически выполняет задание шпионской организации «Гроб и молния».

Мы незаметно научим ваших детей не уважать старших, обижать младших, слоняться целыми днями без дела, мучить кошек и собак, стрелять птиц из рогаток, ковырять в носу большим пальцем и так далее и тому подобное. Дети уже примерно знают, чего мы от них требуем.

Задача наша и способы ее реализации настолько просты и естественны, что никто ничего и не заметит,— хвастливо продолжал рассказывать офицер Лахит.— Даже если вы развернете самую широкую пропаганду, углубите разъяснительную работу, призовете на помощь все виды искусства, всех лекторов... Короче говоря, что бы вы ни предприняли, победа за нами. Поймите это и не суетитесь. Отпустите меня и подумайте о себе. Дети ваши, внуки и внучки, считайте, уже погибли. Сматывайтесь от них, пока они не бросились на вас. Спасайте себя! — С огромным удовлетворением оглядев слушающих его, офицер Лахит самодовольно высмор-

кался и возобновил свою речь. — Наша сила в том, что мы ничего не требуем от ребенка. Делай все, что хочешь. А что хочет делать нормальный ребенок? Хулиганить, пакостить, никого не слушаться, дразниться и так далее и тому подобное. Вы говорите в таких случаях ребенку: ай-я-яй. Мы говорим: молодец! И ребенок пойдет за нами, а не за вами. Детям надоело, что их воспитывают. Они хотят свободы. Они хотят делать глупости. И мы им разрешаем это.

Операция «Братцы-тунеядцы» продиктована такой ненавистью к мальчишкам и девчонкам, что в мире не найдется столько любви, чтобы их спасти от нас. «Гроб и молния» убеждена, что каждый ребенок — в душе лодырь. Поможет нам и то, что еще никто в мире, за редким исключением, толком не представляет подлинного значения детей. Тем более не подозревают об этом сами дети. Неоценимую услугу окажет нам и людское невежество, заключающееся, в частности, в том, что человечество не догадывается об опасности, которую несет лень. Мы первыми взяли ее на вооружение...

— А у вас самого есть дети? — поинтересовался полковник Егоров.

— Что вы!! Что вы!! — офицер Лахит весь брезгливо передернулся. — Мы их не перевариваем. У нашего шпионского гимна припев такой:

МЫ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК
ИЗУРОДУЕМ С ПЕЛЕНОК!
УНИЧТОЖИМ ВСЕХ ДЕТЕЙ —
ЖИТЬ НАМ СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЙ!

— Давно вы начали производство балдина! — спросил полковник Егоров.

— Об этом я мало что знаю, — ответил офицер Лахит. — Его производство находится в страшной тайне. Пока препарат стоит очень дорого. — Он оглядел присутст-

вующих, усмехнулся и закончил свою речь тоном приказа: — Я рассчитываю на то, что меня поняли правильно.

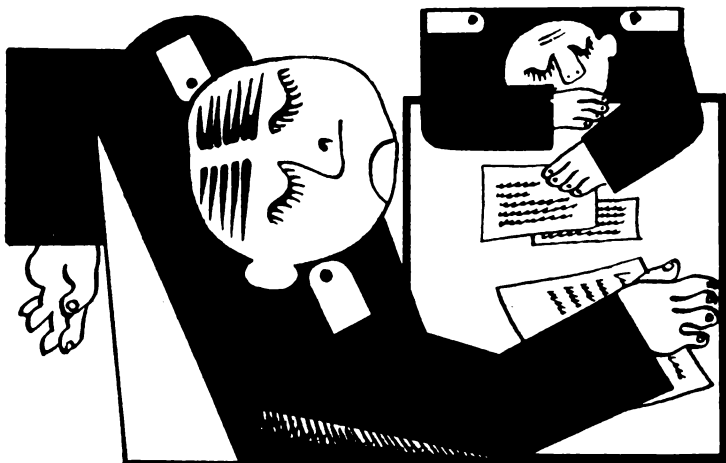
Когда офицера Лахита увели, полковник Егоров сказал:

— Мы всегда знали, товарищи, что враг не дремлет. Мы всегда знали, что враг жесток и коварен. Но и каждый раз поражались его жестокости и коварству. Вот как сейчас. Медлить нельзя. Нам предстоит работа невиданной трудности. Наши дети в опасности. Дежурный, соедините меня с доктором Азбарагузом.

Г Л А В А № 50

**БОКС-МОКС ИДЕТ НА РИСКОВАННЕЙШИЙ ШАГ И ПОПА-
ДАЕТ В ЕЩЕ БОЛЕЕ БЕЗВЫХОДНЕЙШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ**

**ПОЛОЖЕНИЕ БОКСА-МОКС
СА БЫЛО КРАЙНЕ ОПАС
НЫМ И БЕЗВЫХОДНЫМ.
ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ГЕНЕ
РАЛ ШИТО-КРЫТО НЕ ВЫ**

лечится, бывшему ЫХ-000 ничего не грозило, кроме встречи с врачом Супостатом.

За эти дни Бокс-Мокс ловко пользовался балдином, и более трех десятков сотрудников обленились и храпели прямо в своих служебных креслах.

Врачи, как говорится, в поте лица уже не переливали, а перекачивали кровь у больных. Самому генералу Шито-Крыто кровь перекачали восемь раз. Он изредка открывал то один, то другой глаз и мычал.

Все работы в организации несколько притормозились. Сотрудники строчили доносы, шпионили друг за другом, по очереди отправлялись в карцер, временами кое-кого наугад увольняли.

Никого, в общем-то, не беспокоило бесследное ис-

чезновение офицера Лахита, но всех ужасало, что будет со всеми, когда выздоровеет начальство.

Начальство же пока еще только мычало.

Какое-то время в такой обстановке Бокс-Мокс не вызывал особых подозрений, потому что под подозрением находились все, и имел достаточное количество времени, чтобы думать о своем безвыходном положении.

Однако с каждым днем, а точнее, с каждым часом, он встречал на себе все более подозрительные взгляды. Он догадывался: сотрудники выбирали, кого бы подsunуть генералу Шито-Крыто на расправу под горячую руку.

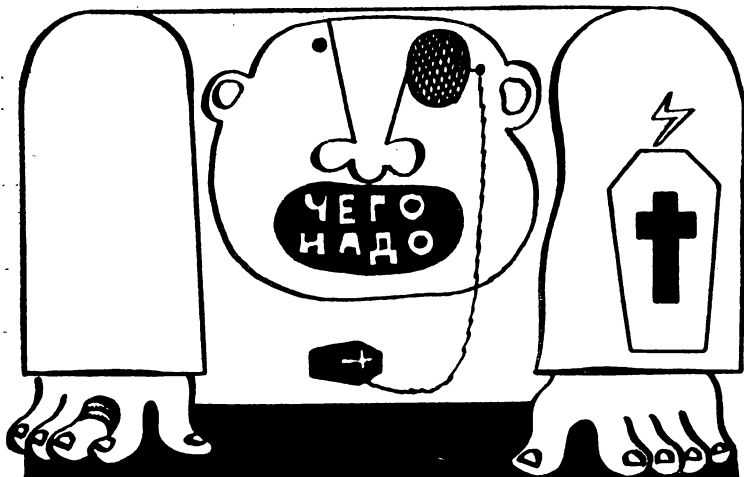
Боясь встречи с врачом Супостатом, своим бывшим приятелем, бывший БХ-000 прятался в самых укромных местах, лишь изредка делая рискованные попытки добраться до рации, чтобы передать полковнику Егорову сведения о балдине. До рации ему добраться не удавалось, пароля на выход он не знал, и узнать его было нельзя: сотрудники боялись разговаривать друг с другом, боялись даже взглянуть друг на друга.

Надо было что-нибудь да предпринимать! Как только генерал Шито-Крыто окончательно придет в себя, он сразу вспомнит, кто подал ему стакан воды. Затем ему станет известно, что запасы балдина и инструкции по его производству украдены. И висеть Боксу-Моксу на левой ноге под потолком!

Обдумав свое безвыходное положение в сто восьмой раз, Бокс-Мокс принял рискованнейшее, но единственно возможнейшее решение. Терять ему, бывшему БХ-000, было нечего. Он очень твердым шагом направился в госпиталь, разыскал кабинет «Ухо, глаз, нос и вся физиономия в целом» и вошел.

За столом сидел толстенный врач Супостат. Он спросил своим толстым голосом:

— Чего надо!

— Начальника,— ответил Бокс-Мокс, внимательно следя за выражением его лица.

— Я начальник. Чего надо!

— Перед своим бесследным исчезновением господин офицер Лахит начал оформлять меня на работу в штат.

— В штат или штаб!

— В штат штаба. Присутствовавший при этом господин генерал Шито-Крыто имел со мной разговор, в котором назначил меня на пластическую операцию лица. А что мне делать сейчас! Уйти я не могу, не знаю пароля на выход. А быть в бездействии, когда все работают, стыдно.

— Руки вверх! — скомандовал врач Супостат, выхватив пистолет.— Привет, Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Привет, ЫХ-три нуля!

— Я ничего не понимаю, — спокойно сказал Бокс-Мокс, — на каком языке вы разговариваете?

— Разговаривать с тобой будет шеф. — И врач Супостат ловко защелкнул на руках Бокса-Мокса наручники, тем более, что тот и не сопротивлялся. — Вот так. Садись. Гы-гы-гы, будь как дома! Я всегда поражался твоей наглости, но на сей раз она граничит с безумием. Отчего тебе взбрело в голову показаться мне! Я ведь столько раз перекраивал твою подлую физиономию, что знаю наизусть все ее варианты. А голос! А руки! А бородавка на левом ухе! А принести тебе отпечатки твоих пальцев, ну, например, с правой ноги! Что заставило тебя вернуться к нам вообще и прийти ко мне в частности?

После всего услышанного притворяться не имело никакого смысла, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил:

— Сейчас я работаю на самого себя. Решил на старости лет пожить нормальным человеком. Рыбку положить, к примеру, на так называемой утренней и так называемой вечерней зорьках.

— Мозги у тебя в порядке!

— Как никогда.

— Почему же я ничего не понимаю! — удивился врач Супостат. — Тебе много платят! Сколько ты заработал на том, что выдал «Фрукты-овощи»!

— Две рыбалки.

— Ты зря разыгрываешь меня! — рассвирепел врач Супостат. — Дружба дружбой, а шпионская служба шпионской службой! Ты в моих руках, не забывай!

— Я в твоих наручниках, — весело поправил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А пришел я к тебе потому, что надеюсь договориться. Мне надо выбраться отсюда до того, как выздоровеет Шито-Крыто.

— Меня душит смех! Гы-гы-гы!

— Зря гыгыкаешь. Здесь ты за меня ничего не полу-

чишь, тем более, что я сумею тебя подвести. Заявлю, что был с тобой в сговоре, что это ты пустил меня сюда.

— Тебе не поверят! — в ужасе завопил врач Супостат.

— Еще как поверят! Даже разбираться не будут! Сразу к потолку за левую ногу! А я тебе заплачу — из рук в руки — в хорошей валюте сорок тысяч.

— А где я получу деньги! Когда!

— У меня. Как только я выберусь отсюда.

— Эх, Фонди, Фонди! Эх, Монди, Монди! Эх, Дунди, Дунди! Пэк ты Пэк! Разве могу я тебе, понимаешь, тебе поверить! Это же, гы-гы-гы, смешно!

— Сорок тысяч в хорошей валюте. Из рук в руки. Ты ничем не рискуешь. Я имел дело только с Лахитом и генералом. Меня здесь никто не знает. Я нигде не числюсь.

— Ох, боюсь! Ух, боюсь! Эх, боюсь!

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк прекрасно знал шпионскую натуру вообще и врача Супостата в частности и спокойно смотрел, как страдает его бывший приятель; потом сказал:

— Ты ведь боишься только того, что не получишь деньги. А ты не бойся. Сними-ка с меня наручники и дай мне закурить. Спасибо. Ты стал плохо соображать.

— Измотался. Устал. Все трясутся от страха. И я трясусь. Но твои деньги спасли бы меня. Подал бы я в отставку и смотался бы куда-нибудь подальше.

— Соображай быстрее! — уже нервно сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Генерал может выздороветь в любой момент, и тогда плакали твои сорок тысяч в хорошей валюте. Ни тебе, ни мне тогда не выйти отсюда живьем. Соображай!

— У меня никуда негодные нервы, — чуть не плача, пожаловался врач Супостат. — У меня голова работает с перебоями!

— Можешь узнать пароль на выход отсюда!

— Это трудно. Его часто меняют. А мы сами выходим по пропускам. Сорок тысяч в хорошей валюте! Сорок тысяч в хорошей валюте! Я буду думать! Я обязательно что-нибудь приду...

— Всем, всем, всем! — загремел из радиоприемника голос генерала Шито-Крыто.— Всем оставаться на своих местах! Под страхом смертной казни через подвешивание к потолку за левую ногу не шевелиться, не двигаться, не разговаривать! Не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатель! Сверхспецразведка, приступить к обыску!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк спокойно курил, а врач Су-постат смотрел на него вытаращенными от ужаса глазами и толстым голосом бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте... сорок тысяч в хорошей валюте...

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ,

**последняя из написанных лично автором и на-
званная им коротко**

**„пред
финалом“**

Г Л А В А № 51

**ВРАЧ СУПОСТАТ ПРЯЧЕТ ФОНДИ-МОНДИ-ДУНДИ-ПЭКА В
СВИНЦОВЫЙ ГРОБ, А ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО ПРЕВРАЩАЕТ
ЭТОТ ГРОБ В ЛЕПЕШКУ**

**ФОНДИ - МОНДИ - ДУНДИ -
ПЭК СПОКОЙНО КУРИЛ,
А ВРАЧ СУПОСТАТ СМОТ
РЕЛ НА НЕГО ВЫТАРАЩЕН
НЫМИ ОТ УЖАСА ГЛАЗА**

40000 в чистой валюте

ми и бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте... сорок тысяч в хорошей валюте...

Из радиоприемника гремел голос генерала Шито-Крыто:

— Не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатель! Никому не двигаться с места! Не шевелиться! Среди нас предатель!

— Что делать! — спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Не знаю, не знаю, я ничего не знаю, — прошептал врач Супостат. — Я ничего не соображаю. Ведь предатель — это ты! Тебя ищет сверхспецразведка. Я обязан сообщить о тебе, чтобы ты погиб, а ты остался жив-живехонек!

— Если я погибну, ты не получишь сорок тысяч в хорошей валюте. Кроме того, если ты меня выдашь, я тебя тоже продам. Я умею это делать. Тебе не выкрутиться. Давай что-нибудь придумывай!

— Не могу, не могу, не могу! У меня не соображается! Соображай ты!

— Сиди спокойнее,— посоветовал Фонди-Монди-Дунди-Пэк.— Придумай, куда меня спрятать. Остальное я беру на себя.

— Нам не обмануть сверхспецразведку! Она вот-вот будет здесь! Ах, если бы не сорок тысяч в хорошей валюте, я бы спокойно выполнил свой долг и выдал тебя!— Толстый голос врача Супостата от страха и жадности стал тонким, почти писклявым.— Ты просто обманул меня! У тебя не может быть таких денег!

— Деньги у меня есть,— невозмутимо проговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.— Спрячешь меня — получишь сорок тысяч в хорошей валюте. Не спрячешь — не получишь.

Врач Супостат выскочил из-за стола, нажал в стене кнопку, стена раздвинулась, и за ней оказался стол, а на столе большой свинцовый гроб. Врач Супостат нажал кнопку на столе, крышка гроба приподнялась. Он шепнул:

— Залезай. Запас кислорода на четыре часа!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк забрался в гроб, крышка опустилась, половинки стены соединились, врач Супостат выпил пол-литра валериановых капель и сел в кресло с таким видом, словно приготовился умереть.

В кабинет с тремя офицерами и пятью собаками из сверхспецразведки ворвался генерал Шито-Крыто, заорал:

— Где Бокс-Мокс! Где этот негодяй!

Если бы врач Супостат даже и захотел ответить, то не

смог бы: со страха челюсти ему свело судорогой, он стоял как столб.

— Если через четырнадцать секунд не ответишь, висеть тебе под потолком за левую ногу! Считайте!

— Раз! Два! Три! — начал считать один из офицеров свержспецразведки, и с каждой цифрой врач Супостат все сильнее ощущал приближение своей холодной смерти.

— Четырнадцать!

— Эоуа... — еле шевеля сведенными судорогой челюстями, выговорил он. — Ауе...

— Ну, ну!

Он глазами показал на кнопку в стене. Генерал Шито-Крыто ткнул пальцем, стена раздвинулась. Он сквозь зубы процедил:

— Попался, голубчик... нет, я тебя не подвешу к потолку за левую ногу... я тебя изрежу перочинным ножиком на мелкие куски и зажарю на подсолнечном масле... Отвечай, что ты успел сделать!

— Я оставил тебя в дураках, — раздался голос Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Ты не успеешь разрезать меня перочинным ножиком на мелкие кусочки. Раньше ты лопнешь от дикой злобы.

Генерал Шито-Крыто с трудом удержался на ногах; он побагровел, затем побелел, потом посинел и, став совершенно черным, прохрипел:

— Это ты взял балдин!

— Я. А офицер Лахит выдал план операции «Братцы-тунеядцы». А Стрекоза попалась.

Генерал Шито-Крыто зарычал и заколотил по гробу кулаками, сплющил его в лепешку, сложил вдвое, еще раз сплющил и заорал:

— Где правда! Где справедливость! — И его затрясла такая трясучка, что три офицера повисли на нем, но

унять ее не смогли — отлетели. Пять собак со страха залезли под стол вместе с врачом Супостатом, и там вше-стером скулили. — Ни стыда, ни совести ни у кого нет, — бормотал генерал Шито-Крыто, стараясь унять трясу-чку. — Все предатели... все негодяи... ни одного порядочного человека...

Это был бред. Уж если генерал Шито-Крыто заговорил о желании иметь рядом порядочных людей, значит, свихнулся.

Врач Супостат вылез из-под стола и поставил в генеральскую голову несколько уколов.

— Где правда! Где справедливость, Супостат!

— Правды нет, шеф. Справедливости тоже. Сорока тысяч в новой валюте тоже нет.

— Какие сорок тысяч! Какая хорошая валюта!

— Эту сумму обещал мне расплющенный вами Бокс-Мокс, если я предаю вас.

— И ты не предал! — удивился генерал Шито-Крыто.

— Ни в коем случае! Я специально спрятал его в гроб, чтобы он не убежал. Вы знаете, кто такой был Бокс-Мокс!

— Предатель, проходимец и приятель проныры Лахита.

— Нет, шеф, — очень осторожно выговорил врач Супостат, — это был ЫХ-три нуля.

Генерал Шито-Крыто нервно хихикнул и спросил:

— Ты решил меня разыграть! С какой целью! ЫХ-три нуля давно нет на свете!

— Шеф, это был он, уверяю вас! Я его сразу узнал. Да он и сам потом в этом признался.

— Идите, — вяло приказал генерал Шито-Крыто офицерам из сверхспецразведки и собакам и, когда те поспешно убрались, сказал: — Может получится огромный крах. Значит, Лахита выкрали. Проныра проныру украл.

Балдин тоже выкрали. И план операции «Братцы-тунеядцы» разглашен.

— Но ведь я не имею к этому никакого отношения, шеф! — Врач Супостат бухнулся перед ним на колени. — Я никогда ни за что не предавал вас!

— Значит, не было подходящего случая. Почему ты сразу не сказал, что в гробу ЫХ-три нуля!

— У меня судорогой свело челюсти от страха перед вами. Ведь вы дали мне всего четырнадцать секунд, и я растерялся. Плохо у меня с нервами. Устал. Вымотался. Пора отдыхать.

Генерал Шито-Крыто согласно покачал своей огромной, без единого волоска головой, проговорил:

— Это понятно. Я тоже устал. Но мне отдыхать некогда. Работы много. Срочной работы. А я остался без помощника.

И он побрел к дверям, еле переставляя ноги, постоял у дверей, обернулся, спросил:

— А ЫХ-три нуля не рассказывал тебе, каким образом он смог проникнуть обратно к нам!

— Никак нет, шеф.

— Мне понятно, почему он выдал «Фрукты-овощи». Это естественно. Но... если он вернулся к нам, то почему не предал тех, кто его послал сюда! Что его заставило вернуться к нам!

— Понятия не имею, шеф.

Генерал Шито-Крыто вышел.

Врач Супостат перекрестился, бормоча:

— Пронесло, господи... пронесло, господи...

— Нет, не пронесло! — раздался голос Фонди-Монди-Дунди-Пэка, и он сам собственной персоной оказался перед столом. — Зачем же так легко отказываться от сорока тысяч в хорошей валюте!

— Как ты... как тебе... как...

— Я все ваши штучки знаю. Просто вылез из гроба и спрятался. Задача проста: сейчас меня уже не ищут. Меня нет. Ты помогаешь мне отсюда выбраться и получаешь из моих рук сорок тысяч в хорошей валюте... Ну, что тебя беспокоит?

— Я не представляю...

— Ну хорошо. Мне остается пойти к Шито-Крыто и рассказать...

— Он подвесит тебя к потолку за левую ногу!

— И тебя со мной за компанию.

— Зачем ты явился сюда? Зачем свалился на мою бедную голову? Уже лучше бы ты не вылезал из гроба...

На какое-то мгновение, а может быть, и на несколько десятков секунд Фонди-Монди-Дунди-Пэк пожалел врача Супостата, но жалость эта быстро прошла, и Бокс-Мокс сказал:

— Не врач ты, а враг. Ну потряси ты свой глупой головой, пораскинь, как говорится, мозгами, если, конечно, они у тебя есть. Подумай. Поразмышли. Сообрази. Всю жизнь ты имеешь дело только со шпионами. Неужели ты до сих пор не знаешь нашей натуры!

— Знаю, знаю, еще как знаю! — прокричал Супостат. — Я не только натуру вашу знаю! Я у каждого из вас даже нос помню! И не верю я ни одному вашему слову! И нельзя вам верить! Все равно обманете!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк с сожалением покачал головой и сказал:

— Даю тебе на размышление семь с половиной секунд.

В радиоприемнике что-то затрещало, и раздался голос генерала Шито-Крыто:

— Всем, всем! Предатель уничтожен. Наши ряды очищены. Дела наши идут прекрасно. В «Гробе и мол-

нии» вводится наичрезвычайнейшее наивоеннейшее положение. Ждите важного приказа.

— Вот...— тонким голосом шепнул врач Супостат.— Слышал!

— Пойми ты! — рассердился Фонди-Монди-Дунди-Пэк.— Мы с тобой связаны одной веревочкой. Я без тебя никуда не денусь. И тебя от себя никуда не отпущу. А ты городишь чепуху. Трусишь.

— Трушу,— признался врач Супостат,— никогда в жизни так не трусил. Просто не знаю, что и делать. Понятия не имею.

ТУТ ДАЖЕ ФОНДИ-МОНДИ-ДУНДИ-ПЭК ПРИУНЫЛ.

Г Л А В А № 52

**ПЕРВЫЙ ВПОЛНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОСТУПОК МЛАДШЕГО
СЕРЖАНТА СТРЕКОЗЫ НА ПУТИ ЕЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ИЗ
АГЕНТОЧКИ В НОРМАЛЬНУЮ ДЕВОЧКУ**

**СЛУЧИЛОСЬ СОВЕРШЕН
НО НЕВЕРОЯТНОЕ СОБЫ
ТИЕ—ЛЕЙТЕНАНТ ВАСИЛЬ
КОВ ОТКАЗАЛСЯ ВЫПОЛ
НЯТЬ ЗАДАНИЕ, ЗАЯВИВ**

**НЕ МОГУ
БОЛЬШЕ
ВСЕХ ХОЖУ
ИСКУСАННЫЙ
И
ИЩАРА
ПАМНЫЙ**

следующее:

— Прошу освободить меня от этого задания, не могу больше. Весь хожу искусанный и ищарапанный, а толку никакого. Разве это служба получается! Пошлите меня на любое самое опасное дело — только от Стрекозы освободите!

Полковник Егоров нахмурился, помолчал и спросил:

— А что такое Стрекоза, знаете! Она младший сержант по званию, агент иностранной разведки. И вы обязаны с ней справиться, как обязаны справиться с любым агентом. А вы малодушничаете, расписываетесь в собственном бессилии.

— Ну не получается если! Я ведь стараюсь! Я ведь не царапин и укусов боюсь, а стыдно мне, что ничего у меня

не получается! Я из-за нее ночей не сплю! А результат! Нуль без палочки!

— Кто же ею, по-вашему, заниматься будет! Я, что ли! Вам не нравится, что она кусается и царапается. Это действительно неприятно, я понимаю.— Полковник Егоров усмехнулся.— Значит, вы предлагаете другого работника ей на растерзание отдать! Правильно я вас понял! Пусть другой кто-нибудь помучится, так! Вы этого хотите!

— Не могу знать. Просто ничего у меня не получается. Звереныш она, а не человек.

Полковник Егоров мягко возразил:

— Нет, она человек, но воспитали ее зверенышем. Не могли же из нее выбить все человеческое! И мы не имеем права посадить ее в клетку, как настойчиво рекомендует бывший генерал Батон. Что-то надо придумать наше. Не исключена, кстати, возможность, что мы встретимся со шпиончиками генерала Шито-Крыто. Вполне вероятно, что они примут участие в операции «Братцы-тунейдцы». Продолжайте выполнять задание, и чтоб больше я не слышал от вас всяких там разных... отговорок.

— Есть,— унылым голосом произнес лейтенант Васильков.— Разрешите идти!

Надо сказать, что судьба младшего сержанта Стрекозы занимала полковника Егорова не только с той точки зрения, что рано или поздно со шпиончиками генерала Шито-Крыто придется иметь дело, и тогда агенточка может оказать неоценимые услуги, если ее перевоспитать, то есть превратить в нормального человека.

Жаль, что насчет Стрекозы своевременно не посоветовались с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. А теперь — когда он вернется и вернется ли! Давно он молчит. Видно, дела его там, в «Гробе и молнии», плохи. Будем надеять-

ся, что с его знаниями и опытом он как-нибудь да выкрутится.

План операции «Братцы-тунеядцы», в общих чертах сообщенный офицером Лахитом, сейчас рассматривается командованием. В ближайшее время начнется подготовка к контроперации под условным названием «Каюк». Работа предстоит необычная и по масштабам невиданная. Одна из сложностей заключается в том, что офицер Лахит многих важнейших деталей операции не знает. Неизвестно, например, когда начнется ее осуществление и какими путями будут перебрасываться большие группы агентов.

И если полковник Егоров имел дело с планом операции «Братцы-тунеядцы» в целом, то лейтенанту Василькову предстояло решить частную задачу — воевать с младшим сержантом Стрекозой до победного конца.

Казалось, с каждым днем характер ее становился все злее и ожесточеннее; дежурные отметили, что это особенно обнаружилось, когда у нее отобрали таблетки балдина.

Из мешка агенточку выпускали только поесть, попить да еще кое для чего. Фруктовки она пила много, а вот ела редко, не чаще одного раза в два-три дня, и только котлеты.

Лейтенант Васильков все ждал, когда же она устанет сидеть в мешке, вернее, висеть, потому что, если мешок опускали на пол, она принималась кататься, и тогда ее опять приходилось подвешивать. И еще лейтенант Васильков все надеялся, что если она и не устанет висеть в мешке целыми сутками, то по крайней мере ей это когда-нибудь да надоеет.

Кроме ругательств, от Стрекозы не слышали ни одного путного слова. Купили ей куклу — агенточка разорвала ее за полторы минуты и еще долго грызла.

— Посадить тебя в клетку! — рассердившись на нее, спрашивал лейтенант Васильков.

— Эфорт! (Валяй!)

Ну, что тут будешь делать! Приказ, конечно, есть приказ, надо его выполнять, но — как?!

И вот тут-то лейтенант Васильков, совершенно отчаявшись хоть немного воздействовать на Стрекозу, принял невероятный шаг — решил отказаться от задания. Возвращаясь после объяснения с полковником Егоровым, он подумал, что еще дешево отделался. Могло бы и попать, и здорово.

В камеру к Стрекозе он вошел раздраженный, готовый на все, сказал:

— Так вот, госпожа Стрекоза, чтоб тебе пусто было! Давай окончательно договоримся. Сколько это может продолжаться! На что ты рассчитываешь! На искривление позвоночника! Что за охота в мешке сидеть! Превращайся давай в человека!

— Гутто мурирз! (Лучше умереть!)

— Ты пойми, что дела вашей «Гроб и молнии» — гроб без молнии. Какой смысл тебе безобразничать!

— Рэхитиг амил! (ругательство).

«Вот и поговори с ней, — уныло думал лейтенант Васильков. — Ее даже припугнуть нечем. Голода она не боится. Холода не боится. Боли не боится. Выносливости необыкновенной. Звереныш и звереныш. За что мне такое наказание! Нет ничего хуже, когда тебе поручат дело, а ты и понятия не имеешь, как его делать. Одно только и утешение, что никто вообще не знает, на что эта агенточка годится. Даже полковник Егоров не знает. Тогда получается, что я должен гордиться оказанным доверием! Ладно, погоржусь. Но дело от этого с места не сдвинется».

Однако надо действовать.

Он сходил за бутылкой фруктовой воды, опустил мешок на пол. Стрекоза сразу начала кататься.

— Фруктовку принес, не дергайся!

Младший сержант моментально притихла. Лейтенант Васильков выпустил ее из мешка, предложил:

— Садись, потолкуем. Ты офицера Лахита знаешь!

— Он помощник шефа,— впервые на человеческом языке ответила Стрекоза, не сводя глаз с бутылки.

— Хочешь его увидеть?

— Дерки! (Враки!)

— Он бы тебе объяснил обстановку. Сообщил бы, что мы знаем план операции «Братцы-тунеядцы».

В глазах Стрекозы мелькнул испуг, она крикнула:

— Авэк провокт нон загер! (С предателями не разговариваю!)

— Он не предатель. Он просто нам попался. Он говорит, что генерал Шито-Крыто отдал приказ тебя, как предателишку, обезвредить.

И все десять пальцев обеих рук младшего сержанта Стрекозы едва не вцепились в лицо лейтенанта Василькова. В сердцах он вывернул ей руку так, чтобы агенточка не могла пошевелиться, и крепко отшлепал ее по тому самому месту, по которому и наказывают провинившихся детей.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич назвал бы эти действия санитарной обработкой задней поверхности организма младшего сержанта при помощи верхней правой конечности лейтенанта.

Но Стрекоза — вот чудеса! — притихла, не двигалась, хотя лейтенант Васильков больше не держал ее, и вдруг разревелась во все горло, разревелась совсем по-человечески, как обыкновенно режут обиженные девочки.

От величайшего удивления лейтенант Васильков стал гладить ее по голове, растерянно приговаривая:

— Перестань, ну перестань... больше не буду... сама виновата... перестань... больше не буду...

— Больше не буду! Больше не буду! — сквозь рыдания совсем по-человечески выкрикивала Стрекоза.— Сама виновата! Сама виновата!

Совершенно обескураженный лейтенант Васильков не знал, что ему и делать, забыл, что перед ним агенточка иностранной державы, пожалел ее (не державу, конечно, а девочку) и поцеловал ее от этой жалости в лоб.

Зарыдав еще громче, Стрекоза обхватила его шею руками, прижалась мокрым от слез лицом к его лицу и бормотала, содрогаясь от рыданий:

— Сама виновата... больше не буду... сама виновата... больше не буду...

А не мешало бы эту сцену посмотреть генералу Шито-Крыто. Если бы он и не лопнул от дикой злости или с досады, то по крайней мере ему было бы о чем подумать своей огромной, без единого волоска головой. Но ничего бы он ею, похожей на арбуз, футбольный мяч или глобус, не понял! Не он первый пытался сделать из человека зверя или болвана, затратив на это мерзкое дело массу времени, подлости, сил и умения. Всё учел генерал Шито-Крыто, всё, кроме того, что его шпиончики родились людьми!

Отнесись лейтенант Васильков к Стрекозе только как к младшему сержанту иностранной разведки — неизвестно, чем бы это закончилось. Может быть, и пришлось бы Стрекозу на всю жизнь в клетку поместить (чтобы не было искривления позвоночника, которое могло случиться, если бы ее оставить в мешке). Вполне вероятно, что агенточка могла даже и покончить с собой, убедившись, что ей не выполнить задания генерала Шито-Крыто, а простить себе этого она не могла.

Но лейтенант Васильков в сердцах отшлепал ее, как

обыкновенную провинившуюся девчонку, и по тому самому месту, по которому шлепают именно детей.

Вы помните, конечно, что Стрекоза умела драться и дралась жестоко, и ее били жестоко, но били по каким угодно местам, только не по тому, которое специально предназначено для шлепанья. И обратите внимание: шлепанья, а не битья. Ударь лейтенант Васильков младшего сержанта — и никакого бы воспитательного эффекта, разве бы что сдачи получил в виде укусов и царапин.

К тому же у детей, как известно, место для шлепанья имеет прямую внутреннюю связь с глазами, единственным местом, где вырабатываются и откуда выделяются во внешнюю среду слезы. Шлепнешь по специальному месту, а из глаз — слезы! Прямая внутренняя связь!

А начав плакать (чего шпиончики делать не умели), Стрекоза тем самым уже совершила вполне человеческий поступок.

Когда же, пожалев агенточку, лейтенант Васильков поцеловал ее в лоб, она разрыдалась еще громче: ведь впервые в жизни ее пожалели.

И ей все это очень понравилось. И чем растеряннее лейтенант Васильков просил ее успокоиться, тем громче она рыдала и, наконец, стала рыдать так безутешно, что лейтенант Васильков, не зная, как быть дальше, неожиданно для себя самого предложил:

— Давай-ка лучше пообедаем!

И они пошли в столовую. Стрекоза взяла его за руку обеими руками, сказала неуверенно:

— Хочу котлету...

— Будет у тебя котлет столько, сколько ты только захочешь!

— А хлеб!

— Еще больше!

В столовой Стрекоза растерялась и напугалась. Сре-

ди обедающих было немало людей в чужой военной форме, а Стрекозу воспитали так, что каждого человека, и особенно военного, она считала заклятым врагом, и если она первой не успеет выстрелить в него, то он выстрелит в нее обязательно.

Но никто не наводил на нее дуло пистолета, никто не командовал «Руки вверх!» — самые страшные для шпиона слова, и она не выпускала руки своего сопровождающего.

— Суп есть не будем! — спросил он, и Стрекоза ответила:

— Хочу котлету.

— Сколько штук!

— А сколько можно!

— Сколько, как говорится, влезет.

— Не знаю. Много-много.

— Десять порций достаточно!

— Ах!

Официантка, поставив на стол тарелку с грудой котлет, во все глаза смотрела на девочку. А та проглотила, почти не жуя, одну котлету, вторую, третью...

— Не торопись, не торопись! — испуганно попросил лейтенант Васильков. — А то худо тебе с непривычки будет! Обьешься!

— Бедная, бедная! — воскликнула официантка. — Где же ты так проголодалась? Будто бы года два не ела... Звать-то тебя как!

— Стрекоза, — ответила Стрекоза, съев последнюю котлету, и принялась за хлеб.

— Стрекоза!! — удивилась официантка. — Хотя ничего особенного. И не так еще назвать могли.

Она хотела еще что-то спросить, но лейтенант Васильков выразительным взглядом велел ей молчать.

Уничтожив хлеб, Стрекоза уставилась на его тарелку,

на которой была нетронутая порция. Конечно, он пододвинул тарелку.

Официантка принесла десять стаканов компота и, не сдержав любопытства, спросила:

— Да где же она, бедная да болезная, проголодалась так!

— Там, — уклончиво ответил лейтенант Васильков и едва успел подхватить Стрекозу, чтобы она не упала со стула: девочка крепко спала.

Он взял ее на руки и, провожаемый десятками любопытствующих взглядов, направился к выходу.

Шел он и не без большого удивления думал, что впервые в жизни бережно несет на руках агента иностранной разведки. Но куда его, то есть ее, нести! Камера напомнит ей о том, где она и кто она такая, и все опять начнется сначала. Опять лейтенант Васильков несколько раз в день будет посещать медпункт, чтобы смазать йодом царапины и укусы.

И, поразмыслив, он прямым ходом двинулся к полковнику Егорову, в кабинете осторожно опустил Стрекозу на диван и облегченно произнес:

— Вот. Докладываю: отшлепал по одному месту, когда нервы мои не выдержали. Плакала она. Рыдала и ревели. В столовой накормил. Уснула там.

— Интересно, — помолчав, проговорил полковник Егоров. — Даже понятно. Ее толком ни разу не кормили, всегда жила впроголодь, а на сытый желудок нормальному человеку хочется спать. Вот она и сморилась. Что дальше предпринимать намерены!

— Не знаю, — вздохнув, ответил лейтенант Васильков. — Но считаю, что в камеру ее обратно нельзя.

— Верное соображение. А куда! Ведь нет никакой гарантии, что, проснувшись, она не бросится на вас или кого другого.

— Константин Иванович! — очень порывисто сказал лейтенант Васильков. — Вы всегда учили меня работать, не боясь риска. Вы всегда учили меня работать с выдумкой. Случай мы имеем необычный, значит, и подход надо отыскать тоже необычный. Разрешите мне под мою личную ответственность взять агенточку... то есть девочку, к себе домой! Я живу с мамой.

— Нет, нет, слишком рискованно! — отрицательно покачивая головой, ответил полковник Егоров. — А если она вытворит что-нибудь! А если, хуже того, улизнет!

— Вроде бы не должна, Константин Иванович. Не знаю, как вам объяснить, но я уверен, что иного выхода нет.

— В принципе-то я с вами согласен. Убеждать меня не надо. И уговаривать тоже не требуется. Но ведь только сегодня утром вы утверждали, что это звереныш.

— Виноват, поторопился с выводами.

Они одновременно взглянули на Стрекозу. Та крепко и сладко спала, как обыкновенная нашалившаяся девочка. Но они понимающе переглянулись, подумав: сколько еще нужно сделать, чтобы она действительно превратилась в обыкновенную девочку!

Лежит себе на диване, сладко и крепко спит, и вроде бы никому в голову не придет, что не девочка это обыкновенная, а самый настоящий агент иностранной разведки. Вот тут и соображай, вот тут и принимай решение! Подумаешь, что она обыкновенная девочка, а она тебе из пистолета три пули в сердце! Решишь, что она шпион, а она все-таки девочка...

— Вот что! — решительно сказал полковник Егоров. — Продолжайте выполнять задание! Нет у нас иного выхода. Скоро-скоро начнется осуществление операции «Братцы-тунейдцы». В ней наверняка примут участие шпиончики. И если мы не справимся с одним, вернее, с

Г Л А В А № 53

ПАПА ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ОВЛАДЕВАЕТ ИСКУССТВОМ ВЕ-
ДЕНИЯ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА. ОСЛОЖНЕНИЯ В СЕМЬЕ
ПРУТИКОВЫХ В СВЯЗИ С ПРИЕЗДОМ МАМЫ

**МИР И ПОКОЙ ХОТЯ ВСЕ
ЕЩЕ И НЕ ВЕРНУЛИСЬ В
СЕМЬЮ ПРУТИКОВЫХ, НО
ДЕЛА В НЕЙ СЕЙЧАС ШЛИ
КУДА КАК ЛУЧШЕ, ЕСЛИ**

не учитывать того, что до сих пор Толик был в больнице, а мама на юге в санатории.

Перемены в семье в лучшую сторону начались с того дня, когда папа Юрий Анатольевич заявил торжественно и высокопарно:

— После долгих и мучительных раздумий, сопровождаемых глубокими переживаниями, я твердо решил в корне изменить свои взгляды на себя и на жизнь. Раньше семья жила для меня. Теперь я должен ей отплатить. Сейчас я буду жить для семьи. Одновременно буду положительным примером для сына.

— Большой принципиальный шаг вперед делаешь,— одобрила бабушка Александра Петровна.— Овладел ты, Юра, наконец-то научным подходом к действительности.

Теперь я за вас спокойна. Только переходи от слов к делу немедленно, а то остынешь.

И папа Юрий Анатольевич от слов перешел к делам — начал овладевать основами качественного приготовления пищи на газовой двухконфорочной плите.

Не буду описывать все многочисленные случившиеся с ним мелкие, средние и крупные конфузы, которые он перенес болезненно, но стойко.

«Книга о вкусной и здоровой пище» часто подводила Юрия Анатольевича, потому что была рассчитана на опытных хозяек, а он был начинающим хозяином. Посему он часто и попадал впросак. Однажды он, например, по всем правилам зажарил курицу, не вынув из нее ни зоба, ни внутренностей, не отрубив лапок и головы. Бррррр — что получилось!

Но постепенно, консультируясь с Александрой Петровой и соседками, он кой-чему научился. Настал день, когда в кафе он очень иронически сказал официантке:

— По всей вероятности, у вашего повара две бабушки.

— А почему вы так решили?

— Потому что он не умеет готовить. Такую бяку, простите, я могу сделать левой рукой на дырявой сковородке с прошлогодним маслом! — И, гордо подняв голову, Юрий Анатольевич вышел и больше ни разу не бывал ни в этом кафе, ни в других.

Дело не в том, что будто бы везде готовили плохо, а в том дело, что ему понравилось готовить. Вот так!

Конечно, времени на покупку продуктов и суету у плиты уходило немало. Но тут обнаружилось любопытное обстоятельство: ведь если делаешь много дел, получается, что у тебя много времени. Следовательно, для того, чтобы иметь как можно больше времени, надо делать как можно больше дел!

Однажды бабушка Александра Петровна, придя домой, обошла всю квартиру и, садясь за стол на кухне, очень удовлетворенно сказала:

— Если еще и сына этому обучишь, я свою научную задачу могу считать выполненной.

— Ну, а как суп!

— Душа больше желудка радуется. Только я в супе поджаренный лучок уважаю.

И они начали обстоятельно, со знанием дела обсуждать различные кулинарные тонкости.

Так вот и текла жизнь до приезда мамы. Она вернулась загорелой, помолодевшей, поздоровевшей и — недовольной до внешне заметного раздражения.

— Представьте себе, я ни капельки не отдохнула, — заявила она, — ни на вот столечко не поправились, почти не загорела и чувствую себя значительно хуже, чем до отъезда отсюда туда.

— Извини, — удивленно сказал папа, — но твой внешний вид свидетельствует прямо о противоположном! Ты просто расцвела.

— Нельзя судить о человеке только по внешнему виду!

— Кормили, что ли, некачественно! — спросила бабушка. — Погода дождила! Море пересоленное или недосоленное попалося!

— Там было много детей, — нервно объяснила мама, — и, представьте себе, у всех дети как дети. У всех бабушки как бабушки.

— А мамы как мамы там встречались! — сразу обиделась Александра Петровна.

— Я о другом! Все балуют детей, и дети растут нормальными! А я как вспомню... так весь загар сойдет. Что с моим сынулей!

— Поправляется, — озадаченно ответил папа. — Уже

принимает пищу, двигается. Немного разговаривает. Один раз рассмеялся.

Папа Юрий Анатольевич, жалея свою жену (она же мать его несчастного ребенка!), не сказал ей всей правды. И правда эта, как всякая правда, могла напугать. А человек только что вернулся из отпуска, пусть хоть день проживет, не зная, что же творится с его сыном.

Но мама есть мама: она предчувствовала, что с ее сыном творится что-то очень и очень неладное.

— Ужас! — прошептала мама. — Разве я виновата, что все силы и время отдавала чужим детям! Но почему другим детям достаточно одной бабушки, и больше они ни в чем не нуждаются!.. О, ты, мама, вернулась к своим обязанностям! — спросила она, попробовав суп. — Наконец-то!

— Это моя работа, — скромно сообщил папа.

— Не смей меня.

Александра Петровна и Юрий Анатольевич переглянулись и промолчали, ничего не стали ей объяснять. Она с курорта, устала, пусть отдохнет, придет в себя.

Но в тот же день в семье начались осложнения. Узнав о научной регистрации ленивых и склонных к лени детей, мама предельно возмутилась:

— Какая бесчеловечная нелепость! Неужели мы должны и бедного Толика за... это... регистрировать?

— Да, это наш долг и наше спасение, — ответил Юрий Анатольевич, сразу приготовившись к тяжелому разговору. — Неверным воспитанием мы искалечили ребенка и...

— Кто искалечил? Я лично его почти не воспитывала. Это вы с бабушкой довели ребенка до областной психиатрической больницы!

— Хорошо, мы с бабушкой. Тогда ты нам и впредь не мешай его воспитывать.

Не буду передавать этого длинного и действительно

тяжелого для всех разговора, который все равно ни к чему не привел — каждый остался при своем мнении.

Особенно была недовольна мама. Тоном, не терпящим даже самого маленького возражения, она заявила:

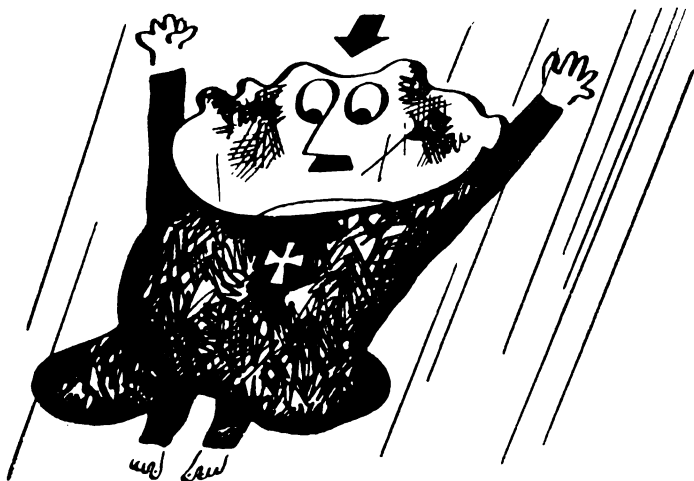
— Теперь моя очередь воспитывать сына. Я лучше вашего знаю детей, не первый год работаю в школе с большим контингентом учащихся.

Такого решения никто не ожидал, может быть, даже и сама мама, а поэтому оно вызвало сначала сильное недоумение, а затем не менее сильную растерянность.

Г Л А В А № 54

**ОТЧАЯННЫЕ ПОПЫТКИ ФОН ГАДКЕ СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТ-
ВУ, ХЕ-ХЕ, БОЛЬШУЮ ПАКОСТЬ И ГИБЕЛЬ ФОН ГАДКЕ
В ВЕРХНИХ СЛОЯХ АТМОСФЕРЫ**

**ВЫПРЫГНУВ ИЗ ОКНА
ШПИОНСКОГО РЕСТОРА
НА «РУКИ ХОХ!», ЧТОБЫ
ВТОРИЧНО ИЗБЕЖАТЬ ПО
ЧЕТНОЙ СПИРТИЗАЦИИ,**

господин оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке уже в воздухе понял, что сейчас разобьется и останется от него только мокрое местечко.

Третий этаж плюс асфальт.

Но успел он подумать и о том, что умирать он не имеет никакого морального права. Не было смысла всю жизнь отдавать борьбе с людьми и детьми, достичь в этой борьбе ряда успехов, избежать почетной спиртизации, поприисутствовать на вечере в честь своей собственной смерти, убедиться, что старым шпионам — коллегам по профессии, — не дороги твои идеалы, а дороже сосиски с кислой тушеной капустой, смело и ловко выпрыгнуть в окно и — вот на тебе! — погибнуть, хряпнувшись об асфальт.

Ох, как ему нужен самолет с большой бомбой! А куда ее шарахнуть, он знает. Только ему одному известны места самого наибольшего скопления детей на нашем земном шаре!

Но сначала надо еще выжить, чтобы не дать жить другим.

О майн бог, помоги!

Помог ему не бог, а грузовик, выскочивший из-за угла; вернее, не только грузовик помог, но и мешки с чем-то мягким, лежавшие в кузове. На них-то и угодил фон Гадке.

«Спасибо, майн бог! — подумал он. — Я опять спасен, опять жив, майль!» Правда, он что-то все-таки отбил себе, внутри у него что-то стряслось, но в целом был целехонек.

Солдаты, стоявшие у входа в шпионский ресторан «Руки хох!», в темноте, конечно, не видели, как из окна выпрыгнул и угодил в кузов грузовика фон Гадке, и поэтому ничего не могли сообщить выбежавшему к ним барону Барану.

— Прочистить весь город насквозь! — тут же приказал он. — Выпустить всех собак-ищеек!

Фон же Гадке чувствовал себя прекрасно. Ему бы только добраться до одного секретного аэродрома, где всегда наготове самолет типа «Бух-трах-13» с большой бомбой и тогда — ух!

Ощупывая мешки, в которых находилось что-то мягкое, фон Гадке развязал один из них и хехекнул: там была одежда. Он быстро разделся и разулся, выбрасывая свои отрепья и остатки сапожек на мостовую.

Одежда оказалась военной, но к какому роду войск она принадлежала, в темноте определить не удалось. Переодевшись, фон Гадке разыскал мешок с обувью. Сапоги были велики, но это были пустяки!

В душонке фон Гадке все пело и ликовало и еще больше запело и заликовало, когда он обнаружил, что грузовик катит в сторону Центрхапштаба — это было и ему по дороге.

Одет фон Гадке был добротню, но все на нем висело, рукава пришлось подвернуть, брюки были неизмеримой ширины, но ведь он не стилига, а попадающий в одну смертельную опасность за другой матерый шпион — душа из всех вон! — чего он скоро сотворит! — лишь бы на глаза никому не попасться.

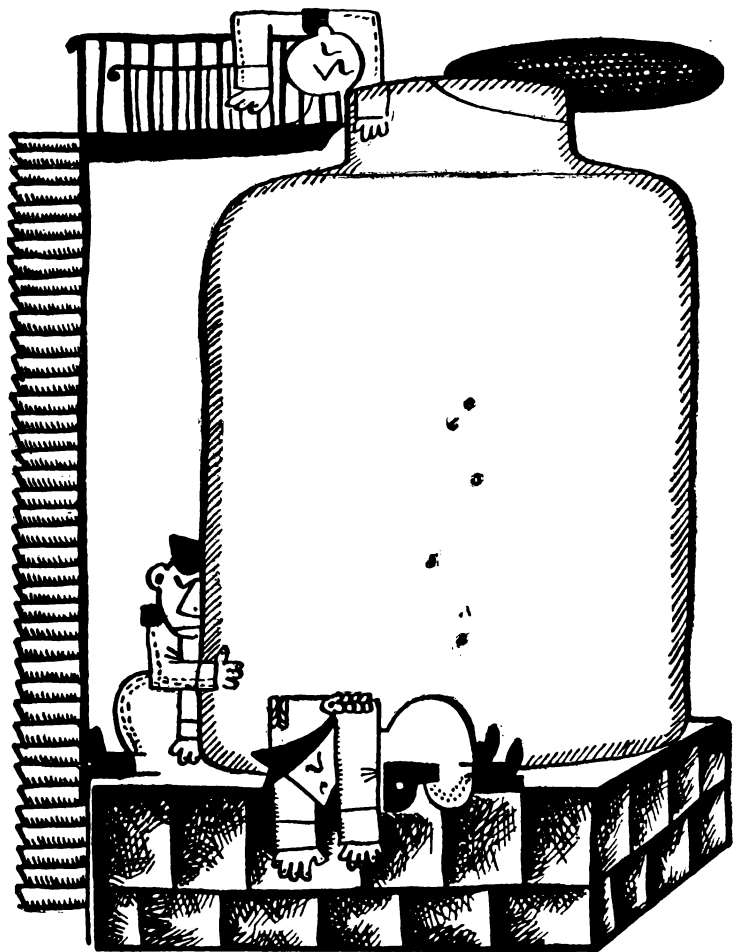
В длиннейших его ушах уже гудел двигатель реактивного самолета, ручки как бы нащупывали рычаг, который освободит от зажимов большую бомбу и — ух!

А в это время собаки-ищейки обнаружили на мостовой его отрепья и остатки сапожек, разорвали все это в клочья (хотя и рвать-то было нечего!), уловили один знакомый и ясный запах — стойкий аромат сосисок с кислой тушеной капустой. Вы сами должны сообразить, что, унюхав этот запах, собаки бросились в шпионский ресторан «Руки хох!», ворвались в зал, где старые шпионы продолжали объедаться сосисками с кислой тушеной капустой, уже и забыв, что угощают их по поводу мнимой почетной спиртизации фон Гадке.

Собаки сбили шпионов со стульев на пол и не давали им шевельнуться. Самый старый шпион хотел возмущенно брыкнуть ногой, но получил в ухо укус.

Барон Баран долго и довольно тупо смотрел на эту картину, ничего, конечно, не мог понять и рассуждал сам с собой, считая, что больше никто воспринять его мысли не способен:

— Ошибиться собаки не могли. Но какое отношение имеют эти старые мумии к выскочившему из окна негодяю фон Гадке!.. Почетная спиртизация объявлена. Солдаты полбанки уже вылакали. Позор со всех сторон! Что

делать! Спирт разбавить водой и сунуть в банку любого из этих капустников. А что! Одеть его в мундир обер-фобердрамхамшнапсфюрера, и пусть себе плавает! Какая разница, кто заспиртован, важно, как он называется! А называться он будет гад Фонке, точнее, фон Гадке. Приказываю! Слу-у-шай меня!

Между тем от страха, обиды, возмущения, а также от чрезмерного изобилия съеденной, но еще не переваренной пищи старые шпионы тихо один за другим отдавали богу свои многогрешные души. И когда отогнали собак и раздалась команда «Встать! Смирно!», половина шпионов впервые в жизни не смогла повиноваться. Одного из них, самого маленького, отобрали, чтобы он плавал в банке с разведенным спиртом вместо фон Гадке, но под его именем.

А настоящего, живого фон Гадке грузовик привез — о майн бог! — прямо во двор шпионской школы Центрахпштаба. Тут он был у себя дома, знал все ходы и выходы и без всякого особого труда (не считая того, что сапоги пришлось нести в ручках) через потайную дверь проник сразу в кабинет барона Барана.

Здесь фон Гадке, не зажигая света и впопыхах поставив сапоги на стол, позвонил на один секретный аэродром и от имени начальника Центрахпштаба приказал подготовить к боевому вылету самолет типа «Бухтрах-13».

И едва только фон Гадке выскользнул через потайную дверь, в обычную дверь вошел сам барон Баран.

Увидев на своем столе сапоги, он так завопил от очень сильного возмущения, что фон Гадке захекекал во все горлышко. Он влез в машину начальства и поехал, повизгивая от удовольствия.

Проезжая по площади перед шпионской школой, он увидел на пьедестале стеклянную банку, в которой пла-

вал какой-то тип в форме оберфобердрамхамшнапсфюрера. В почетном карауле застыли четыре штуки молодых кадров (правда, один застыл не совсем — ковырял в носу с таким старанием, словно хотел задеть глаз изнутри).

Фон Гадке притормозил и крикнул в окошко:

— Майль!

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — рявкнули три штуки молодых кадров, а четвертый не рявкнул: не смог вытащить палец из носа.

«Удивительное я существо,— с упоением подумал фон Гадке.— Я и в банке почетно плаваю, я и здесь вот, в баронбаранском бронированном автомобиле! А скоро я влезу в самолет с большой бомбой! Ух! Внимание, приготовились... только бы ручки не дрогнули!»

Ворота раскрылись, и машина с ходу вырвалась на шоссе, сбив начальника караула, который хотел остановить ее поднятой вверх рукой с пистолетом-пулеметом.

Загремели выстрелы, затрещали длинные автоматные очереди.

«Пуляйте, пуляйте! — насмешливо подумал фон Гадке.— Пуляйте, пуляйте в бронированный-то автомобиль!»

Машина мчалась на дичайшей скорости, на поворотах она лишь чудом не переворачивалась. Конечно, анекдот получился самый настоящий! Ведь автомобиль барона Барана был самым быстроходным в гараже Центрхапштаба, и ни одна машина не могла, хе-хе, догнать фон Гадке!

Загудел телефон, он улучил момент и сбросил трубку на сиденье — опасно было отрывать ручки от баранки. Но и так было слышно, даже сквозь шум мотора, как орал барон Баран:

— Фон Гадке! Гад ты Фонке, вот ты кто! Куда тебя,

старого микроба, несет!! Машину разобьешь, проходи-
мец ты незаспиртованный! Такой машины ни у кого нет!
Пожалей машину, а я тебя пожалею! Верни машину, я
все прощу!

Прижав трубку плечиком к шейке, фон Гадке тоже
заорал:

— Баран Барон, я за твоей баранкой! Ты меня лишил
главного счастья в жизни — работы! Сам тунеядец, и дру-
гим трудиться мешаешь!

— Останови машину, потом поговорим!

— Я тебе покажу, как надо трудиться, не жалея ни
сил, ни машины! Майль! — И фон Гадке вырвал трубку
вместе с проводом, чтобы брань барона Барана не ме-
шала ему.

Впереди самое опасное место — железнодорожный
переезд. Вот тут его и подкарауливают. Надеются, дура-
лей примитивные, что, дескать, сейчас он остановится, а
мы его цап-царап-сцап! Я вам устрою иллюминацию!

Вам нужна машина начальника Центхрапштаба?

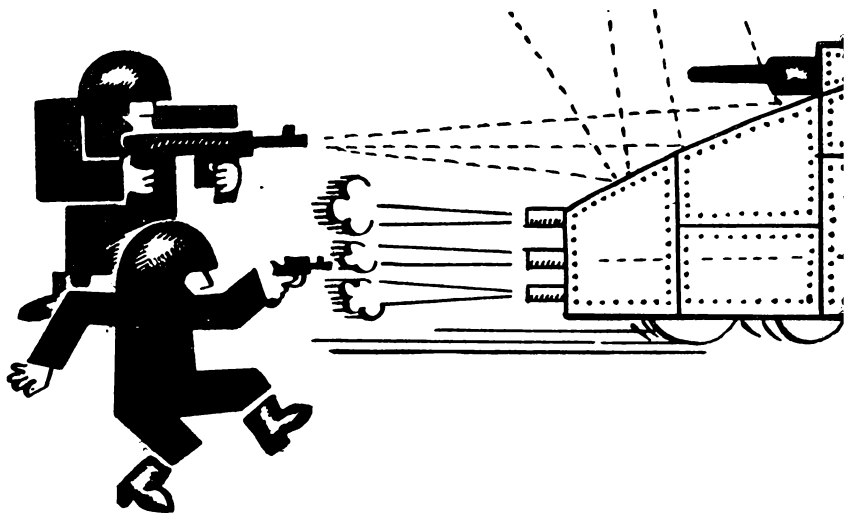
Пожалуйста, получите!

Фон Гадке до самого предельного предела выжал из
мотора всю возможную скорость, еле открыл прижи-
маемую встречным ветром дверь и выпрыгнул.

Сильным потоком воздуха его отбросило очень дале-
ко назад, несколько раз перевернуло и швырнуло в кю-
вет, а там было что-то среднее между водой и грязью,
но он опять — майль! — остался жив.

Он выскочил из кювета и услышал взрыв, и увидел
пламя, и громко-громко захехекал!

Но медлить было нельзя, и он добежал до леса и по-
бежал вдоль опушки, вскоре оказался у железнодорож-
ного полотна, переполз через него и стал подбираться к
мотоциклу, одиноко стоявшему в стороне от скопления
машин. Людей поблизости не было, все, видимо, глазели

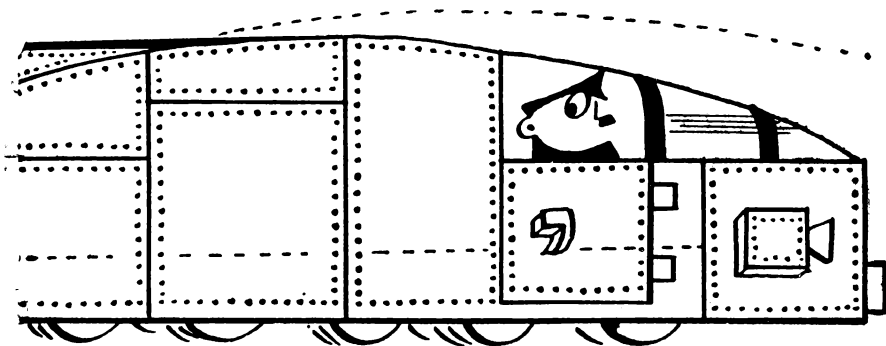
на катастрофу по ту сторону полотна. Фон Гадке уехал, никем не замеченный.

Теперь он уже особенно не торопился и особенно не нервничал. Ветерок приятно обдувал его разгоряченное личико, хотя сам он в мокрой одежде и босиком замерз.

Сердчишко билось учащенно. От радости и подлости перехватило горлышко.

Он загнал мотоцикл в кусты и, даже забыв выключить фару и заглушить мотор, стал пробираться среди деревьев. Не напороться бы в темноте на колючую проволоку, которой опоясан секретный аэродром. Прикоснешься к проволоке и — прозвучит автоматический сигнал тревоги. Тут тебя и сцапают.

Три года назад, обучая здесь шпионов, фон Гадке на

всякий случай оставил в одном месте лазейку, и вот сейчас сверхосторожно искал ее.

О майн бог, помоги!

Но бог не помог — лазейки нигде не было.

Когда дело касалось подлости, мозгишки фон Гадке работали на удивление результативно!

Он, как напуганная собакой кошка, взлетел на высокое дерево, по толстой ветке прошел почти до ее конца и фактически оказался уже на территории секретного аэродрома. Фон Гадке мысленно помолился, проклял барона Барана и прыгнул; очухался от страха и быстро пополз, прижимаясь к земле.

Его длиннейшие уши без труда уловили гул самолета. Он через уши проникал прямо в сердчишко.

Метрах в десяти от самолета фон Гадке ненадолго остановился, чтобы посоображать. Ему, конечно, не хотелось в десяти метрах от цели допустить какую-нибудь досадную оплошность.

Три солдата и механик о чем-то беседовали. Затаив

дыхание от очень большого волнения, фон Гадке подполз к трапу, совершенно перестал дышать, полез вверх, забрался в кабину, закрылся и в изнеможении откинулся на сиденье. Ууууфффф...

Отдышавшись, он включил рацию и очень радостно начал кричать в эфир:

— Слушайте все! Все, кто меня слышит, слушайте! Готовьтесь пережить катастрофу! Где она будет, секрет! Поэтому все дрожите! Говорит господин оберфобер-драмхамшнапсфюрер фон Гадке! Я в самолете с большой бомбой! Хе-хе! Я наизусть знаю карту мира, на которой мною лично отмечены места наибольшего скопления детей! Хе-хе, что будет! Надеюсь, что история человечества меня не забудет! Взлетаю! Трепещите, ребятки! Гуд-байдик!

Он прибавил горючего, и моторы взревели! Самолет почти без разбега оторвался от земли.

Из радиции послышалось:

— Фон Гадке! Фон Гадке! Вы сели в самолет-ракету типа «Антихрист-1»! Она еще ни разу не была в воздухе! Это испытательный образец! Немедленно катапультируйтесь! Немедленно катапультируйтесь!

Не ответив, фон Гадке судорожно искал рычаг с надписью «бомба» и не мог его найти.

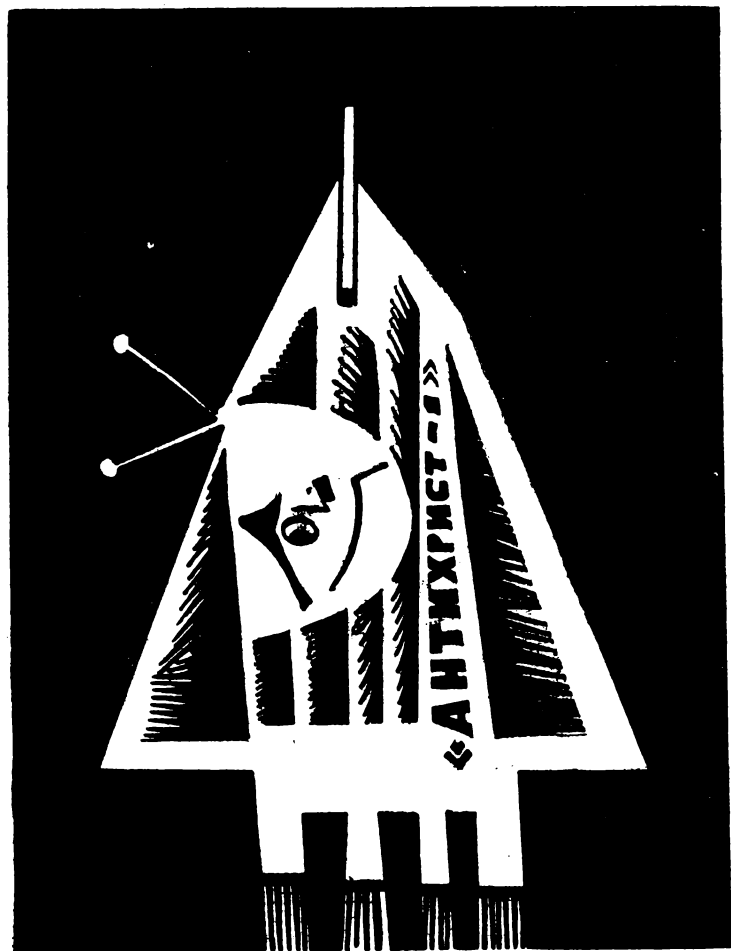
Самолет-ракета не слушался его — он шел только вверх почти по прямой, а давно было пора сворачивать чуть влево.

С каждой секундой в кабине становилось все холоднее, а дышать было все труднее.

Рация надрывалась:

— Катапультируйтесь немедленно! Иначе мы взорвем вас! Ручка катапульты внизу слева!

На лобике фон Гадке от ужасного страха выступил пот и тут же превратился в льдинки. Фон Гадке начал

задышаться: ведь в кабине не оказалось кислородного прибора.

Босые ножки посинели.

— Катапультируйтесь!

Холодеющей, почти окоченевшей ручкой фон Гадке тянулся к ручке катапульты.

— ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД ВЗРЫВАЕМ ВАС! ОДИН, ДВА, ТРИ...

Он таяяаяянуууулся... таяяянуууулся...

И в эти оставшиеся мгновения жизни, совершенно осознавая, что смерть его уже почти наступила, оберфобердрамхамшнапсфюрер фон Гадке успел подумать лишь об одном: как жаль, что ему не удалось уничтожить или сделать ленивыми наших детей! И если бы ему, фон Гадке этакому, представилась возможность сделать ленивым хотя бы одного из вас, кто держит эту книгу в руках, не беспокойтесь: оберфобердрамхамшнапсфюрер отдал бы за это свою фон-гадскую жизнь. Подумайте об этом. Поймите это.

«Господи, майн готт! — успело пронестись в головке фон Гадке, когда он уже понимал, что «Антихрист-1» скоро врежется в земной шар. — Дай мне возможность уничтожить хотя бы одного ребенка! Хотя бы одного киндера! Хотя бы одного анфанта! Или чилдрена! Дай мне заразить их ленью! Тогда я погибну с великолепным сознанием исполненного долга! Майн готт, помоги сделать человечеству хотя бы маленькую пакость!»

Ручки уже не слушались его. Ножки уже оледенели. Погибал один из двух самых главных врагов детей. А дети, конечно, ничего об этом не знали.

Из рации раздалась предпоследняя команда:

— ДЕВЯТНАДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ ОДИН...

Он таяяяяяяянууууу... Не дотянулся. Оледенел. Замерз.

— ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ... ТРИДЦАТЬ!

От самолета-ракеты в мгновение не осталось и пылинки. И от господина оберфобердрамхамшнапсфюрера не осталось ни пылинки.

...Только до сих пор на площади перед шпионской школой Центрхапштаба на пьедестале в стеклянной банке с разбавленным спиртом плавает какой-то тип под именем фон Гадке, и молодые кадры отдают ему шпионские почести.

Г Л А В А № 55

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ТОЛИКА ПРУТИКОВА

**ПСИХОНЕВРОПАТОЛОГ
МОИСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ АЗ
БАРАГУЗ ПЕРЕД ТЕМ КАК
ВЫПИСАТЬ ИЗ БОЛЬНИЦЫ
ТОЛИКА ПРУТИКОВА ПРИ**

нял его родителей и бабушку у себя в кабинете и заговорил довольно суровым голосом:

— Мальчик абсолютно здоров. Более того, он стал значительно лучше, чем был до заболевания. Вы его просто не узнаете. Теперь его отличает высокая степень сознательности и полное понимание своих жизненных обязанностей.

— Нужно его регистрировать или нет! — спросила мама.

— Я бы даже не стал задавать такого вопроса, — очень строго ответил Моисей Григорьевич. — Мальчик нуждается в постоянном медицинско-научном контроле. Все теперь зависит от вас. Будет в семье трудовая обстановка — мальчик вырастет психически здоровым.

Дома Толик с удивлением смотрел, как папа Юрий Анатольевич возится у плиты, ловко накрывает на стол, а мама безуспешно пытается ему помочь.

— Вот отдохну денек, — сказал Толик, — и все вместе будем трудиться.

— Зачем — все! — поразились мама. — Папа все прекрасно умеет делать! Ты под моим руководством начнешь готовиться к новому учебному году.

— Да я все успею! Я в больнице научился супы и компот варить, картошку с колбасой жарить и чай заваривать.

— Это все пока ни к чему. Будем воспитываться по плану. Сначала добьемся высокой успеваемости и примерного поведения на уроках и в перемены, — убеждала мама не столько сына, сколько Юрия Анатольевича и Александра Петровича. — Ведь у меня большой опыт обучения и воспитания детей.

— Меня больше не надо воспитывать, — сказал Толик, — я все теперь понимаю, честное слово! Моисей Григорьевич, знаете, как надо мной потрудился! Всю дурь из меня вытащил. — Он рассмеялся. — Всю дурь, кроме одной. Контрразведчиком я все равно стану!

— Это у тебя не опять началось! — обеспокоенно спросила бабушка.

— Что ты! Нет, это серьезно. Говорят, что кто хоть раз в жизни поймал шпиона, не ловить их уже не может. Пока буду ловить лентяев, Моисей Григорьевич просил меня помогать ему.

Мама посмотрела на него, как на человека, которому осталось недолго жить на этом белом свете, сказала:

— Сынок...

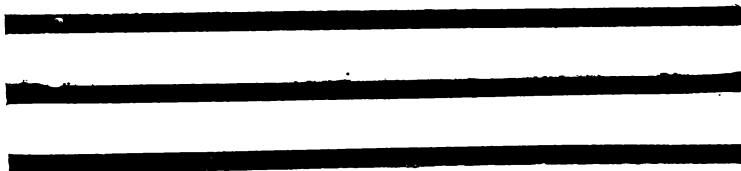
— Что, мамочка!

— Зачем тебе все это!

— Что!

— Ну... шпионы... лентяи... Зачем они тебе!

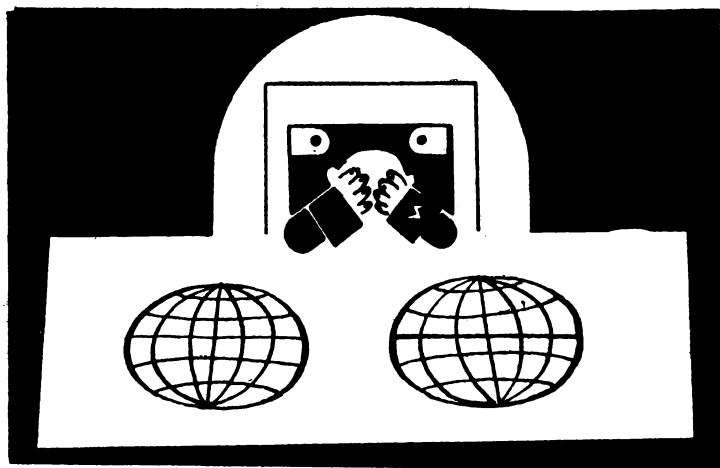
— Мама, это общественная задача. Понимаешь? Вот я на себе испытал, что это такое — быть ленивым. Умереть можно. А шпионы — это самые подлые существа на нашей планете. А есть данные, что шпионы развелись уже на Марсе. А лентяи существуют везде. И мы все ОБЯЗАНЫ БОРОТЬСЯ И С ТЕМИ, И С ДРУГИМИ!

Г Л А В А № 56

**ВИЗИТ ФОНДИ-МОНДИ-ДУНДИ-ПЭКА К ГЕНЕРАЛУ ШИТО-
КРЫТО И НЕОЖИДАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЭТОГО ВИЗИТА**

**ГЕНЕРАЛ ШИТО-КРЫТО СИ
ДЕЛ ОДИН В СВОЕМ ОГ
РОМНОМ КАБИНЕТЕ И ДУ
МАЛ СВОЕЙ ОГРОМНОЙ,
БЕЗ ЕДИНОГО ВОЛОСКА**

головой. Как ни странно, но он еще и предавался переживаниям. Он сидел и жалел, что приемная пуста, нету там офицера Лахита. Конечно, он был проныра, каких свет не видел, предатель был тоже несусветный, денежки любил пуще жизни, в руках врагов оказался по жадности. Проклясть бы его!

И все же он был помощник, живой человек, с ним всегда надо было быть начеку, полагаться с ним можно было, сейфом в него запустить можно было, зная, что он все равно увернется.

Талантливый был негодяй!

А талантливых негодяев становится все меньше и меньше. Как прекрасно погиб в верхних слоях атмосферы фон Гадке! Напугал весь мир! Когда он сообщил, что

летит с большой бомбой и вот-вот шарахнет ее в место наибольшего скопления детей, со всех аэродромов мира взлетели самолеты, чтобы что-нибудь сделать с фон Гадке. Вот это работа!

Остался генерал Шито-Крыто один-одинешенек. Кого ему в помощники взять, когда кругом одни им самим воспитанные предатели и доносчики!! Офицер Лахит, царство ему, верно, небесное, считал страх одной из форм уважения, а эти просто боятся его, своего шефа, без всякого к нему уважения.

Разрешив себе попереживать еще восемь минут — а переживания он полагал бездельничанием, — генерал Шито-Крыто встал и заговорил совершенно мрачным голосом:

— Делаю разбор своих ошибок. Меня преследуют неудачи. Одна за одной. Другая за другой. Потом другая за одной и так далее. Ошибки мои — следствие недостаточной трудоспособности. Я еще очень мало работаю. Ем два раза в месяца, например. Буду есть только один раз в полтора месяца, чтобы не тратить время на принятие пищи и чтобы не тратить силы на переваривание пищи. Я буду стойко переносить все заминки, то есть не буду опускать руки перед бедой, впадать в истерики, падать от дикой злобы в обмороки. Теперь только я один знаю план операции «Братцы-тунеядцы» полностью. У врагов просто не хватит времени подготовиться к борьбе со мной. Но и медлить тоже нельзя. Если враги успеют зарегистрировать лентяев, наша задача значительно усложнится. Вот-вот, с минуты на минуту, с секунды на секунду я отдам приказ о начале действий.

Закончив говорить, генерал Шито-Крыто снова стал прежним — грозным, хитрым, подлым, ловким, каким был, пока его чуть-чуть не сломили следовавшие одна за другой неудачи. Он снова был полностью готов на самый

трудный труд, на самую огромную и разнообразную деятельность.

Он тут же приступил к делам как ни в чем не бывало, не подозревая, что где-то совсем недалеко, прямо-таки поблизости, ему готовится очередная, но на этот раз уже почти смертельная неприятность.

Ведь в кабинете врача Супостата все еще сидел Фонди-Монди-Дунди-Пэк и говорил:

— Я уверен, что, если бы ты был способен соображать, я бы вскоре оказался на свободе, а в руках у тебя — сорок тысяч в хорошей валюте бы оказались.

— Пойми, что во время наичрезвычайнейшего наивойнейшего положения, — убеждал его собеседник, — никто не выпускается с территории «Гроба и молнии» без личного разрешения шефа, или не в его машине! Ликвидируются все виды пропусков и все пароли! Да и куда тебе спешить! Я спрячу тебя в подвал с медикаментами и обязательно...

— И обязательно выдам тебя при первом удобном случае! — добавил, усмехаясь, Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Безвыходных положений не бывает. Ведь я все равно найду выход.

— Ты просто сумасшедший. Кстати, хочешь, я устрою тебя в сумасшедший дом! А! Условия у нас там сносные, куда лучше, чем в карцере.

— Мне нельзя ждать. Да и сорок тысяч в хорошей валюте тебя тоже долго ждать не будут.

Упоминание о деньгах совершенно вывело врача Супостата из всякого равновесия. Он закричал своим толстым голосом:

— Ты думаешь, что я тебе хоть немного верю!

— Веришь. Иначе бы ты уже сто раз разделался со мной. Один раз ты уже пытался со страху выдать меня, — говорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, хотя на душе у него

было тревожно и даже мрачно. К тому же он боялся. Боялся, что не вернется обратно. Туда, где ждали его так называемые утренние и так называемые вечерние зорьки. Там его не будут больше ловить. Там он сам будет ловить ершей и окуней. Он сказал: — Мне остается одно — уничтожить шефа. Тогда в суматохе я, может, и смогу выбраться отсюда без твоей помощи.

— Ты... ты... ты... — Врач Супостат шарил руками в столе, ища то ли оружие, то ли сердечное лекарство. — Ты соображаешь... или... с ума сходишь!.. Уничтожить шефа... это... этим не шутят!

— Я и не шучу. Давай расстанемся мирно, — предложил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Я незаметно выйду из твоего кабинета, и ты тут же забудешь обо мне. Словно я вон там, в расплюсненном гробу. А я обещаю забыть тебя.

— Ого! Вот это взриготно! Вот это окейно! — Врач Супостат вскочил, но тут же обалдело выпучил глаза. — А сорок тысяч в хорошей валюте!

Тут не сдержался даже Фонди-Монди-Дунди-Пэк и показал большой палец, выразительно просунув его между указательным и средним.

— Без денег я тебя не отпущу! Руки вверх! — И врач Супостат вытащил два пистолета, один больше другого. — Думай! Так думай, чтобы я обязательно получил деньги!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк закурил, мысленно ругая своего бывшего приятеля самыми последними словами. Вот уж действительно: свяжешься с дураком — сам соображать разучишься.

— А если, — предложил он, так как еще не разучился соображать, — я добьюсь отмены наичрезвычайнейшего наивоеннейшего положения! Тогда ты, толстая твоя голова, ухитришься мне помочь!

— Не мели чепухи, — очень грубо ответил врач Супостат, к тому же еще и обидевшись. — Как мне получить деньги!

— Никак ты их не получишь, — сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, решительно вставая. — Прощай. Я иду убивать шефа.

И он, как всегда спокойный и невозмутимый, направился к дверям, а вслед ему неслось:

— Стой, стрелять буду! Стрелять буду, стой!

Едва за ним хлопнула дверь, врач Супостат, как, впрочем, и рассчитывал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, схватил телефонную трубку, прохрипел в нее:

— Шефа!

— Кто там! Чего надо! Быстро!

— Шеф... это... я...

— Супостат!

— Так точно.

— Чего тебе! Быстро!

— Шеф... не знаю, как и сказать...

— Не знаешь, тогда пошел вон!

— Вас... сейчас... это... ну...

— Если ты сейчас же в трех-четырех словах не скажешь ничего путного, я засажу тебя в карцер с крысами на двадцать с половиной суток!

— Вас сейчас убьют!

— У тебя что, мозги заплыли жиром?!

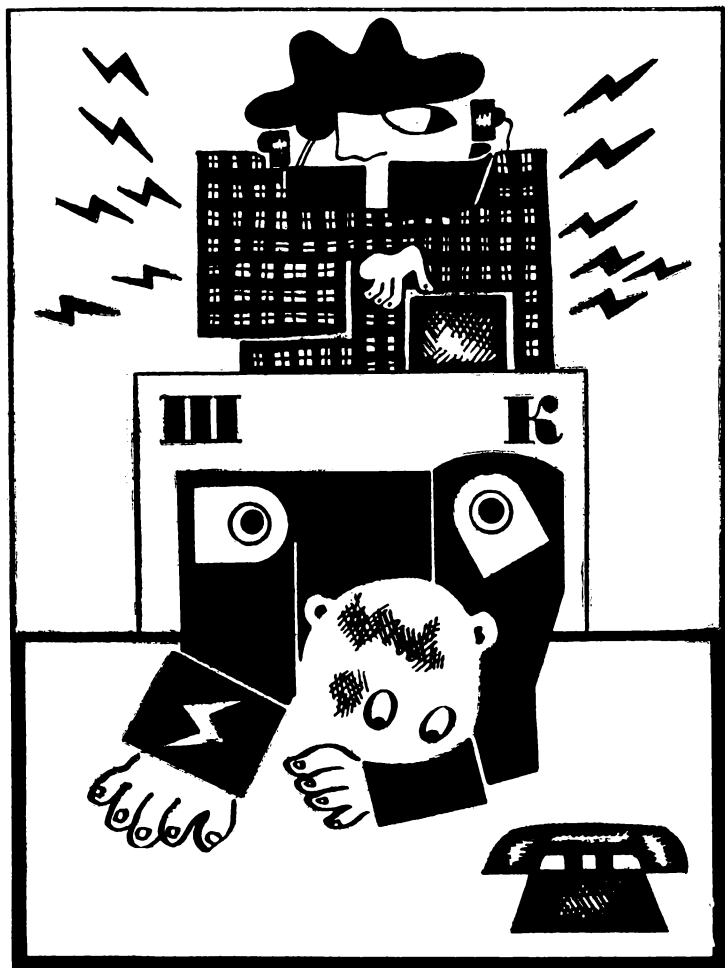
— ЫХ-три нуля идет вас убивать! У него много денег. Сорок тысяч в хорошей валюте. Я боюсь за вас, шеф!

— Сейчас ты получишь по заслугам!

Генерал Шито-Крыто швырнул трубку на рычаг и приказал в микрофон:

— Охрана! Врача Супостата, этого толстого пьяницу, в карцер с крысами на сто суток!

Дверь открылась, и в кабинет вошел Фонди-Монди-

Дунди-Пэк, неторопливо приблизился к столу и сказал:
— Привет, шеф. Вот мы и встретились еще раз. Видимо, в последний.

Генерал Шито-Крыто вскочил, схватился правой рукой за грудь (пистолет он носил у самого сердца), покачнулся, хрипнул и осел в кресло, и замер как бездыханный.

— Слаб ты нервами, оказывается, — облегченно вздохнув, произнес **Фонди-Монди-Дунди-Пэк** и закурил. Курил он медленно, словно наслаждаясь каждой затяжкой, а на самом деле просто пытался хоть немного унять волнение. Но ему было еще и немножко радостно: ни разу в жизни не работал он так рискованно и удачно, как вот сейчас.

Он включил рацию, настроился на нужную волну и начал передавать в эфир, оглядываясь на генерала Шито-Крыто:

— **Щука...щука...я молодой рыбак...щука...срочно готовь удочку... щука... щука... я молодой рыбак... срочно готовь удочку... Прием.**

Из эфира прилетел ответ:

— **Молодой рыбак... молодой рыбак... удочка готова... я щука... удочка готова... Прием.**

Фонди-Монди-Дунди-Пэк передохнул от подкатившей к горлу острой радости и ответил:

— **Щука... щука... вас понял... щука... вас понял. Конец.**

Теперь осталось самое главное и самое опасное. Он включил микрофон и сказал:

— **Срочно шофера к шефу.**

Итак, генерал Шито-Крыто неподвижно сидел в кресле, бывший его агент БХ-000 встал перед столом, и как только шофер вошел в кабинет, Фонди-Монди-Дунди-Пэк громко сказал:

— **Слушаюсь, шеф! Немедленно еду, мы успеем, не беспокойтесь. У нас в запасе полчаса. — И, повернувшись**

к шоферу, приказал: — Быстро, быстро! Должны успеть! На аэродром!

Последнее слово он договаривал уже в машине.

Все в порядке. Удочка, то есть самолет, ждет его.

«Прощай, «Гроб и молния», бывшая «Тигры-выдры»! Прощай, бывший мой шеф, господин генерал Шито-Крыто! — думал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Я больше не агент. Я просто рыбак. Больше меня ловить не будут. Я буду ловить рыбку, большую и маленькую».

Он устало развалился на сиденье, взял телефонную трубку и попросил шефа.

Телефонистка ответила:

— Шеф в госпитале. Инфаркт. Кто спрашивает!

— Когда шеф выздоровеет, передайте ему привет.

— От кого!

— Он знает.

— Простите, а что с шефом! — спросил шофер.

— Разрыв сердца. По-научному — инфаркт. Это от переутомления.

...Поздно ночью Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже спрашивал полковника Егорова:

— Когда я смогу поехать на рыбалку!..

ОТ АВТОРА

ЗДЕСЬ МНЕ ПРИХОДИТСЯ СПЕШНО ОБОРВАТЬ ПОВЕСТВОВАНИЕ, ПОТОМУ ЧТО НАЧИНАЕТСЯ СОБЫТИЕ, ОПИСАНИЮ ПОДГОТОВКИ К КОТОРОМУ И ПОСВЯЩЕНА ЭТА КНИГА.

Г Л А В А № 57

**ПОСЛЕДНЯЯ И ТОЖЕ БЕЗ НАЗВАНИЯ, ПОТОМУ ЧТО СО-
СТОИТ ВСЕГО ИЗ ОДНОЙ ФРАЗЫ**

**В 5 ЧАС. 00 МИН. ПО СРЕД
НЕЕВРОПЕЙСКОМУ ВРЕМЕ
НИ, ЕДВА И КОЕ-КАК ОП
РАВИВШИСЬ ОТ БОЛЕЗНИ,
НАЧАЛЬНИК ШПИОНСКОЙ**

ОРГАНИЗАЦИИ «ГРОБ И МОЛНИЯ» ГЕНЕРАЛ ШИТО-
КРЫТО ОТДАЛ ПРИКАЗ: ПРИСТУПИТЬ К ВЫПОЛНЕНИЮ
ОПЕРАЦИИ «БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ»!

**КОНЕЦ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ,
ПОСЛЕДНЕЙ ИЗ НАПИСАННЫХ ЛИЧНО АВТОРОМ**

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ,

которой автор предлагает дать короткое название

„финал“

**И ПРОСИТ УВАЖАЕМЫХ ЧИТАТЕ-
ЛЕЙ НАПИСАТЬ ЕЕ САМИМ — КАК
ОНИ СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДАЛЬ-
НЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ.
ВЕДЬ ПРОТИВ НИХ НАПРАВЛЕНА
ОПЕРАЦИЯ «БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ»!**

Давыденко

**ДАВЫДЫЧЕВ
ЛЕВ ИВАНОВИЧ**

**РУКИ ВВЕРХ!
ИЛИ
ВРАГ № 1**

Роман для детей среднего возраста

Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор М. Тарасова
Технический редактор Т. Дольская
Корректоры И. Пархомовская, Г. Синягина

Сдано в набор 13/VII 1971 г. Подписано в печать 1/III 1972 г. Формат бумаги тип. № 2-70×108¹/₃₂. Печ. л. 13,5 (усл.-прив. л. 18,9), бум. л. 6,75; уч.-изд. л. 14,693. ЛБ02062. Тираж 50000 экз. Цена 55 коп. Зак. 1122. Пермское книжное издательство. 614000 Пермь, ул. Карла Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, Коммунистическая, 57.

6

A

ДУ ТИКОВ

Я
С
Я

У-ДАВРІДРІДІВ

